ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ

Под общей редакцией
проф. Г. П. Сердюченко

В. М. НАСИЛОВ

ДРЕВНЕ-УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК

№ 63-374

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1 9 6 3

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа В. М. Насилова «Древнеуйгурский язык» входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки», «Арабские диалекты Магриба» и др.

В большей части очерков описываются конкретные языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, мальгашский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, среднеперсидский, финикийский и др.

В данном очерке исследуется язык определенной группы памятников, принадлежавших древним уйгурам. Наиболее значительные из них — «Покаянная молитва манихейцев» (V в.) и сутра «Золотой блеск» (X в.)

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии «Языки зарубежного Востока и Африки».

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНЕТИКЕ И ГРАФИКЕ

Отдаленность во времени памятников древнеуйгурского письма, графическое разнообразие в написании слов в текстах и главным образом диалектальные различия отдельных текстов создают большие затруднения в точном установлении звукового строя древнеуйгурского языка. Кроме того, необходимо учитывать особые приемы и традиции письма, а также этническую принадлежность переводчиков и переписчиков уйгурских рукописей, столь разнообразных по своему стилю, отражавшему влияние китайской, индийской, иранской и тохарской культур.

В познании звукового строя многое оставалось неясным и неточным, пока в науке не стало известно знаменитое произведение Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» и пока В. Томсен через анализ рифм стихов «Кутадгу билиг» не рассеял неправильную фонетическую концепцию В. В. Радлова. Теперь, после тщательного изучения деталей манихейского, согдийского и собственно уйгурского письма и письма брахми, многое из системы вокализма и консонантизма отдельных памятников и их диалектальных вариантов стало ясным. Здесь необходимо учесть и большую работу С. Е. Малова и А. М. Габэн, подытоживших отдельные достижения предшественников. Конечно, многие фонетические проблемы еще остаются нерешенными, но при всем этом детальная расшифровка графической системы рукописей дает возможность выявить основные данные звукового состава того литературного языка, который запечатлен в различных образцах манихейских и буддийских памятников.

Типологический строй вокализма дает два звукоряда: звуки заднего ряда — *а*, *ы*, *о*, *у*; звуки переднего ряда — *э*, *и*, *ө*, *ү*.

Присущий системе тюркского вокализма звук *е* остается под сомнением как реально существовавший, ибо его графическое выражение в алфавитной группе отсутствует, лишь в брахми-письме различаются знаки для *е* и *э*.

При разнообразии приемов написания букв, передающих согласные звуки в различных текстах, в основном можно установить такую систему консонантизма:

	звонкие	глухие	спирантные
губные	*б*	*п*	*в*
зубные	*д*	*т*	
	з (*ҙ*)	*с*	
аффрикаты	(*ж*)	*ч*, *ш*	
нёбные	*ғ*	*қ* (*х*)	
	г	*к*	
плавные	*л* (*l*), *р*		
носовой	*н*		
губно-носовой	*м*		
нёбно-носовой	*ң*		

В заимствованных словах встречаются звуки: *ҳ* (=*h*) — спирант, *в* (=*w*) — полугласный, *ж* — звонкий шипящий.

В консонантизме заметны диалектальные варианты для так называемого «н»-диалекта, например, наряду с обычным *айығ* в «н»-диалекте — *анығ*.

В основном можно установить присущий тюркским языкам сингармонизм звуков переднего и заднего ряда. Если в графической системе орхоно-енисейских памятников сингармонизм достаточно подтверждается дифференциацией букв для согласных заднего звукоряда, то в уйгурских памятниках это можно подтвердить лишь наличием написания губных гласных со значком «и» для переднего ряда и без такового — для заднего ряда. Вторым графическим признаком, подтверждающим такой сингармонизм, являются сочетания *ғ* и *қ* (*х*) с *а*, *ы*, *о*, *у* — для заднего ряда и сочетания *к* и *г* с *э*, *и*, *ө*, *ү* — для переднего ряда.

В сочетаниях основы слова и аффиксов не всегда имеется графическое выражение твердого или мягкого звукоряда, когда наличествует система нейтральных к сингармонизму букв. В этом случае уверенному чтению иногда значительно помогают формы словообразования и главным образом словоизменения. Что касается лабиального сингармонизма, то он, как показывают рукописи, не является последовательно выраженным. Фонемы *о* и *ө* встречаются только в первом слоге, в сингармонизме с ними в последующих слогах чередуются узкие гласные *у*, *ү*.

Примеры:

Көсүшүмүз тәгинүр тәңрим: иситг өзүмүзкә эдгү көңүл турғуруп умуғ ынағ болғыл. Өтүг өтүнүп тынлығларқа эдгүлүк бу ном-эрдиниг киңүрү йадғулуқ улуғ буйан алғулуқ эртиңү кәргәклик өтүг өтүнүң (Уй-II);

Аддасызын, туддасызын, босушсузун қадғусузун қаддуқын үтүнин йарлықамақы болзун (ТМК-I).

Проблема первичных долгот, которые имеют смыслоразличительное значение, до сих пор не решена. В слогах с широкими *о*, *ө* встречается двойное буквенное написание этих звуков, по-видимому, характеризующих долготу звука, например: *оот* 'огонь', *тоон* 'одежда', *өөч* 'месть'. Двойного же написания *а*, *э* в текстах не встречается. В некоторых текстах отмечено двойное написание *ы*, *и* в корневом гласном слова. Что касается узких губных *у*, *ү*, то их двойное написание позволяет предполагать долготу звука, но вторичного характера, например: *уут* 'стыд' — из *үүт*, *түү* 'волосок', 'пушок' — из *түв*, однако *сүү* 'войско', видимо, обнаруживает первичную долготу, предполагаемую в этом же слове в орхоно-енисейских памятниках наряду со словом *кү* (в уйгурских текстах — *күү*) 'молва', 'слух', 'известие'. Отсюда *күүлүг* 'известный', 'славный'. Во всяком случае, несмотря на исследования отдельных ученых (Радлова, Рамстедта, Рясянена, Грёнбека и др.), сказать что-либо определенное относительно первичных долгот мы пока еще не можем.

Интересно отметить, что в так называемом «н»-диалекте в аффиксах словообразования и словоизменения вместо обычных узких гласных *ы*, *и* (*у*, *ү*) в написании характерны *а*, *э*. Примеры:

Сизнәң (вм. *сизниң*) *әсәнән* (вм. *әсәнин*) *қәлтәмәз* (вм. *кәлтимиз*) *аидуқ исәңәззән* (вм. *ишиңизин*) *түкәти ислздәмәз* (вм. *ишләдимиз*)...

Амты йарлағғанчучы (вм. *йарлықанчучы*), *қаңамаз* (вм. *қаңымыз*) *әдгү қылынчлығ ulugәмәз* (вм. *ulugimiz*) *сансаз* (вм. *сансыз*) *түмән йыл болты*.

Приведем таблицы, показывающие графическую систему для вокализма и консонантизма в древнеуйгурских памятниках манихейского и буддийского содержания (ввиду большой сложности в передаче брахми-письма образцы его не даются).

Типологические буквы для гласных звуков

Буквы	Позиции	Манихейск.	Типогр	Уйгурск	Согдийск.
а	начальн.				
	средн.				
	конечн.				
э	начальн.				
	средн.				
	конечн.				
ы, и	начальн.				
	средн.				
	конечн.				
о у	начальн.				
	средн.				
	конечн.				
ө у	начальн.				
	средн.				
	конечн.				

Типологические буквы для согласных звуков

Буквы	Манихейск	Типогр	Уйгурск	Согдийск.
Б-П				
В				
Д-Т				
F				
К				
Г-К				
Л				
М				
Н				
Р				
С				
Ш			= С	
Ч-Ж				
З				
Ң				

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Этногенетическая общность и длительное историческое соседство связывает язык древних уйгуров с языком орхонских тюрков. Во многом языки этих этнических массивов связаны и общностью судеб их носителей в круговороте исторических событий, определявших подъем и падение их языковой культуры. Поэтому в описании лексического состава древнеуйгурских манихейско-буддийских памятников мы встретим много общего с теми особенностями, которые отмечены нами в работе «Язык орхоно-енисейских памятников»[1].

В структуре непроизводных корневых слов в древнеуйгурских памятниках наличествуют именные и глагольные основы. Эти основы — односложные с типами открытого или закрытого слога и двусложные с той же типологией слогов.

ИМЕННЫЕ ОСНОВЫ

Основы, состоящие из Г (гласного элемента)

ы 'дерево', 'растение' (*ы*+*ғач*='дерево').

Основы, состоящие из С (согласного элемента)+Г

лу 'крокодил', 'дракон' (кит.), *нэ* 'что', *со* 'цепь' (кит.), *бу* 'этот', *чу* 'посевная площадь', *бы* (*бы-чқу*) 'нож', *кү* 'слава', 'именитость', 'молва', *қа* 'родственник', *тү* (*түү*) 'волосок', 'пушок', *ла* 'вьючное животное'.

Основы, состоящие из Г+С

ад (*ат*) 'имя', 'слава', 'знатность', *ач* 'голодный', *аз* 'мало', *ал* 'средство', 'способ', *аш* 'пища', *ай* 'месяц', *ат* 'лошадь', *эт* 'мясо', *өс* (*өз*) 'тело', 'существо', 'сам' (греч. σομα), *эм* 'лекарство', *эр* 'мужчина', *эв* 'дом', *ич* 'внутреннее', *ид* 'счет', *иг* 'болезнь', *ис* (*иш*) 'товарищ', 'друг', *ит* 'собака', *от* 'трава', *от* (*оот*) 'огонь', *ол* 'он', 'тот', *он* 'десять', *өг* 'мать', *өг* 'мысль', 'сознание', *өл* 'влажный' (перен. «слеза»), *өм* 'кальсоны', *өд* 'время', *өт* (*өд*) 'наставление', 'совет', *өң* 'цвет', *уч* 'конец', 'вершина', *уд* 'бык', *ув* 'сон', *уз* 'мастер', 'искусник', *үч* 'три', *үн* 'голос', 'звук', *үр* 'длительное время', *үт* 'отверстие', 'дыра', *үз* 'отвращение', 'ненависть' и т. д.

Основы, состоящие из С+Г+С

баш 'голова', 'начало', *кэз* 'глаз', *көл* 'озеро', *көк* 'голубой' ('небо'), *бағ* 'связка', *бан* 'доска' (для писания надписей), *бар* 'наличный', 'целый', *бай* 'богатый', *бэг* 'бек', *бил* 'поясница', *бир* 'один', *бит* 'вошь', *биш* (*бэш*) 'пять', *биз* 'мы', *бош* 'пустой', 'праздный', 'свободный', *боз* 'ненависть', *бөз* 'бязь' (ткань), *чаң* 'колокол', *чаң* 'правитель' (кит.), *чақ* 'время', *чин* (*чын*) 'истинный', 'истина', *хыв* (*қыв*), *хуш* (*қуш*), *хут* (*қут*), *кэд* (*қэт*) 'очень' (согд. *кэδэ*), *кэм* 'боль', 'страдание', *ким* 'кто', *кин* 'после', 'затем', 'за', *кир* 'грязь', *күч* 'сила', *күг* 'нужда', 'затруднение', *күн* 'солнце', 'день', *күн* (*куэн*, кит.) 'священный круг', *күр* 'хитрость', 'коварство', *күз* 'осень', *мар* 'учитель', *мэн* (*мин*) 'я', *миң* 'тысяча', *мүн* 'грех', 'проступок', *нэң* 'вещь', *нэң* 'отрицание', *қал* 'безумный', *қам* 'чародей', 'шаман', *қан* 'хан', *қан* 'кровь', *қаң* 'отец', *қаз* 'гусь', *қыл* 'волос', *қын* (*қыын*) 'трудность', 'затруднение', *қыш* 'зима', *қыв* 'счастье', *қыз* 'девушка', 'дочь', *қол* 'рука', *қар* 'вред', 'ущерб', *қой* 'овца', *қул* 'раб', *қур* 'ряд', *қут* 'счастье', 'почитание', 'освящение', *саб* (*сав*) 'слово', *сач* 'волосы', *сам* 'лекарство', *сан* 'число', 'счет', *сэн*(*син*) 'ты', *сиң* 'чулан', 'житница', *сиз* 'вы', *сын* 'тело', 'орган', *сөн* 'длительное время', *сөз* 'слово' (иногда 'приказание'), *сув* 'вода', *суқ* 'желание', 'страсть', *сүл* 'гной', *шүк* 'молчание', *тағ* 'гора', *там* 'стена', *таң* 'заря', 'рассвет', *тап* 'желание', *таш* 'внешнее', 'вне', *тэв* 'обман', 'хитрость', *тэң* 'равный', *тил* 'язык', *тыл* 'речь', 'слова', *тиш* 'зуб', *тиз* 'колено', *тын* 'дыхание', 'душа', *тон* 'одежда', *топ* 'вкупе', 'все', *тот* 'все', 'вместе', 'вкупе', *төл* 'потомство', 'поколение', *төз* 'корень', 'основа', *туш* 'товарищ', 'друг' (*тууш*), *түл* 'сновидение', *түн* 'ночь', 'темнота', *түп* (*түү*) 'корень', 'основа', *түш* 'польза', 'награда', 'прибыль', *йағ* 'жир', 'масло', *йаң* 'метод', 'способ', 'образ', *йаш* 'свежий', 'зеленый', 'зелень', *йаз* 'весна', *йэк* 'демон', *йиг* 'лучший', 'хороший', *йил* 'ветер', *йир* 'земля', 'страна', *йыд* (*йыт*) 'запах', *йыл* 'год', *йол* 'путь', 'дорога', *йоқ* 'отсутствующий', *йүк* 'груз', 'поклажа', *йүз* 'лицо', *йүз* 'сто'.

Основы, состоящие из С+Г+СС и Г+СС

барс 'тигр', *көрк* 'красота', *барқ* 'здание', 'сооружение', *бэрк* 'очень', 'сильный', *қырқ* 'сорок', *йурт* 'жилище', *йонт* 'лошадь', *төрт* 'четыре', *қурт* 'волк', *эрқ* 'сила', 'могущество', *инч* 'покой', 'отдых' (возможно *и*+*нч*), *ырқ* 'знак', 'намек'.

Двусложные основы образуют также структуру с конечным открытым (1—2) и закрытым слогом (3).

1) Г+С+Г: *ада* 'опасность', 'гибель', *ағы* 'дар', *ана* (=*өгэ*//*үгэ*) 'мать', *апа* 'старшая сестра' (ТМК-I), *ара* 'промежуток', *ата* (=*қаң*) 'отец', *айа* 'горсть', *ағу* 'яд', *азу*

[1] В. М. Насилов, *Язык орхоно-енисейских памятников*, М., 1960.

'или', *эки* (*ики*) 'два', *ини* 'младший брат', *ирү* 'знак', 'намек', 'символ', *иши* 'супруга', *уры* 'потомок', *өзэ* (*үзэ*) 'вверху', 'наверху' (видимо: *үз*+*э*).

2) Г+СС+Г: *орду* 'дворец', *орта* 'средина', *өвкэ* (*опкэ*) 'гнев', 'раздражение', *утлы* 'награда', *алқу* 'все', 'целиком', *алты* 'шесть' и т. д.

3) Г+С+Г+С, Г+СС+Г+С: *ачығ* (от *ачы*), 'горький' и *ачығ* 'гнев', 'ярость', *адақ* (*адах*) 'нога', *адаш* 'товарищ', 'друг', *арслан* 'лев', *ағаз* (*ағыз*) 'рот', *ағыр* 'трудный', 'тяжелый', *ажун* (*ачун*) 'мир', 'вселенная', 'стадия перевоплощения живых существ', *амыл* 'разумный', 'кроткий', *арығ* (от *ары*) 'чистый', *асығ* 'польза', 'выгода', *азағ* 'ошибка', 'грех', 'погрешность', *әлиг* 'рука', *эмгэк* 'страдание', 'труд', *эрдем* (от *эр*) 'добродетель', *эшкәк* 'осел', *эвир* 'круг', 'окружность', *эзүк* 'фальшивый', 'ложный', *игит* (*игид*) 'ложь', 'хитрость', 'коварство', *эркэк* (*иркэк*) 'самец', *исиг* 'теплый' (*исиг эт-өз* 'живое существо'), *ыдық* 'священный', *ығач* 'дерево', *ынақ* 'надежда' (слово производное, но самостоятельного глагола *ына* нет), *ырақ* 'далекий', 'дальний', *одун* 'виновный', 'грешный', *оғлан* 'дитя', 'юноша', 'мальчик', *оғур* 'время', 'срок', 'событие', *оғуш* 'племя', 'род', *орун* 'место', *отуң* 'топливо', *отуз* 'тридцать', *өртэн* 'пламя', *өсэн* 'внутреннее' (=*өзэн* 'сокровенный', 'внутренний').

Тексты дают возможность зафиксировать большое количество слов со структурами С+Г+С+Г, С+Г+СС+Г, С+Г+С+Г+С, С+Г+СС+Г+С и др.

баҗа 'порча', 'грех', *бачағ* (*пачағ*) 'пост' (производное от *бача* 'поститься'), *баға* 'черная жаба', *бакшы* (*бахшы*/*пахшы*) 'шаман', 'врач', 'наставник', *балық* 'город', *басут* 'помощь', *башық* 'песня' (ТМК-III), *бэдүк* 'большой', 'великий', *бэдиз* 'рисунок', 'орнамент', *бэргэ* 'бич' ('кнут?'), *бэзгэк* 'лихорадка', *бичин* 'обезьяна', *бөгү* 'колдовство', 'чародейство', *булыт* 'муть', 'облако' (производное от *бул*, но этот корень не встречается, имеется *булун-* 'мутиться'), *бушы* 'милостыня', *бутық* 'ветка', 'лоза', *чэчэк* 'цветок', *чөбик* 'помутнение', 'помрачнение', *чулву* 'позорное слово', *чүвит* 'индиго', *дарны* (санскр. *dhārna*) 'правило', 'молитвенная или заклинательная формула', *динтар* (*диндар*, согд. *дзендзар*) 'служитель', *дийан* (санскр. *dhyana*) созерцательное размышление', *футси* (кит. *fu-tse*) 'ученый', 'мудрец', *ғонағ* 'большое здание' (правительственное), *қата* (*хата*) 'раз', *қатун* (*хатун*) 'госпожа', *қысқа* (*хысқа*) 'короткий', *құнчуй* (*хунгуй*) 'княжна', *кэгдэ* 'бумага', 'грамота', *кэнтү* 'сам', *кэйик* 'горная лань', *кэзик* 'ряд', 'порядок', *кичиг* 'маленький', 'младший', *киртү* 'истинный', 'верный', *көмэн* 'иллюзия', 'самообман', *көңүл* 'сердце', 'чувство', 'душевные переживания', *кәнгі* 'верный', 'правильный', *кәнти* (санскр. *кшанти*) 'покаяние', *күмүш* 'серебро', *күсүн* (*күсин*) 'сила', 'мощь', *лағзын* 'свинья', *топуз* 'палица', *мадар* 'демон', 'дьявол', *манггал* 'счастье', 'почитание', *мантал* (санскр. *mandala*) 'талисман', 'чародейство', *мэңи* 'радость', *мэңи* (*мэңү*, *мэңигү*) 'вечный', *мэңиз* 'лицо', *могыч* (*могоч*) 'маг', 'волхв', *мудур* (санскр. *mudra*) 'печать', *нырван* (санскр. *nirwana*) 'нирвана' (т. е. бытие в небытии или небытие в бытии), *пинват* 'милостыня', *прамит* (санскр. *pâramita*) 'парамита' (название сутры), *прману* (санскр. *paramâṇu*) 'атом', *қадғу* 'горе', 'горечь', 'скорбь', *қалты* 'как', 'подобно тому, как', 'если', *қамағ* 'весь', 'все', *қамыш* 'камыш', *қолу* 'время', *сапағ* 'выгода', *сэкиз* 'восемь', *сизик* 'сомнение', *сүзүк* 'чистый', *созақ* 'селение', *таму* 'ад', *танғу* 'часть', 'участочек', *таңыш* 'боязнь', 'страх', 'тревога', *тақы* 'еще', *тақшут* 'стихотворение', *таврақ* 'быстрый', 'скорый', *тэңри* 'бог', 'небо', *тылтағ* (*тылтақ*) 'причина', *тоқуз* 'девять', *түмкэ* 'невежественный', *вакшик* (*вахшик*) 'дух', *түрүк* 'сила', *түтрүм* 'глубокий', *вихар* 'монастырь' (санскр. *vihara*), *йабыз* (*йавыз*) 'дурной', 'злой', *йаблақ* (*йавлақ*) 'плохой', 'дурной', *йағы* 'враг', *йанқы* 'цена', 'возмещение', 'вознаграждение', *йантут* 'цена' (обменная стоимость), *йақын* 'близкий', *йарақ* 'оружие', *йартан* (*йартым*) 'часть' (половина), *йаруқ* 'свет', 'блеск', *йасуқ* (*йазуқ*) 'грех', 'проступок' (см. *йазынч*), *йитиз* 'далекий', *йалтыз* 'корень', *йутуз* 'супруга', *Зруа* 'Зерван' (божество).

Основы, состоящие из С+Г+СС+Г+СС+Г, Г+ССС+Г+С

йиртинчү 'мир', 'вселенная', *арслан* 'лев'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Структура звуковых элементов в глагольных основах дает типы односложных основ.

ба- 'связывать', *тэ-* 'сказать', *са-* 'считать', *у-* 'мочь', *сы-* 'ломать', *йэ-* (*йи-*) 'есть', 'съедать', *ту-* (*тут-*) 'держать', 'брать', *ай-* 'сказать', 'сообщить', *өг-* (*өк-*) 'хвалить', 'прославлять', *он-* 'исцелиться', 'выздороветь', *ут-* 'получить прибыль' (выгоду), *уқ-* 'понимать', 'уразуметь', *үрк-* 'бояться', 'пугаться', *үз-* 'разорвать', 'отрезать', *йанч-* 'согрешить' (совр. уйг. *йанч-* 'топтать', 'попирать'),

йат- 'лежать', 'растянуться', 'простираться', *йығ-* 'собирать', *йүд-* 'нагружать', *ал-* 'взять', 'брать', *алқ-* 'кончать', 'завершать', *ач-* 'открыть', *ағ-* 'возвышаться', 'возрастать', *бар-* 'достигать', 'прибыть', 'идти', *бас-* 'подавить', 'победить', *бат-* 'погружаться', 'тонуть', 'заходить' (о солнце), *бил-* 'знать', 'познавать', *бир-* 'дать', *быч-* 'резать' (ножом), *бол-* 'быть', 'являться', 'становиться' (кем- или чем-нибудь), *боз-* 'разрушать', 'портить', *бул-* 'находить', 'приобрести', 'добыть', *бүрт-* 'прикасаться', 'трогать', *бүт-* 'кончаться', 'завершаться', *чағ-* 'бить', 'ударять', *эг-* 'нагибать', 'согнуть', *эр-* 'быть', *ич-* 'пить', *илт-* 'нести', 'вести', *ин-* 'спускаться', 'сходить вниз', *ыд-* 'посылать', *кэч-* 'проходить', 'переходить', *кэд-* 'надевать', *кэс-* 'резать', 'разрезать', *кир-* 'входить', *көр-* 'видеть', *күт-* (*күд-*) 'ожидать', *кү-* 'хранить', 'оберегать' (СЗБ), *қал-* 'оставаться', *қап-* 'схватывать', *қыл-* 'делать', 'совершать', *қоч-* 'обнимать', *қорқ* 'бояться', *қун-* 'ударять', *сач-* 'рассеивать', 'рассыпать', *са-* 'говорить' (видимо, производное *сав* 'слово' происходит от этого глагола), *санч-* 'пронзить', *сан-* 'считать', 'полагать', *сэр-* 'терпеть', 'переносить', *ар-* 'оболщать' (букв. 'обвить'), *аз-* (*аш-*) 'перейти' (через предел), *сэв-* 'любить', *силк-* 'сотрясать', *сөн-* 'гаснуть', 'прийти в упадок', *сүн-* 'ослабевать', *сүр-* 'гнать', 'водить' (пасти), *сүз-* 'очищать', 'делать прозрачным', *тал-* 'ослабеть', 'упасть в обморок', *тан-* (*тэң-*) 'хулить', 'порочить', *тап-* 'поклоняться', 'почитать', *тарт-* 'тянуть', *тат-* 'пробовать', 'испытывать', *тай-* 'спускаться' (падать), *тэг-* 'доходить', 'достигать', *тэз-* 'бежать', 'убегать', *тол-* 'наполняться', *төк-* 'лить', *туй-* 'чувствовать', 'понимать', *тур-* 'стоять', 'пребывать', *түт-* 'надуваться', *түш-* 'падать', 'опускаться' (умирать), *йалқ-* 'сводить на нет', *йан-* 'возвращаться', *үрк-* 'бояться', 'пугаться'.

В памятниках встречается довольно большое количество двусложных основ с конечным гласным и конечным согласным.

бити 'писать', *ачы-* 'огорчать', 'причинять страдание', *ада-* 'называть', 'именовать', *адыр-* 'разделять', 'разлучать', *ағна-* (*ағына-*) 'корчиться', 'барахтаться', *алқын-* 'исчезать', *алқан-* 'поедать', 'сжирать', *амран-* (*амыр-*) 'любить', *ақтур-* 'повышать', 'поднимать', *арқур-* 'переходить', *арта-* 'разрушаться', *айа-* 'уважать', 'почитать', *бача-* 'поститься', *бэтү-* (*бэдү-*) 'увеличиваться', 'становиться большим', *бирик-* 'собираться', 'соединяться', *бынық-* 'выздороветь', *бошғур-* (*бошғун-*) 'учиться', 'изучать', *бошу-* 'прощать', 'избавить' (от грехов), *булға-* 'запутываться',

'мутиться', *бутуқ-* 'находиться', 'являться', *часур-* 'клеветать', *чилтэ-* 'почитать', 'уважать', *чоқра-* 'кипеть', *эмгэн-* 'страдать', 'переносить трудности' (*эмгэт-*—переходный глагол), *эркlэн-* 'усиливаться', 'мощнеть', *эшид-* 'слышать', *эврил-* (от *эвир-*) 'вращаться', 'возвращаться', 'находиться в отношении', *хары-* (*қары-*) 'стариться', *хатал-* (*қатал-*) 'соединяться', *хуртул-* (*қуртул-*) 'избавиться', *иди-* 'собрать', *игдэ-* 'фальшивить', *игид-* 'питать', 'воспитывать', *илэн-* 'управлять', 'править', *илгүн-* 'влиять', 'воздействовать', *илин-* 'пристать', 'прицепиться', *имир-* 'страдать', 'беспокоиться', *имрэн-* 'желать', 'иметь аппетит', *ирән-* 'быть несчастным', *ишlэ-* 'делать', 'работать', *ычғын-* 'исчезнуть', *ынан-* 'верить', *кэди-* 'созревать', 'произрастать', *кэкрэ-* 'ненавидеть', 'питать отвращение', *киlэр-* 'лопнуть', 'треснуть', *кирткүн-* 'верить', 'веровать', *көгүр-* 'распространяться', 'расширяться', *көкрэ-* 'реветь', 'вопить', *көнүр-* (*көйүр-*) 'жечь', 'зажигать', *көтүр-* 'уносить', 'терпеть', *көзүн-* 'виднеться', 'показываться', *күзэт-* 'блюсти', 'заботиться', *муңад-* 'переносить страдание', *мунтур-* 'обводить', 'ходить кругом', *оғра-* 'представлять' (себе), 'воображать', *оғша-* 'походить', 'уподобиться', *олғур-* 'посадить', 'усадить', *олур-* 'сидеть', 'возвышаться', *оңул-* 'улучшаться', 'выздороветь', *оқы-* 'звать', *орнан-* 'селиться', 'располагаться', *озғур-* (*осғур-*) 'избавлять', 'спасти', *өчүр-* 'гасить', 'ликвидировать', *өдрүl-* 'разделяться', 'отделяться', *өгlэн-* 'прийти в себя', 'прийти в сознание', *өкүн-* 'раскаяться', *өlүр-* 'умертвить', *өңэд-* 'улучшаться', 'выздороветь', *өртэк-* 'гореть', 'пламенеть', *өсүр-* (*өткүр-*) 'просвещать', 'объяснять', *өтүн-* 'молиться', *пүтүр-* 'кончить', 'завершить', *қадғур-* 'опечалиться', 'огорчиться', *қамыл-* 'вращаться', 'опрокинуться', *қамша-* 'возбуждаться', 'подстрекаться', *қапар-* 'раздуваться', 'набухать', *қатыл-* 'примешиваться', 'присоединяться', *қавза-* 'жать', 'давить' (втиснуть), *қазған-* 'приобрести', 'собрать', *қықыр-* 'возглашать', 'взывать', *қысқан-* (*қызған-*) 'завидовать', *қоғша-* 'слабеть', 'ослабевать', *қуртғар-* 'избавлять', 'спасать', *қутғар-* (*қутқар-*) 'избавлять', 'спасать', *қувра-* 'собирать', 'сосредоточить', *сақын-* 'думать', 'размышлять', *сэрин-* 'терпеть', 'переносить', *сиңир-* 'проглатывать', *сығын-* 'искать убежища, защиту', *сығта-* 'плакать', 'причитать', *сықан-* 'сгибаться', *соғыт-* 'охлаждать', 'вызвать неприязнь' (разочаровать), *сөкlүн-* 'быть разорванным', 'разодранным', *сөңүш-* 'сражаться', *сөзlэ-* 'говорить', *соғул-* 'высохнуть', *сувса-* 'жаждать', *шымта-* 'выпустить', 'освободить', *тағсур-* 'петь', *тамыт-* 'гореть', *таңла-* 'изумлять', 'удивлять',

тапын- 'почитать', 'поклоняться', 'служить', *тарқар-* 'рассеивать', 'разогнать', *ташыл-* (*ташық-*) 'выступить', 'перейти через предел', *тавран-* 'торопиться', 'спешить', *тайан-* 'опираться', 'надеяться', 'полагаться', *тэбрэ-* 'колебаться' (о земле), *тэгин-* 'достигать', 'приближаться', *тэгшил-* 'изменяться', 'меняться', *тэгүр-* 'довести к...', 'дать коснуться', *тэгзин-* 'вращаться', 'кружиться', *тэтүл-* 'обмануться', 'сбиться', *тілэ-* 'просить', *тиргүд-* (*тиргүр-*) 'оживить', *титрэ-* 'дрожать', 'трястись', *тыдын-* 'воздерживаться', 'ограничиваться', *тылтан-* 'основываться', 'иметь причину', *тодғур-* (*тотғур-*) 'насытить', *толған-* 'беспокоиться', 'мучиться', *турғур-* (*турқар-*, *турқур-* 'возбуждать', 'восстанавливать' (против кого-либо), *түлтэ-* 'украшать', 'делать приятным', *түртүн-* 'напомадить', *удуғур-* 'пробуждать', *удун-* 'почитать', *ула-* 'связывать', 'соединять', *улғад-* 'увеличиваться', 'возвеличиваться', *урсуқ-* 'быть пронзенным (стрелой)', 'получать побои', *утрун-* 'противостоять', 'противодействовать', *узан-* 'простираться', 'протягиваться', *йағу-* 'приближаться', *йалқан-* 'обмануться', *йапшын-* 'привязываться', 'приставать', *йарат-* 'творить', 'созидать', *йарут-* 'освещать', *йашу-* 'блестеть', 'сиять', *йилин-* 'прилипать', 'привязываться', *йинчүр-* 'сгибаться', *йиңү-* 'гнить', 'разлагаться', *йитлын-* 'уничтожаться', 'исчезать', *йивэт-* 'оснащать', 'обородовать' (СЗБ), *йығыл-* 'собираться', *йоры-* 'ходить', 'двигаться', *йэлэш-* 'походить', 'иметь сходство', *йүкүн-* 'преклоняться', 'почитать'.

В текстах встречаются и трехсложные основы глагола, однако многие из них производные от двусложных именных или глагольных основ:

тсуйурқа- 'сострадать', 'проявлять милосердие', *ағына-* 'барахтаться', 'корчиться' (СЗБ), *алаңур-* 'ослабеть' (СЗБ), *арытын-* 'стать чистым' (перен. «умирать») и др.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ

Непроизводные основы, типические примеры которых приведены выше, имеют дальнейшее развитие путем агглютинации. Агглютинация в процессе словообразования формирует лексико-грамматические категории, дифференцируя их как имена, глаголы, наречия и служебные слова. Такое развитие определяется закономерностями, сложившимися издревле в алтайских языках и очень четко проявляющимися в памятниках древнеуйгурского языка (в текстах буддийского и манихейского содержания).

Лексические категории, являющиеся производными, позволяют выделить две системы агглютинирующих аффиксов. Одни из них — очень древние словообразовательные элементы, которые давно стабилизировались как словообразующие аффиксы лексических категорий в формах, готовых для словаря языка. Другая система аффиксов проявляет себя как действующая система, способная к словообразованию в данной фазе развития языка и расширяющая возможности развития лексических понятий. И в той и в другой аффиксальных системах грамматического способа словообразования выделяются три основных направления: образование имен от именных основ, имен от глагольных основ и образование глаголов от именных основ. Образование глаголов от глаголов представляет особую лексико-семантическую систему, выражающую семантику различных залогов глагола или его модальных проявлений, или изменений смысловых оттенков его внутреннего содержания.

Образование имен от именных основ

Аффикс **-чы//-чи** с именными основами образует имя деятеля (nomen agentis):

өтэкчи 'должник'—от *өтэк* 'долг'; *тапычы* 'служитель'—от *тапыг* 'служение'; *өлүмчи* 'убийца' - от *өлүм* 'убиение'; *өтүнчи* 'проситель'—от *өтүг* (*өтүк*) 'просьба', 'желание'; *көркүчи* 'зритель', 'смотрящий'—от *көркү* 'зрение'; *йадчы* 'заклинатель', 'чародей'—от *йад* 'колдовство'; *йолчы* 'путеводитель', 'вождь'—от *йол* 'путь', 'дорога'.

-лыг//-лиг, -луг//-лүг с именными основами чаще всего образует адъективные понятия:

ағулуг 'ядовитый'—от *ағу* 'яд'; *билигліг* 'знающий'—от *білиг* 'знание'; *мэңілиг* 'веселый'—от *мэңі* 'радость'; *күчлүг* 'сильный'—от *күч* 'сила'; *сүлүг* 'воинский'—от *сү* 'войско'; *йиртинчүлүг* 'мировой', 'вселенский'—от *йиртинчү* 'вселенная'; *чоғлуг* 'пламенный'—от *чоғ* 'пламя', 'свет'; *йалынлыг* 'пламенный'—от *йалын* 'пламя', *чэчэклиг* 'цветущий', 'украшенный цветами'—от *чэчэк* 'цветок'.

-лық//-лик, -лук//-лүк образует субстантивные и адъективные понятия:

қадғулуқ 'горе', 'печаль'—от *қадғу* 'горе'; *пусушлуқ* 'скорбь'—от *пусуш* 'горе', 'печаль', но *пусушлуг* 'скорбный'; *ағылық* 'казна'—от *ағы* 'дар', 'подарок'; *қэрқынчлық* 'страх'—от *қэрқынч* 'страх', 'боязнь'; *қарақлық* 'сила', 'могущество'— от *қарақ* 'наблюдение', 'зрение';

йимишлик 'плодовый сад'—от *йимиш* 'плод'; *түрлүк* 'разнообразие', 'разнообразный'—от *түр* 'форма'.

-сыз-//сиз, -суз//-сүз (диалект. **-саз//-сэз**) дает адъективные понятия и иногда субстантивные.

билигсиз 'лишенный знания' (мудрости)—от *билиг* 'знание'; *итинисиз* 'безграничный', 'недостижимый'—от *йитинч* 'предел' (*йит-* 'достигать'), омонимично с *йитинч* 'седьмой'; *инисиз* 'страждущий', 'печальный'—от *инч* 'покой'; *йағысыз* 'не имеющий врага'—от *йағы* 'враг'; *йавлақсыз* 'не имеющий злобных'—от *йавлақ* 'злой'; *йоқсуз* 'вне бытия'—от *йоқ* 'отсутствующий'; *ажунсуз* 'вне воплощения'—от *ажун* 'мир', 'вселенная' (воплощение); *йаруқсуз* 'лишенный света'—от *йаруқ* 'свет'; *сувсуз* 'жаждущий'—от *сув* 'вода'; *мәңгүсүз* 'вне вечности'—от *мәңгү* 'вечный'; *түпсүз* 'лишенный основания'—от *түп* 'корень', 'основа', *игсәз* 'здоровый' (небольшой)—от *иг* 'болезнь'; *адасаз* 'безопасный'—от *ада* 'опасность', 'гибель'.

Следует заметить, что точный эквивалент русским адъективным понятиям (т. е. прилагательным) установить трудно, например:

Адасызын, тудасызын, босушсузун, қадғусузун, қасықсын, бүтүнин йарлықамақы болзун 'Да пребудет его благоволение (милость) без опасности, без несчастий, без забот, без горя крепким и целостным' (ТМК-I)—здесь все слова с аффиксом *-сыз* оформлены в творительном падеже.

Аффикс **-дам//-дэм, -там//-тэм** создает чаще всего субстантивные понятия, иногда адъективные:

эрдэм 'мужество', 'добродетель'—от *эр* 'мужчина'; *тәңридэм* 'божественный', 'божество'—от *тәңри* 'небо', 'бог'; *күндэм* 'солнечный', 'светозарный'—от *күн* 'день', 'солнце'; *йинтэм* 'постоянный', 'единственный'—от *йин*(?) 'только'; *бирдэм* 'сразу', 'совершенно', 'полностью'—от *бир* 'один'; *боғдам* 'нечистота', 'плесень'—от *боғ* 'экскремент'.

-ғақ//-гэк, -қақ//-кэк встретился в словах, образованных от глаголов и имен:

эшкек 'осел' (СЗБ, Уй-III, ТМК-I)—от *эш* 'спутник'; *қулғақ* 'ухо'— этимогенезис не ясен; *тозғақ* 'цветочная пыльца' (Уй-III)—от *тоз* 'пыль'; *бәзгәк* 'лихорадка', 'горячка' (Уй-III)—от *без* 'опухоль' (*безек* 'украшение').

В более поздних текстах уйгурского языка указанный аффикс встречается чаще.

-ғу//-гу, -қу//-кү:

эогү 'добро', 'благо'—от *эд* 'имущество', 'добро'; *эсэнгү* 'здоровье'—от *эсэн* 'здоровый', 'благополучный'; *оғлағу* 'наивный', 'по-детски нежный'—от *оғул* 'сын'; *мәңигү* 'святость'—от *мәңи* 'радость', 'светлое настроение'; *нәгү* 'какой', 'что за'—от *нә* 'что'; *адынағу* 'иной', 'различный'—от *адын* 'другой', 'иной'; *инчкү* 'покой', 'тишина'—от *инч* 'покой', 'тишина'.

-сук//-сақ:

бағырсақ (Уй-IV) = *бағырсақ* (ТМК-II) 'милосердие', 'милость', восходит к слову *бағыр* 'печень', перен. 'любимый'; *таңсық* 'сладкий', 'приятный'—от *таң* (СЗБ) 'сладкий', 'нежный', 'удивительный', ср. *таң* (ТМК-II) 'рассвет', 'чудо'; *тапығсақ* 'почитатель', 'служитель'—от *тапығ* 'служение'.

Аффикс **-рақ//-рэк** встречается в словах с адъективным значением и является формантом усилительной степени качественного признака[1]:

Аны көрүп тақы артуқрақ уйырқанты йоқурқанты (СЗБ) 'Увидев это, она еще больше ослабела и обомлела';

«Утқурақ бар эрки эрдимлиг артақ йавыз адалар»,— тип тидг (СЗБ) '«Лучше бы имелось минувшее, чем губительная и дурная беда (т. е. лучше бы миновала, чем случилась беда.—*В. Н.*)»,— сказала она';

«Эдгү қылынч өкүшрэк қылмадым»,—тип... (ТМК-III) '«Я не сделал добрых дел больше»,—говоря...';

Тәңрим, алпым бәгрэким (ТМК-II) 'Мой бог, герой мой, княжич мой';

артуқ 'много'—*артуқрақ* 'больше'; *утқу* (видимо, глагольное имя от *ут//уд*)—*утқурақ* 'окончательно', 'все', 'целиком'; *өкүш* 'много'—*өкүшрэк* 'больше'; *бәгрэк*, видимо, ласкательно-уменьшительное «княжич»—от *бег* 'бек', 'князь'.

Образование имен от глагольных основ

Аффикс **-ғ//-г** образует адъективные и субстантивные понятия:

ачығ 'горький', 'горестный'—от *ачы-* 'скорбеть', 'горевать'; *аиғ* 'слово', 'высказывание'—от *ай-* 'сказать', 'говорить'; *арығ* 'чистый'—от *ары-* 'быть чистым'; *асығ* 'польза', 'выгода'— от *асы-н-* 'пользоваться'; *атқағ* 'связь', 'повязка', 'оковы'—от *атқа-н-* 'связывать'; *айағ* 'почитание', 'поклонение'—от *айа-* 'почитать', 'уважать'; *әлиг* 'рука', ср. *әли(т)-* 'приносить'; *бағ* 'связь', 'связка'—от *ба-* 'свя-

[1] В ряде тюркских языков этот аффикс является формантом и степени ослабления признака, особенно при деепричастных формах, например: *тутупрақ* 'придерживая', *йәтипрэк* 'понемножку достигая' и т. п.

зывать'; *бачағ* 'пост'—от *бача-* 'поститься'; *битиг* 'письмо', 'писание', 'книга'—от *бити-* 'писать'; *билиг* 'знание'—от *бил-* 'знать', 'познавать'; *ѳшуғ* 'прощение', 'избавление'—от *бошу-* 'прощать'; *бөлүг* 'доля', 'часть'—от *бөл-* 'делить'; *чилтэг* 'почитание', 'уважение'—от *чилтэ-* 'уважать'; *исиг* 'теплый', 'горячий'—от *иси-* 'греть', 'нагревать'; *ынағ* 'надежда', 'упование'—от *ына-н-* 'верить', 'уповать'; *кэлиг* 'мечта', 'видение'—от *кэл-* 'приходить' (ср. также *кэл-иг-мэ* 'будущее'); *кэзиг* (*кэзик*) 'ряд', 'порядок'—от *кэз-* 'проходить', 'расхаживать'; *өгрэтиг* 'обучение', 'учение'—от *өгрэт-* 'обучать'; *өлүг* 'труп', 'мертвец'—от *өл-* 'умирать'; *өртүг(к)* 'покрывало'—от *өрт-* 'быть покрытым' (имеется и *өрт-* 'покрывать'); *қачығ* 'беглец'—от *қач-* 'убегать'; *қапуғ//қапығ//қапағ* 'дверь'—от *қап-* 'закрывать'; *қарығ* 'пожилой', 'старец'—от *қары-* 'стареть'; *қуруғ* 'сухой'—от *қуру-* 'сохнуть'; *сатығ* 'продажа'—от *сат-* 'продавать'; *сэвиг//сэвүг* 'любимый'—от *сэв-* 'любить'; *сықығ* 'боязнь', 'трусость'—от *сық-* 'жать', 'стеснять'; *сүрүг* 'стадо'—от *сүр-* 'гнать', 'пасти'; *шымтағ* 'бедный', 'жалкий'—от *шымта-* 'выпустить', 'бросить (на произвол)'; *тапығ//тапағ* 'служение', 'почитание'—от *тап-* 'служить', 'почитать'; *тарығ//тараг* 'посев', 'посевное зерно', 'жатва'—от *тары-* 'сеять'; *татығ//татағ* 'наслаждение'—от *тат-* 'пробовать'; *тириг* 'живой', 'одушевленный', 'жизнь'—от *тири-л-* 'оживать'; *тылтағ-* 'причина'—от *тылта-н-* 'основываться'; *удуғ* 'почитание', 'служение'—от *уду-н-* 'почитать'; *улағ* 'ряд', 'очередь', 'порядок'—от *ула-* 'соединять'; *умуғ* 'надежда'—от *ум-* 'надеяться'; *йапығ* 'закрытый', 'запертый'—от *йап-* 'закрывать'; *йорығ//йоруғ* 'движение'—от *йөры-* 'двигаться', 'идти'; *ақығ* 'слеза'—от *ақ-* 'течь'.

Глухой вариант **-к//-қ** также образует субстантивные и адъективные понятия:

ачуқ 'открытый'—от *ач-* 'открывать'; *адруқ* 'отдельный'—от *адыр-* 'разделяться', 'различаться'; *амрақ* 'любимый'—от *амрғ-н-* 'любить'; *анық* 'присутствующий', 'явный', 'готовый'—от *ану-н-* 'приготовиться'; *артақ* 'разрушенный'—от *арта-* 'разрушать'; *бэдүк* 'большой'—от *бэдү-* 'увеличиваться'; *бычақ* 'нож'—от *быч-* 'резать'; *бөлүк//бөлүг* 'часть'—от *бөл-* 'делить'; *эксүк* 'убавление'—от *эксү-* 'убавляться'; *өртүк* 'покрывало'—от *өрт-* 'покрывать'; *қапақ* 'крышка', перен. 'веко'—от *қап-* 'закрывать'; *сүзүк* 'чистый', 'прозрачный'—от *сүз-* 'очищать', 'цедить'; *тайақ* 'опора' (СЗБ), совр. 'посох'—от *тайғ-н* 'опираться'; *толғақ* 'мучение'—от *толға-н-* 'беспокоиться', 'мучиться',

узақ 'долгий', 'далекий'—от *уза-* 'быть долгим, длинным'; *йағуқ* 'близкий'—от *йағу-* 'приближаться'; *йалтрық* 'блестящий', 'сияющий'—от *йалтры-* 'сиять'; *йаруқ* 'свет', 'блеск'—от *йару-* 'светить', 'сиять'; *йашуқ* 'свет', 'сияние'—от *йашу-* 'блестеть', 'сиять'; *йывэк* 'снаряжение' (СЗБ)—от *йывэ-т-* 'снаряжать'.

В текстах встречается довольно много слов, образованных при помощи аффикса **-нч**. Эти слова представляют понятия психологического содержания или выражают характерный самодовлеющий внутренний признак явления. Ввиду того, что такие слова образуются из основы медиально-возвратного залога, в ауслауте которого имеется *н*, можно рассматривать эти формы как словообразование при помощи аффикса *-ч* от основы глагола. Примеры:

сэвинч 'радость'—от *сэвин-* 'радоваться'; *өгрүнч* 'радость'—от *өгрун-//өгир-* 'радоваться'; *сақынч* 'размышление', 'мысль'—от *сақын-* 'размышлять'; *қорқынч* 'страх', 'боязнь'—от *қорқын-//қорқ-* 'бояться'; *ынанч* 'вера', 'доверие'—от *ынан-* 'верить', 'полагаться'; *тайанч* 'опора', 'доверие', *тайанчы* 'советник', 'доверенный'—от *тайан-* 'опираться'; *ийлнч* 'преследование'—от *ийин-* 'быть угнетенным'; *қазғанч* 'прибыль', 'приобретение'—от *қазған-* 'приобрести', 'извлечь пользу'; *қылынч* 'поступок'—от *қылын-* 'делаться'; *булунч* 'добыча', 'находка'—от *булун-* 'быть приобретенным, добытым'; *булғанч* 'смятение'—от *булған-* 'мутиться', 'прийти в смятение'; *басынч* 'гнев', 'понуждение'—от *басын-* 'подчинять', 'обижать', 'быть подавленным'; *тэгзлнч* 'свиток', 'писание'—от *тэгзин-* 'вращаться', 'кружиться'; *иринч* 'несчастный', 'обездоленный', *иринчү* 'ошибка', 'недостаток'—от *ирин-* 'быть несчастным'; *кирткүнч* 'вера'—от *киртгүн-//кирткүн-* 'веровать', 'поклоняться'; *кичинг* 'ответ', *кэвэнч* 'гордость', *инч* 'покой', 'тишина' (глаголы, соответствующие именам, в текстах не встретились).

Слова, образованные путем аффикса *-нч*, могут присоединять к себе и другие словообразовательные аффиксы. Примеры:

ағынгсыз 'сильный', 'устойчивый', *айғынчсыз* 'небоящийся', *эвриlинчсиз* 'непоколебимый', 'устойчивый' (СЗБ), *инчсизэт-* 'обеспокоить', *өкүнгсиз* 'лишенный раскаяния', *қалынчсыз* 'неисключаемый', 'бессрочный', *қанынчсыз* 'ненастный', *тэбрэнгсиз* 'непоколебимый', *тэзңlэнчсиз* 'безмерный', *тотүнгсуз* 'ненасытный', *умунч* 'надежда', *үзlүнчү* 'чрезвычайно', 'крайне', *йанынчсыз* 'необратимый', *йлр-*

лықанчучы 'всесильный', 'всемилостивый', *йазынчсыз* 'безгрешный'.

Аффикс *-нч* встречается и в заимствованных словах: *шымнанı* 'монах', *шримиранч* (санскр. *śrāmaṭcī*) 'монастырская послушница', однако эти слова, разумеется, не являются производными от глагольных основ.

Здесь уместно отметить, что форма порядковых числительных имеет также аффикс *-нч*: *үчүнч* 'третий', *бишинч* 'пятый', *тоқузунч* 'девятый' и т. д.

Прослеживая дальнейшее аффиксальное развитие имен числительных порядковых в тюркских языках, когда словообразующий аффикс приобретает форму *-нжи//-нчи*, интересно обратить внимание и на существование параллельных форм того же аффикса в субстантивных и адъективных понятиях, имевших аффикс *-нч*, например: *тоқузунчу*, а также *қорқунчу*, *сөйүнчү* и т. д.

В лексике памятников встречаются слова, образованные аффиксом **-нчығ//-нчиг**, который, видимо, состоит из двух словообразовательных элементов *-нч* + *-ығ//-иг* (может быть, *-нч* + *-сыг//-сиг*), встречается в орхоно-енисейских текстах и редко в древнеуйгурских. Примеры:

косэнчиг 'желаемый', 'желанный', *қасынчығ* 'боязливый', *йарсынчығ* 'противный', 'отталкивающий', *таңланчығ* 'чрезвычайный', 'удивительный', *улынчығ* 'понимающий', 'охватывающий', 'окружающий', *қорқынчығ* 'боязливый', *кэйиргэнчиг* 'беспокойство', 'волнение'.

В памятниках зафиксированы слова с аффиксом **-сығ//-сық**, **-сиг//-сик**, **-суғ//-сүг**, **-сук//-сүк**:

алқансық 'восхваление'—от *алқан-* 'быть прославленным'; *тоғсуқ* 'восход', 'восток'—от *тоғ-* 'подниматься', 'восходить'; *батсық* 'заход', 'запад'—от *бат-* 'погружаться', 'тонуть'; *түтсүк* 'окуривание' (СЗБ)—от *түт-* 'дымить', 'окуривать'; *адынсығ* 'иной', 'другого рода'—от *адын-* 'изменяться' (имеется и иной словообразовательный вариант: *адынчығ* 'иной', 'другой', но также и имя *адын* 'другой', 'иначе').

Аффикс **-м**, **-ым//-им**, **-ум//-үм**:

бирим 'долг'—от *бир-* 'давать'; *кэдим* 'одежда'—от *кэд-* 'одеваться'; *тоғум* 'рождение'—от *тоғ-* 'родиться'; *өлүм* 'смерть'—от *өл-* 'умирать'; *атым* 'стрельба', 'метание'—от *ат-* 'бросать'; *ичим* 'жидкая еда'—от *ич-* 'пить'.

Аффикс **-т**, **-ыт//-ит**, **-ут//-үт**:

йығыт 'плач', 'рыдание'—от *йығта-* 'плакать'; *сығыт* 'причитание', 'стоны'—от *сығта-* 'рыдать громко'; *икит//икид* 'фальш', 'ошибка'—от *игидэ*, а также *игит* 'поступать фальшиво', 'лгать'; *өлүт* 'убийство', *өлүтчи* 'убийца'—от *өл-* 'умирать'; *ѳошғут* 'учение', 'обучение'—от *ѳошғун-* 'обучаться'; *адырт* 'разница'—от *адыр-* 'различать', 'разделять'.

Аффикс **-ш**, **-ыш//-иш**, **-уш//-үш**:

пушуш 'горе', 'печаль'—от *пуш* 'сердиться', 'тревожиться'; *ulиш* 'прицепление'—от *ul-ин-* 'привязываться', 'приставать'; *эвриш* 'вращение', 'движение', 'отношение'—от *эвир-* 'вращаться'; *алқыш* 'благословение', 'восхваление'—от *алқа-н-* 'быть восхваленным'; *кэриш* 'спор'—от *кэр-* 'сопротивляться'; *көзүш//көсүш* 'желание'—от *көсэ-* 'желать'; *йағыш//йақыш* 'жертва'—от *йақ-* 'быть угодным'; *сықыш* 'стеснение', 'тоска'—от *сық-* 'теснить', 'сжимать'; *түтүш* 'борьба'—от *түт-үш-* 'бороться'.

По-видимому, этот аффикс не имел того широкого распространения в словообразовательной системе древнеуйгурского языка, какое он получил позже в современном уйгурском и других тюркских языках.

Редкими словами, образованными от глагольной основы при помощи аффикса **-л//-l**, являются следующие:

қыsыл 'теснина', 'ущелье' (ТМК)—от *қыс-* 'сжимать'; *түкsl* 'целый', 'полный' (СЗБ)—от *түкэ-* 'кончаться', 'завершаться'.

Довольно часто употребляются имена, образованные при помощи аффикса **-мақ//-мэк**. Такие отглагольные имена не имеют значения инфинитива, которое они приобрели в современных тюркских языках, они всегда только номинативны. Примеры:

...түнэриг тамуқа түшмэки бар (ТМК-II) '...низвержение в мрачный ад';

Алқу қэр айығ түдүс (*түтүш*) *кэрис*, *қарышмақығ амыртқурдачы эрүр* (Уй-II) 'Они являются готовыми усмирить все раздоры, злобные распри (борьбу), тяжбы, противоречия' (*қарышмақ-ығ*—вин. пад.);

Анıалайу ймэ қарымақ иглэмэкниң тылтағы үчүнч тоғмақ (Уй-II) 'Таким образом, также говорят, что причина старения и болезни — третье рождение';

Тамута улаты алғу (*алқу*) *йаɛыз йѳллартын артғурақ осмақы* (*озмағы*), *қутурулмағы* (*-мақы*) *болур* (Уй-II) 'В аду бывает (происходит) наибольшее освобождение и избавление от всех вообще дурных путей';

Ол орунтақы алғу тынлығларның артуғрақ арығ сүзүк болмағы болур; тамута тоғдачы тынлығларның үзүлмэки болур (Уй-II) 'В том месте происходит наибольшее очищение и просветление всех живых существ и бывает

перерыв [числа] живых существ, обреченных рождаться в аду';

Видайа бөгүlэнмэкин, күсин, кэдин тэңри йіринтэки тэңрilэр үзэ иніэ бэlгүтир йарутыр, йашутыр (ТМК-I) 'Видайа над богами божественной земли (т. е. неба) таким образом являет, освещает, озаряет свою веру, силу и славу'.

Наряду с омертвевшими аффиксами словообразования имеется ряд аффиксов, которые образуют глагольные имена, являющиеся активными в словообразовательном процессе и создающие лексические категории, участвующие в системе действующих словосочетаний как определения, дополнения и обстоятельства развитых членов предложения, или служащие основой для различных форм спряжения verbum finitum.

Здесь мы укажем лишь словообразовательные типы таких глагольных имен от глагольной основы, но их активную грамматическую сущность рассмотрим особо в последующих разделах очерка.

Глагольное имя, образованное аффиксом **-лы//-lи** в соединении с аффиксом **-ғ//-г** (который указан выше): **-ғлы//-glи, -ығлы//-игlи, -уғлы//-үгlи** и в «н»-диалекте **-ағлы//эг-lи**. Такие имена мы больше всего встречаем в «Покаянной молитве» и других манихейских текстах, например: *азғуруғлы* 'соврашающий', *қувратығлы* 'собирающий', *ачығлы* 'открывающий', *биригlи* 'дающий' и т. д.

Глагольное имя, образованное аффиксом **-ма//-мэ** в соединении с аффиксом **-ғ//-г: -ғма//-гмэ**, например: *йорығма* 'движущийся', *тигмэ* 'говорящий', *имэригмэ* 'страдающий', 'испытывающий мучения'.

Глагольное имя, образованное аффиксом **-ғу//-гү**, например: *узланғу* 'обладающий способностью', *қуртулғу* 'могущий спастись', *алаңадтурғу сақыныч* 'размышление, способствующее ослаблению (тела)'.

Это глагольное имя получает дальнейшее развитие, присоединяя аффикс *-луқ//-lүк*, например: *өтэгlэгүlүк* 'долженствующий выполнить', *уғулуқ* 'дающий возможность', *тиргүргүlүк* 'оживляющий', а также аффикс *-чы//-чи*, например: *бoғaғучы* 'душитель', *өlүргүчи* 'убийца', *қынағучы* 'мучитель' и т. д.

Следует в формах словообразования от глагольных основ упомянуть глагольное имя с аффиксом **-дачы//-дэчи, -тачы//-тэчи**, например: *бэlгүртэчи* 'способный предоставить', *удачы* 'могущий', *тэгүртэчи* 'способный достичь', 'доставляющий', *өlүртэчи* 'способный убить'.

Образование глагольных основ от имен

Глагольные основы, образованные от имен, имеют широкое распространение в манихейских и буддийских текстах.

Основы, образованные при помощи аффиксов **-а//-э, -у//-ү**:

атл- 'звать', 'позвать'—от *ат* 'имя', 'название'; *бошу-* 'освободить', 'прощать (грехи)'—от *бош* 'свободный', 'незанятый'; *сығыта-* 'рыдать'—от *сығыт* 'плач', 'рыдание'; *түшэ-* 'видеть сон'—от *түш//түl* 'сновидение'; *күчэ-* 'напрягаться'—от *күч* 'сила'.

Основы, образованные при помощи аффиксов **-д, -ад//-эд**:

эдэд- 'воплощаться', 'материализоваться'—от *эд* 'имущество', 'добро'; *қутад-* 'стать счастливым'—от *құт* 'счастье', 'благодать'; *муңад-* 'страдать', 'огорчаться'—от *муң* 'печаль', 'нужда'; *йигэд-* 'улучшаться', 'взять верх'—от *йиг* 'хороший'.

Основы, образованные при помощи аффиксов **-ар//-эр, -ғар//-гэр, -қар//-кэр**, очень редки:

кэңүlкэр-//коңүlгэр- 'размышлять'—от *кэңүl* 'сердце', 'чувство', 'переживание', *түгкэр-* 'исследовать до предела'—от *түп* 'корень', 'основа'; *оңар-* 'исправлять'—от *оң* 'правый'.

Основы, образованные при помощи аффикса **-ла//-lэ**, имеют очень широкое распространение в текстах:

игlэ- 'заболеть'—от *иг* 'болезнь'; *сөzlэ-* 'говорить'—от *сөз* 'слово'; *күlэ-* 'хвалить', 'прославлять'—от *кү* 'молва', 'слава'; *энүкlэ-* 'рождать детенышей'—от *энүк* 'малыш', 'детеныш'; *ағырла-* 'уважать', 'почитать'—от *ағыр* 'тяжелый', 'важный'; *қолула-* 'принять во внимание'—от *қолу* 'время', 'период' и т. д.

Основы, образованные при помощи аффикса **-қа'//-кэ**: *йарлықа-* 'соизволить', 'быть милостивым'—от *йарлық* 'приказание'; *түйурқа-* 'сжалиться', 'сожалеть'—от кит. *ts'i* (по Габэн) 'добрый'; *үйурқа-н-* 'лишиться чувств' (имя в текстах не встретилось), *қодықартур-* 'спускать', 'опускать'—от *қоды* 'вниз', 'внизу'; *иринкэ-* 'быть милостивым', 'сожалеть'—от *иринч* 'несчастье', 'беда'.

От именных основ образуются некоторые глаголы желания при помощи аффикса **-са//-сэ**, обычно присоединяемого к отглагольному имени с конечным *ғ//г, қ//к*:

көрүкэ- 'желать видеть' (СЗБ)—восходит к глаголу *көр-* 'видеть'; *тапығса-* 'стремиться к почиганию' (СЗБ)—

от *тапығ* 'служение'; *өпөгсэ-* 'желать поцеловать' (ТМК-II)—восходит к глаголу *өп-* 'целовать'; *сувса(мақ)* 'жаждать', 'жажда'—от *сув* 'вода'.

Основы, образованные при помощи аффикса **-р//ар:** *қарар-* 'темнеть', 'чернеть'—от *қара* 'черный'; *бэлгүр-* 'обозначаться', 'возникать'—от *бэлгү* 'признак'; *оңар-* 'исправлять'—от *оң* 'правый'; *қызар-т-* 'доводить докрасна', 'поджарить'—от *қыз-ыл* 'красный'.

Основы, образующие негативные глагольные понятия, оформляются аффиксом *-сыра//-сирэ*:

тынсыра- 'лишиться покоя'—от *тын* 'дыхание'; *күчсирэ-* 'обессилеть'—от *күч* 'сила'; *өгсирэ-* 'лишиться сознания';—от *өғ* 'мысль', 'сознание'; *татығсыра-* 'потерять вкус'—от *татығ* 'вкус', 'смакование' (ТМК-III).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Первичные глагольные основы, структура которых показана в разделе «Лексический состав», в качестве непроизводных основ представляют собой разнообразные понятия, выражающие действие или состояние в очень обширном познавательном аспекте, причем непроизводные основы также выражают и направление действия к объектному миру или, наоборот, замкнутое в себе, имманентное, самодовлеющее действие, или же действие, являющееся безотносительным динамическим фактором. Это семантическое свойство глагольных основ есть выражение переходности или непереходности действия как взаимодействия между субъектом и объектом действия.

Развитие глагольной основы в словообразовательном процессе при помощи системы определенных аффиксов дифференцирует, уточняет и расширяет семантическую сущность производной основы в отношении направления действия, его переходности или непереходности и определяет грамматическое значение залога глагола.

Первичные глагольные основы, независимо от семантики переходности или непереходности действия, представляют основной залог глагола.

При помощи аффиксов *-р, -т, -дур//-тур, -ғур//-гүр, -қур//-күр* основы с семантикой непереходности превращаются в переходные глаголы:

кэлүр- 'приводить', 'приносить'—от *кэл-* 'приходить'; *китэр-* 'уводить', 'удалять'—от *кит-* 'уходить'; *көнүр-//көйүр-* 'зажигать', 'опаливать (животных)'—от *көй-//көн-* 'гореть'; *тарқар-* 'рассеивать'—от *тарқа-н-* 'тесниться', 'сжиматься'; *өлүр-* 'убить', 'умертвить'—от *өл-* 'умирать'; *бүтүр-* 'кончить', 'завершить'—от *бүт-* 'кончаться'; *басур-* 'повергнуть', 'подавить'—от *бас-* 'превзойти', 'одержать верх' (СЗБ); *эртүр-* 'удерживать', 'провести', 'устроить' (СЗБ)—от *эрт-* 'проходить', 'миновать'; *йапыштур-* 'прилепить', 'крепко присоединить'—от *йапыш-* 'присоединяться', 'примыкать'; *турғур-* 'поднять', 'возбудить'—от *тур-* 'стоять'; *өткүр-* 'разъяснять', 'проводить'—от *өт-* 'проходить' (ср. *өт-* 'сеять', ТМК-III); *озғур-* 'освободить', 'избавить'—от *оз-* 'освободиться', 'избавиться'; *анут-* 'приготовить'—от *анун-* 'приготовиться'; *йатғур-* 'класть', 'уложить'—от *йат-* 'лежать', 'простираться'; *азғур-* 'совращать с истинного пути' (П.М)—от *аз-* 'сбиваться с пути' (КБ); *қуртғар-* 'спасать', 'избавить'—от *қурт(ул)-* 'спасаться', 'избавляться'; *тиргүр-* 'оживлять'—от *тир(и)-* 'оживать'; *пышур-* 'варить', 'доводить до созревания'—от *пыш-* 'созревать', 'вариться' (Уй-III); *арыт-* 'очистить'—от *ары-* 'быть чистым'; *амрылтур-* 'успокоить', 'утешить'—от *амрыл-* 'успокоиться', 'утихнуть'; *олғурт-* 'сажать', 'посадить'—от *олғур-* 'сидеть' (ТМК-II); *йитдүр-* 'потерять' (СЗБ) и *йитүр-*—от *йит-* 'потеряться', 'исчезнуть' (ср. *йит-* 'достигнуть', 'дойти'); *билтүр-* 'осведомить' (СЗБ)—от *бил-* 'знать'; *қантур-* 'удовлетворить'—от *қан-* 'удовлетвориться', 'насытиться'; *йандур-//йантур-* 'возвращать'—от *йан-* 'возвращаться'.

Глаголы со значением переходности при помощи указанных аффиксов образуют основы со значением каузативного (понудительного) залога:

қылдур-//қылтур- 'заставить', 'допустить сделать'—от *қыл-* 'делать'; *йидүр-* 'кормить', 'питать'—от *йи-йэ-* 'есть', 'кушать'; *оқыт-* 'возглашать', 'заставить читать' (СЗБ)—от *оқы-* 'звать', 'приглашать', 'читать' (СЗБ); *алғадтур-* 'ослаблять'—от *алғад-* 'ослабнуть'; *алқат-* 'заставить хвалить'—от *алқа-* 'хвалить', 'прославлять'.

В некоторых глаголах с семантикой непереходности при аффиксации возникает значение понудительности, например: *алқынтур-* 'заставить исчезнуть'—от *алқын-* 'кончиться', 'исчезнуть', 'пропасть'; *атлантур-* 'посадить верхом'—от *атлан-* 'садиться верхом'.

Иногда указанная аффиксация вместо ожидаемой каузативности дает обратное значение, противоположное значению первичной основы, например: *ай-* 'говорить', 'беседовать', 'сообщать'—*айыт-* 'спрашивать'; *сэв-* 'любить', *сэвит-* 'быть любимым' (т. е. 'вызвать любовь').

Иными словами, вторичная переходность направляется к субъекту действия. Особенно интересно отметить, что, например, глагол *өгүр-* 'быть довольным', 'зазнаваться' с аффиксом *-т* дает неожиданное значение: *өгүрт-* 'заставить хвалить себя' (но не «хвалить»).

Встречаются вторичные глагольные основы с аффиксом *-з*, придающим переходным глаголам значение каузативности:

туйуз- 'объяснить', 'растолковать'—от *туй-* 'чувствовать', 'воспринимать'; *удуз-* 'вести', 'заставить следовать'—от *уд-* 'следовать'; *тамыз-* 'накапать', 'наливать'—от *там-* 'капать', 'течь'; *тутуз-* 'передавать', 'вручать' (т. е. заставить держать)—от *тут-* 'держать'.

Однако в текстах основы глагола с этим словообразовательным аффиксом встречаются редко. Если в более поздних фазах развития уйгурского языка и встречается этот словообразовательный аффикс каузатива *-з*, то в манихейских и буддийских текстах преобладает аффикс *-р* с тем же значением. Это дает возможность проследить исторически и в сравнительном аспекте явление ротацизма в словообразовательной системе тюркских языков.

Словообразующий аффикс *-н* придает основам значение медиального (т. е. «среднего») или возвратного залога:

ашан- 'питаться'—от *аша-* 'есть', 'съедать'; *билин-* 'сознавать'—от *бил-* 'знать'; *өртэн-* 'опаляться', 'сжигаться', 'пламенеть'—от *өртэ-* 'зажигать', 'воспламенять'; *эмгэн-* 'мучиться', 'страдать'—ср. *эмгэ-т-* 'мучить', 'причинять страдание'; *өтүн-* 'молиться'—ср. *өтүг* 'просьба', 'моление' (глагол не встретился); *бошун-* 'освободиться', 'избавиться'—от *бошу-* 'простить (грех)', 'оставлять'; *булған-* 'запутаться', 'смешаться'—от *булға-* 'путать', 'смешивать'; *ирин-* 'быть несчастным' (основа отсутствует); *ийин-* 'быть угнетенным'—от *ий-* 'угнетать', 'давить'; *кирткүн-* 'веровать', 'поклоняться' (основа отсутствует); *көрүн-//көзүн-* 'показываться', 'выявляться'—от *көр-* 'видеть'; *өкүн-* 'раскаиваться'—от *өкү-* 'разуметь', 'познавать' (Уй-II); *қылын-* 'стараться выполнить', 'приступить к выполнению'—от *қыл-* 'делать'.

При помощи аффикса *-л//-l* образуются основы страдательного залога (иногда возвратного):

адрыл- 'различаться'—от *адыр-* 'различать'; *сықыл-* 'быть стесненным'—от *сық-* 'сжимать', 'стеснять'; *төкүл-* 'литься', 'проливаться'—от *төк-* 'лить'; *көтүл-* 'быть вознесенным (поднятым)'—от *көтүр-* 'поднимать'; *өртүл-* 'покрываться', 'заволакиваться'—от *өрт-* 'покрывать'; *қатыл-* 'примыкать', 'присоединяться'—от *қат-* 'присоединять', 'наслаивать'; *сачыл-* 'быть разбросанным, рассеянным' (СЗБ)—от *сач-* 'рассеивать', 'разбрасывать'; *тартыл-* 'быть извлеченным'—от *тарт-* 'тянуть'; *ташыл-* 'выступить', 'перейти грань' (Уй-III)—от *таш-* — то же значение; *эшидил-* 'быть услышанным'—от *эшит-* 'слышать'.

Иногда при помощи аффикса *-қ//-к* образуется основа с непереходным значением, выражающая усиленное действие, например: *ташық-* 'перейти через край', 'выступить из берегов', *бастық-* 'быть сдавленным', 'быть вынужденным'.

При помощи аффиксов *-ш*, *-ыш//-иш*, *-уш//-үш* и в «н»-диалекте *-аш//-эш* образуются глагольные основы со значением взаимного и совместного действия:

тиш- 'беседовать' (СЗБ)—от *ти-* 'сказать'; *улыш-* 'плакать вместе', 'сетовать'—от *улы-* 'болеть', 'ныть', 'жаловаться'; *көрүш-* 'видеться', 'находиться вместе'—от *көр-* 'видеть'; *иштүш-* 'слушать друг друга' (во время рассказа)—от *ишит-//эшит-* 'слышать'.

ИМЕНА

Дифференциация имен в литературных памятниках манихейского и буддийского содержания по морфологическим признакам недостаточна, чтобы грамматически субстантивные понятия отличить от адъективных понятий. К тому же семантический критерий различения именных понятий не совпадает с грамматическими формами и свойствами слова в системе словосочетаний. Структура древнеуйгурского языка такова, что именные понятия отличаются большой грамматической изменчивостью при своем взаимоотношении в системе словосочетаний. Субстантивное понятие как грамматическая категория утрачивает свои грамматические и семантические признаки в атрибутивной определительной функции, а адъективное понятие приобретает все грамматические свойства субстантива и семантически становится предметным понятием. Поэтому в лексическом плане удобнее всего говорить о категории имени, т. е. «nomen» в широком значении этого слова, включая в этот термин понятия субстантива, адъектива и глагольных имен.

Однако в грамматической системе языка всякая субстантивация любой именной категории придает ей такие

грамматические формы, которые отсутствуют при адъективации имен, а именно формы изменения при помощи аффиксов числа, принадлежности и падежей. При адъективации именная категория теряет эти формы словоизменения, выступает как именная основа и лишь в случае выражения конкретной принадлежности приобретает аффикс притяжательного падежа (так называемого родительного, хотя категория грамматического рода вообще отсутствует в тюркских языках).

Такое свойство именной категории для дифференциации ее семантических различий опирается на грамматическую композицию словосочетаний.

СУБСТАНТИВНАЯ И АДЪЕКТИВНАЯ КАТЕГОРИИ ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И ВСЕ СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ИМЕН

Склонение

Все имена субстантивной категории изменяются по падежам.

Основной (иначе прямой) падеж не имеет специального падежного аффикса и представляет собой основу имени:

Ол бэг тирилип кэлип... аш инчкү қолты (СЗБ) 'Тот бек, оживши... попросил еды и питья' (*бэг* — субъект-подлежащее выражено основным падежом);

Ынлып бу барс туруқы күчүз оғрунта аныҥ мини йигэли умаз (СЗБ) 'Таким образом, эта тигрица по причине того [обстоятельства], что она худа и бессильна, меня не может съесть' (*барс* — выражено основным падежом);

Бир амранмақ Эзруа тэҥри тамғасы (ПМ) 'Полюбить (или любовь) — это печать бога Азруа' (*амранмақ* — глагольное имя, выражено основным падежом);

Тоғмақ болмасар, қарымақ өлмэк болмаз (УйМ-II) 'Если не будет рождения, не будет старения и смерти' (в основном падеже выражены *тоғмақ*, *қарымақ*, *өлмэк*, являющиеся глагольными именами).

Основной падеж также выражает и объект действия, будучи смысловым эквивалентом винительному падежу:

Бизнитэ адын ким болғай мунэ йарлғлыг аш, инчкү бэлгүрттэги (СЗБ) 'Кроме нас, кто должен доставить этой [тигрице] подходящую пищу и питье' (*аш*, *инчкү* даны в основном падеже и выражают объект действия);

«Тынлығларқа асыг, тосу қылурлар»,— тип тидэ (СЗБ) 'Сказал: «Живым существам приносят пользу и выгоду»' (*асыг*, *тосу* в качестве объекта действия выражены в основном падеже).

Винительный падеж образуется из основы имени при помощи аффиксов *-ғ//-г*, *-ығ//-иг*, *-уғ//-үг*:

Кирту тэҥриг арыг номуғ билмэтин уқматын... нэчэ йаңылу бачаг бачадымыз эрсэр (ПМ) 'О сколько мы ошибочно постились..., не зная, не понимая истинного бога и чистый закон' (*тэҥриг*, *номуғ* оформлены в винительном падеже, выражая объекты действий *билмэтин уқматын*);

Йэккэ ичкэккэ тэҥри типэн танлығыг туралығыг өлүрүп йүкүнтүмүз эрсэр (ПМ) 'Убивая живых существ, мы поклонялись демонам и вампирам, называя [их] богами' (*тынлығ-ыг*, *туралығ-ыг* — вин. пад.);

Йүкүнүрмэн алғу адаларыг йантурдачы адынларқа... (Уй-II) 'Я преклоняюсь перед другими, которые способны отвратить все опасности' (*адалар-ыг* — вин. пад.).

Другой аффиксальной формой винительного падежа является форма с аффиксом *-н*, *-ын//-ин*, *-ун//-үн*. Обычно этот аффикс присоединяется к именам с аффиксом принадлежности:

Бирөк ол киши билигин, өгин көңүлин ычғынсар, қодсар, анаң (вм. *аның*) *бэлгүси антаг болур*: *билгэ билиги татығсырайур* (ТМК-III) 'Как только тот человек теряет и оставляет свое знание, мысль и чувства, то признаком этого бывает то, что мудрое познание лишается [всякого] интереса (букв. вкуса)' (*билиг-ин*, *өг-ин*, *қоңүлин* — вин. пад.);

Абам — бирөк бу эт-өзүмин титсэрмэн, өтрү — үлгүсүз сансыз мүн қатақларыг картыг, бэзиг, йириниг, қаныг игиг, ағрығыг, қорқынчыг аиманчыг барчаны титмиш, ыдаламыш болурмэн (СЗБ) 'Если только я это мое тело отброшу (уничтожу), то потом совершенно (букв. без меры, без числа) окажусь отбросившим и отстранившим [от себя] все печали, грехи, нарывы, гнойники, содержимое кишок, кровь, болезни, боли, страх и опасения' (вин. пад. в формах *эт-өзүмин*, *барчаны*, а также в перечисляемых отрицательных атрибутах тела: *мүн қатақларыг картыг* и т. д.).

Встречаются формы винительного падежа с аффиксом *-ны//-ни*:

Ики суғ аңрэкlэрни эгип, ики улуғ аңрэкlэрни йапсуруп (*йапшуруп*) *анта баса бу дарныны өгүlүг сағынғулуғ ол* (Уй-II) 'Согнув два указательных пальца, соединив два

больших пальца при этом еще (*баса*), это правило (*dhārna*) должно вспомнить, продумать' (*аңрэклэрни, дарнини*— вин. пад.).

Близким по форме к винительному падежу является инструментальный падеж. Связь между объектом действия и орудием, средством или сопутствующим компонентом действия, видимо, обозначалась в омоморфии винительного и инструментально-творительного падежа, который имеет аффикс *-н, -ын//-ин, -ун//-үн*.

Многие имена в инструментально-творительном падеже в языке древнеуйгурских памятников, подобно таковым в орхоно-енисейских памятниках, стабилизировались в качестве наречий:

Тэңриli йэкli, йаруқлы, қаралы ол өдүн қатылды Хормузта тэңри оғланы биш тэңри бизниң үзүтүмүз суин йэклүгүн сөңүшүп балығ башлығ болты (ПМ) 'Божественное и демонское, светлое и темное в то время (букв. тем временем) смешались [друг с другом], и сыновья бога Армузды и пять божеств. Наши души были связаны и ранены (*башлығ*) грехом и демонством' (инструментальным падежом оформлены имена *өд, суи, йэклүг, өдүн, суин, йэклүгүн*);

Йэмэ нэ тылтағын бэлгүлүк болур... (УйМ-II) 'А также благодаря какой причине бывает ясно...';

Бу эт-өздэн (*эт-өздин*) *эртиглi биш тэңри күчин артатмасар, өтрү кэнтү үзүтиниң өгсини күчлүгүн бэдүкүн эрүр* (ТМК-III) 'Если не погубить силу пяти богов, происходящую из этого тела, то орган самой души — сознание — будет сильным, великим' (в этом примере интересно констатировать предикативный признак при глаголе *эрүр*, выраженный именем в инструментальном падеже— *күчлүгүн, бэдүкүн*).

Пространственные падежи

Дательный падеж образуется от основы имени с аффиксом *-қа//-кэ* и его звонким вариантом *-ға//-гэ*. Обычно этот падеж выражает направленность действия к объекту или субъекту:

Эзруа тэңрикэ, күн ай тэңрикэ, күчлүг тэңрикэ бурқанларқа (или *-ға*) *йантымыз тайантымыз* (ПМ) 'Богу Азруа (Зервану), богу солнца и луны, сильному богу, вестникам (пророкам) мы обращались (верили) и на них уповали (букв. опирались)';

Йазуқта бошунмағ болзун қамағ барча сэвүг үзүтлүг ниғошақларқа (ТМК-I) 'Да будет избавление от прегрешений буквально всем слушателям, обладающим любящей душой';

Өтрү ол үч тигитлэр қыа чэчэк түш йимиш идигэli ulик бэгкэ өтүнүп айытып қалтылар (СЗБ) 'Затем вот те три княжича, чтобы собирать цветы и фрукты, обратились с просьбой к правителю беку'.

Ол азың ким таштан (*-тын*) *ашқа ичкүкэ қатлап эрүр... ймэ эт-өзкэ кирүр* (ТМК-I) 'Тот твой грех, который извне присоединяется к пище и питью, также входит в тело'.

После аффиксов принадлежности 3-го и 2-го лица дательный падеж имеет форму *-ңа//-ңэ* (*н* + *ға//н* + *гэ*):

Йаруқ тэңри йириңэ тэгүрдэчи, ношда (пехлеви: *анош*) *татағлағрақ тэңридэм bulгэ buluг... ймэ эдгү өдкэ қолуқа, ймэ ирүlүг эдгү күнкэ* (ТМК-I) '[О ты], соприкасающая с твоей божественной землей, более сладостная, чем вечность, божественная мудрость и в доброе время и в благоприятный добрый день'.

В этом примере примечательно употребление дательного падежа для выражения обстоятельства времени, что является обычным в текстах памятников;

Сэн барып Супиратишдит (санскр. *Supratiştita*) *тэңри урысыңа бу дарнының ыйын көркидип эшидтүргul* (УйМ-II) 'Ты пойди и Супратиштите и сыну божию постепенно это правило (*dhārna*) покажи и попроси выслушать'.

Форма направительного падежа с аффиксом *-ғару//-гэру, -қару//-кэру*, столь характерная для орхоно-енисейских памятников, в древнеуйгурских буддийско-манихейских текстах почти отсутствует как форма склонения и лишь в наречиях выступает как словообразовательный аффикс (см. ниже, стр. 89). Ср. примеры:

Овутсуз соқ йэк сэвикинчэ йорыдуқ үчүн йавлақ йиркэру барыр(*мыз*) (ПМ) 'Из-за побуждения в любви к бесстыдному и жадному демону идем мы по направлению к дурной земле (к аду)';

Оңынта тэңри йириңэру қапағын (*қапығын*) *ачты* (ТМК-I) 'Он открыл врата с правой стороны по направлению к небу (букв. к божественной земле)'.

В текстах орхоно-енисейских тюрков существовал лишь местно-исходный падеж (locativus-ablativus). В ряде случаев и в уйгурских памятниках имеется форма местно-исходного падежа, семантически и функционально тождественная орхоно-енисейской форме. Однако в грамматической системе древнеуйгурского языка произошла четкая дифференциация такого диффузного падежа на два

самостоятельных падежа: местный и исходный, различающиеся аффиксально.

Местный падеж имеет аффиксы *-да//-дэ, -та//тэ* (после *л, н*):

Өтрү ол оғурта Инчийү атлығ балықта чаң бағлығ Кү-тау атлығ бир бэг балық бэги эрти (СЗБ) 'В то время в городе по названию Инчию был один бек в должности градоначальника (*чаң*) по имени Кю-тау городским правителем';

Тэк йалыңуз йүрэки ташынта бир тынчу эти тумылматы (СЗБ) 'Только лишь во внешней сердечной части один участочек его тела не похолодел';

Ол битиг ичинтэ ол күн ки бизиң ашта өlүргүчи — уд, қойын, тоңуз башлап тынлығларның савы турур (СЗБ) 'В том письме заключается слово тех животных, во главе с быками, овцами, свиньями, убийцей которых в тот день на нашем пиру я являюсь'.

Однако в глагольных именах, являющихся предикативным компонентом развитых подчиненных членов предложения, аффикс *-да//-дэ, -та//-тэ* сохраняет свое древнее недифференцированное значение, принадлежащее местно-исходному падежу, и глагольное имя в этом падеже передает действие, предшествующее действию, выраженному основным сказуемым:

Мэн иглэтүкдэ аң башлайу маңа төрт йэклэр йақын кэlти (СЗБ) 'Когда я заболел, прежде всего ко мне подошли четыре демона';

Қачан йиркэ тэгдүктэ, Бодисатв йана ынча тип сықынты (СЗБ) 'Когда достиг места, Бодисатва так опять подумал'.

Аффикс *-да//-дэ* проявляет себя иногда в аблативном значении и эквивалентен исходному падежу:

Қамуғ биш ажун тынлығ оғланы үчүн ылвара өтүнүрмэн, тсуида йазуқда бош болалым (УйМ-I) 'Я молюсь смиренно за сынов, живущих во всех пяти мирах: да освободимся мы от проступков и грехов';

Бирөк қайу киши бу қутлуғ дарныг сөзlэйү мини оқыйу тэгинямиштэ, мэн өтрү оларның оқыйу өтүнмиш өтүглэрін эшидү тэгинип оларқа йақын барып көсэмиш көсүшlэрин қантурғаймэн (УйМ) 'Когда какой-либо человек скажет эту священную (счастливую) формулу (*dhārna*) и приблизится, призывая меня, я затем близко (*тэгинип*) услышу их молитвы, с которыми они обращаются (*оқыйу өтүнмиш*), подойду к ним близко и удовлетворю желаемое'.

И в подтверждение аблативности (исходного значения) аффикса *-да//-дэ* при глагольном имени с послелогом *кин* 'после' приведем пример:

Ат қылу түкэмиштэ кин он күн эртмэз кнэ өтрү ол бэг бэliңдэк ағыр иглэди (СЗБ) 'После того как кончился пир, не прошло еще и десяти дней, как затем этот бек тяжело заболел параличом'.

Исходный падеж в грамматической системе памятников представляет собой отдельную морфологическую категорию, обозначающую исход, удаление и оформленную аффиксом *-дын//-дин, -тын//-тин*, в некоторых древнеуйгурских текстах — *-дан//-дэн*:

Хирмузта тэңридэн тамудан йохару ағдықта ол өдүн Вадзывантағ тэңри өг тэңри тэркlэйү кэltилэр (ТМК-I) 'В то время когда поднялись вверх от бога Хормузды и из ада, этим временем спешно пришли бог Вадзыванта и бог сознания';

Ол өдун азың кэнтү өзин төпөдэн адақнаң тыраңақ учыңа (УйМ-I) 'Тем временем твой грех [поражает] тебя самого от темени до конца ногтей ноги'.

Приведенные выше примеры принадлежат к так называемому «н»-диалекту;

Улусуғ балықыг ики йартым қылтым эрсэр, балығтын улустын улусқа, ultин ulкэ тиңчи пахуаны болуп уорытым эрсэр (УйМ-I) 'Страны и города разделял надвое; ходил в качестве шпиона и разрушителя (вредителя), из города в город, из страны в страну, от племенного союза к племенному союзу';

Ол қайу қайу ажунларта тоғсар, анта анта йэмэ linхуаның өзэнintин өк бөгүн кэlигин тоғмағы болур (УйМ-II) 'Тот, если в какой-либо из жизней (воплощений) рождается, то тут же только рождается его волшебный (чудесный) приход из самой сущности цветка лотоса (т. е. жизненной чакрамы астрального тела)'.

Категория принадлежности

В древнеуйгурских памятниках категория принадлежности как форма словоизменения выражена более определенно, чем в памятниках орхоно-енисейских тюрков. Категория принадлежности — неизменное морфологическое средство для выражения релятивных и посессивных отношений между компонентами определительного сочетания.

Формантами категории принадлежности являются аф-

фиксы принадлежности 1, 2 и 3-го лица единственного и множественного числа, присоединяемые к основе имени, после которых присоединяются аффиксы падежей.

Аффикс принадлежности после гласного в ауслауте — *-м*, после согласного — *-им//-ым*, *-ум//-үм*, например: *ичим* 'мой старший брат', *иним* 'мой младший брат', *тэңрим* 'бог мой', *атым* 'мое имя', *қорқунчум* 'моя боязнь';

Эшитү йарлықазун ичим а! (СЗБ) 'О мой старший брат, пусть он соизволит выслушать!';

Сизиңэри өтүнүрмэн... мэниң үзүтүмүн арылағлы бэгим тириг өзүмкэ өгрүнчү көрткүрүгli тэңрим, мэниң көңүлүмин йарутуғлы қаңым амты қорқунчығсыз тарқараң мини сизинчсиз қылың (ТМК-III) 'К тебе (букв. к вам) направляю молитву... мой бек, очищающий душу мою, мой бог, показывающий моему живому существу радости, мой отец, озаряющий мое сердце, теперь рассей меня, освободи от сомнений (букв. сделай несомневающимся)'.

Аффикс принадлежности 1-го лица множественного числа — *-мыз//-миз*, *-муз//-мүз*: *инимиз* 'наш младший брат', *бойынымыз* 'наше тело' (наш рост, стан), *чоқумуз* 'наше пламя';

Көркlэ көвсэк тақылық инимиз эртиң көвэз (СЗБ) 'Ты был, наш младший брат, красивый, изящный, статный, горделивый';

Көсүшүмүз тэгинүр тэңрим бизни иринчкэң тарқару китэрү йарлықаң икирчгү сизиг қөңүлүмүзни (УйМ — Молитва магов; СЗБ) 'О бог мой, к которому доходят наши моления, будь милостив, соблаговоли рассеять и удалить наши чувства недоверий и сомнений';

Ймэ түзүн барча эт-өзүмүз бүтүнүн (твор. пад.) *қадағын* (*idem*) *турзун... ймэ көңүлүмүз көкүзүмүз турқару босушсузун қадғусузун* (твор. пад.) *турзун* (ТМК-II) 'А также верные все наши существа да пребудут целостными и крепкими... также наши сердца и грудь да пребудут везде (*турқару*) без скорби, без забот'.

Аффикс принадлежности 2-го лица для единственного числа — *-ң* и для множественного — *-ңыз* или *-ңлар*. В текстах (видимо, благодаря их религиозному содержанию) встречается аффикс множественного числа для выражения почтительного отношения к божествам или священным персонам, а также к высокопоставленным лицам, например: *улусуңузлар* 'Ваши страны', *көңүлүңүз* 'Ваши сердца', *өтүгүңүзlэр* 'Ваши молитвы', *сизиң йарлықыңызча* (СЗБ) 'по Вашему приказу', *кувраңыңызлар бирlэ* (СЗБ) 'с Вашим обществом';

Сизнэң (*сизниң*) *эсэнин* (твор. пад.) *кэltэмэз* (*кэltимиз*) *аидуқ исэңэзэн* (*исиңизин*) *төкэти иclэдэмэз* (*иclэдимиз*)... *амты йарлықанчучы uliг тэңрим йарлықаң ол мэңигү төкэliг мүнсүз өзүңүзүн көрэlим* (ТМК-I) 'Мы безопасно пришли к тебе, мы сделали полностью все дела, о которых ты говорил (*аидуқ*)..., теперь, о милостивый правитель небесный, соизволь (прикажи), чтобы мы увидели то вечное, совершенное, безгрешное твое существо';

Ол йарлықанчучы көртlэ мүнсүз йаруқ көркүңүзүн ол күlүңү (*күlгэ?*)... *сэвигliг йалтрағлы исиг йүзүңүзэн* (вм. *йүзүңүзүн*) *көрүксэйүр биз, көсэйүрбиз* (ТМК-I) 'Мы желаем видеть, мы желаем твою милостивую, прекрасную, безгрешную, светозарную красоту, то твое знаменитое... полное любви, сияющее, горячее лицо'.

Категория принадлежности в 3-м лице имеет очень широкое и обобщенное значение, в то время как 1-е и 2-е лицо передают конкретные посессивные отношения. Аффиксы принадлежности после согласного в ауслауте основы имени имеют *-ы//-и* и после гласного — *-сы//-си*. Однако перед падежными аффиксами аффиксы принадлежности имеют форму *-ын//-ин*, *-сын//-син*, что наблюдается и в памятниках орхоно-енисейских тюрков. Примеры:

Өлүп бүтүн эт-өзи тумылып тк (*тэк*) *йалыңуз йүрэки ташынта бир танчу эти тумылматы* (СЗБ) 'Он умер, и все его тело похолодело, лишь (*тэк*) только в области (букв. вовне) его сердца один участочек его тела не похолодел' (*эт-өз-и*, *йүрэк-и*, *эти*, но *таш-ын-та*);

Иринч арығ йазуқсуз кишilэрниң оғлын қызын булғадым эрсэр, амрақынта адыртым эрсэр... (УйМ-II) 'Сыновей и дочерей несчастных, чистых, безгрешных людей приводил в смятение, разлучал от любви...';

Бу буйан эдгү қалынч күчинтэ йалаңуқ ажунынта тоғмақ оғрынта йавлақ қылынчларқа йалчытып йарағсыз орунларта тоғмышлары бар эрсэр... (УйМ-II) 'Всилу этих благодатных добрых дел в случае рождения в человеческом мире (т. е. в человеческой форме воплощения), если будет иметься участие в дурных поступках, и произошло рождение в негодных местах...'

Омоморфия аффикса винительного падежа и первообразной формы аффикса принадлежности 3-го лица нами была уже отмечена в очерке «Язык орхоно-енисейских памятников».

В дательном падеже конечное *н* аффикса принадлежности образует диффузный звук с начальным *қ//к*, *ғ//г* аффикса дательного падежа:

Тэңри урысыңа бу дарныны ыйын көркидип эшидтүргил (УйМ-II) 'Сыну божию постепенно эту заклинательную формулу покажи и попроси выслушать'.

В сохранившихся рудиментарных формах направительного падежа конечное *н* аффикса принадлежности с последующим начальным *ғ//г* направительного падежа также образует диффузное *ң*:

Оңынта тэңри йириңэрү (йирин+гэрү) қапағын ачты (ТМК-I) 'На правой стороне он открыл ворота к божественной земле (т. е. небу)';

Өтрү ол булғақығ тилгэкиг өркүнlэмэкиг эсмэкиг күн батсықыңару эlитир (ТМК-I) 'Затем гонит он ту муть (тучи), возбуждение, кипение и бурление в направлении запада'.

В приведенных выше примерах была показана релятивная связь между именными компонентами, когда один компонент, оформленный в основном падеже имени, остается морфологически неизменяемым, а второй компонент с аффиксом принадлежности 3-го лица изменяется по падежам.

Неизменяемый именной компонент имеет атрибутивное значение в отношении второго компонента, при котором субстантивная категория адъективируется, что и является основой так называемого релятивного изафета в тюркских языках.

В посессивной связи первый именной компонент оформляется в притяжательном (родительном) падеже, а второй именной компонент — с аффиксом принадлежности и в форме соответствующего падежа.

Притяжательный падеж образуется из основы имени с аффиксом *-ның//-ниң, -нуң//-нүң* (или *нэң* в «н»-диалекте), который К. Грёнбек возводит к конкретному именному понятию *нэң* 'вещь', 'предмет', 'нечто', 'что' (как вещественное понятие).

Такое сочетание компонентов принято называть посессивным изафетом. Примеры:

Барсның ирбизниң мануның арсланның бөриниң тилкүниң ашы эрсэр, йалаңуз йинтэм исиг эт қан эрүр (СЗБ) 'Что касается пищи тигра, леопарда, гиены, льва, волка и лисицы, то она всегда только горячее (живое) мясо и кровь';

Түшэмиш ол түlүмнүң йавыз турур бэlгүси (СЗБ) 'Значение того моего сна, который приснился, — дурное';

Олар инчип бу дарның күчи көзүни үзэ ол йавыз йоллартын озмағы қутрулмағы болур (УйМ-II) 'Они, таким образом, благодаря силе и мощи этой формулы (*dhārna*) могут освободиться и избавиться от дурных путей'.

МЕСТОИМЕНИЕ

В уйгурских памятниках буддийского и манихейского содержания местоимение издревле выявляется как часть речи, развивающаяся и детализирующаяся морфологически и дающая семантически более дифференцированные понятия.

Личные местоимения

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*мэн*	*биз*
2-е л.	*сэн*	*сэнlэр, сиз, сизlэр*
3-е л.	*ол*	*олар, алар*

Склонение личных местоимений

Падеж	Единственное число		
Основной	*мэн*	*сэн*	*ол*
Винительный	*мини*	*сини*	*аны*
Притяжательный	*мэниң*	*сэниң*	*аның*
Дательный	*маңа*	*саңа*	*аңа, аңар*
Местный	*минтэ*	*синтэ*	*анта, антада*
Исходный	*минитин*	*синитин*	*анынтын*
	Множественное число		
Основной	*биз*	*сиз, сизlэр*	*олар*
Винительный	*бизни*	*сизни, сизlэрни*	*оларны*
Притяжательный	*бизниң//бизни*	*сизlэрниң*	*оларның*
Дательный	*бизкэ//бизиңэ*	*сизlэриңэ*	*оларқа*
Местный	*бизинтэ//бизнидэ*	*сизнидэ, сизlэрдэ*	*оларда*
Исходный	*бизнидин*	*сизнидин*	*олардын*

Приведем примеры на склоняемые формы личных местоимений в отдельных текстах:

Анчалайу эрүр миниң эшидмишим (УйМ-II) 'Таково есть услышанное мною';

Сизниң эсэнин кэltимиз аидуқ исиңизин төкэти иclэдимиз (ТМК-I) 'Мы безопасно пришли, мы полностью выполнили твои дела, о которых ты говорил';

Сэн үч йолы инчэ тип аиғыл (ТМК-I) 'Ты три раза так скажи!';

Сиз бизни көзәдиң... сиз бизни қуртғарың (ТМК-I) 'Вы нас соблюдите... вы нас избавьте!';

Азу олартын адын қайу ажунларта тоғмыш эрсәр, ймә олар инчип бу дарнының күчи көзүни үзә... (УйМ-II) 'Или если кроме тех в каком-либо из миров родились, то также они благодаря силе и мощи этой формулы...';

Тәңрим бизни иринчкән (УйМ-II) 'О боже мой, будь к нам благосклонен (пожалей нас)';

Аны эмти мән айайын (УйМ-II) 'Теперь давай я скажу это';

Маңа имә тапығ удуғ қылсарлар...' (УйМ-II) 'Если мне также делают служение, почитание...'

Указательные местоимения

Указательные местоимения в древнеуйгурских памятниках встречаются не только в основных и склоняемых формах, но также и в различных производных формах.

Указательное местоимение *бу* 'этот', *булар* 'эти', 'таковые' встречается в следующих склоняемых формах:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Винительный	*буны* и *муны*	*буларны*
Притяжательный	*мунуң*	*буларның*
Дательно-направительный	*муңа, муңар*	*буларқа*
Местный	*мунда (-та), мунтада*	*буларда*
Исходный	*мундын*	*булардын*

Производные формы: *мунча* 'столько', 'несколько'; *мунчулайу//мунчолайу* 'так', 'таким образом', 'такой'; *мунтағ* 'иногда'; *мунытэг* 'так', 'подобный', 'такой'; *муна* 'вот'; *мунтырдын=мунта(ғ) йиртин* 'поэтому', 'из-за того'.

Указательное местоимение *ол* 'тот', 'оный' (употребляется также в качестве личного местоимения *ол* 'он'); множественное число — *олар* 'те', 'они' встречается в следующих склоняемых формах:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Винительный	*аны*	*оларны*
Притяжательный	*аның*	*оларның*
Дательно-направительный	*аңа, аңар*	*оларқа*
Местный	*анта, анда, антада*	*оларда*
Исходный	*антын*	*олардын*

Производные формы: *антағ(қ)* 'таким образом', 'тотчас'; *антача* 'таким образом', 'в такой степени'; *анча* 'столько', 'настолько', 'в некоторой степени'; *анчулайу* 'так', 'таким образом'; *анчағ* 'таким образом'; *антағ//анытэг* 'так', 'таким образом', 'такой'; *антырдын=анта(ғ) йирдин* 'оттуда'; *ана* 'вон'.

Вопросительные и относительные местоимения

нә 'что', 'который' и производные от него слова, например:

Нә, аны улуғы Мағабали тигин көрүп, ынча тип ти-ди... (СЗБ) 'И что [же]? Старший царевич Магабали, увидя ее, [тигрицу], так сказал'...

нәчә 'сколько', 'как', например:

Бу мәниң эт-өзүм йүз миң ажунлартын бәрү йоқсуз ажунсыз нәчә нәчә йыруды, артады (СЗБ) 'Это мое тело в итоге ста тысяч воплощений (букв. миров), терпящее нужду, выключенное из вселенной столько, сколько [раз] загнивало и погибало'.

нәчүк и *нәчүкин* (твор. пад.) 'как', 'коль скоро', например:

Нәң йәмә этliгсиз болуп нә эрсәр асығқа тосуқа кирмәди, нәчүкин бугүнки күнтә мунытэг кәргәкliг, ишlәткүlүк йоқлағулуқ орун тапып (СЗБ) 'Абсолютно также, будучи бесплотным, для какой бы то ни было (*нә эрсәр*) пользы и выгоды ни годилось (букв. ни вошло), коль скоро (*нәчүкин*) нынешний день, найдя место, так как это (*мунытэг*) есть то необходимое, подходящее для дела (использования)';

Ол ики ичilәрин көңүl кәрип нәчүкин эрсәр, туисар оңарсар... (СЗБ) 'Тех двух старших братьев уговаривая (букв. сердце расширяя), коль скоро если они почувствуют и правильно поймут...'

нәгү 'что', 'что за', 'какой' (иногда адвербиальное значение «почему»), например:

Бу барс нәгү йийүг, ошадықы ашы нәгү ол (СЗБ) 'Эта тигрица, что такое ест, пища, которой она питается, что за пища (букв. она)'.

нәгүlүк 'что за', 'как', 'какой', 'каким образом', 'почему же', например:

«Бу иринч йарлығ ач барсқа нәгүlүк умуқ ынақ болмазмән», — *тип...* (СЗБ) 'Сказав: «Для этой несчастной, бедной, голодной тигрицы почему же мне не быть помощником, поддержкой (*ынак* 'надежда')»...'

Встречаются и иные словообразовательные формы от *нә* 'что': *нәтәк//нәтәг* 'как', *нәмә* 'что', *нәlүк-нәгүlүк*, а также различные словообразования от падежных форм.

ким 'кто' (и его падежные формы), *ким қайу* 'каждый, кто', например:

Ол киы суи анығ қылынч қылып йитинчсиз корқмасар... (ТМК-II) 'Тот, кто, совершив грехи и дурные дела, если не боится безгранично (и не покается)...'

Возвратно-посессивные местоимения

кәнтү 'сам', 'свой'. С аффиксами принадлежности *кәнтү* персонализируется, обозначая выделенное лицо субъекта, например: *кәнтүм* 'я сам', 'я'; *кәнтүмиз* 'мы сами', 'мы'.

В определительном сочетании *кәнтү* имеет посессивное значение, например: *кәнтү көңlүң* 'твое собственное чувство';

Кәнтү көңүlинтә ынча тип сақынты (СЗБ) 'Про себя он таким образом думал (букв. в своем сердце)';

Қайу (*қанйу*) *киши кәнтү әт-өзин үзә әркliг болуп ul хан төрүсин тутмыш әрсәр ulхан төрүси әриги барығы биш түрlүк савдан* (*савдын*) *утру бәlгүlүк болур* (ТМК-II) 'Если какой человек над своим собственным телом стал могущественным и соблюл закон верховного хана, то закон великого хана, его сущность (*эриг*), его направление станет выявляться прямо из пяти различных слов...'

Возвратным местоимением стало также конкретное понятие *өз//өс* 'тело'. Превратившись в местоимение *өз* 'сам', 'свой', оно продолжало сосуществовать со своим протофеноменом (подобно тому как русское местоимение «сам» происходит из индоевропейского, греческого понятия σομα 'тело').

С аффиксами принадлежности, подобно *кәнтү*, оно персонализируется, выражая субъект, например: *өзүм* 'я сам', 'я' (лично); *өзиң* 'ты сам'; *өзи* 'он сам'.

В атрибутивном определительном значении оно становится посессивным понятием со значением «свой», например:

Бизиң өдрүlмиш өгмәкиңизкә тәңридәм киртгүнмәкиңизкә өзүм түкәlliг булайын нә үчүн тисәр сизиң мән сизинтә болун болтум сизиңәр өтүнүрмән өзүмүн инәким мәниң үзүтүмүн арылағлы бәгим тириг өзүмкә өгрүнчү көрткүргli тәңрим мәниң көңүlүмин йарутуғлы қаңым амты қорқунчығ сыз тарқараң мини сизинчсиз кылың (ТМК-II)

'Да буду совершенен я сам для мыслей, восхваляющих тебя, для веры в твою божественность, если сказать: почему, я твой, при тебе став заблудившимся, тебе молюсь, меня самого, мой брат, мой бек, очищающий мою душу, мой бог, оказывающий радость моему живому существу (мне самому живому), мой отец, озаряющий мои чувства, теперь рассей [мою] боязнь, освободи меня от сомнений (букв. сделай меня без сомнений)'.

Местоимения обобщающие и неопределенные

К разряду этих местоимений относятся слова с диффузной семантикой и находящиеся на грани имен числительных и местоимений, например: *барча* 'все', 'сколько ни есть', 'наличный'; *нәчә* 'некоторые', 'многие', 'несколько'; *мунча* 'несколько', 'сколько-то'; *қамағ* 'все'; *қач* 'несколько', 'некоторые'; *қанчә* 'сколько', 'несколько'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные

бир 'один'	*алты* 'шесть'
ики//эки 'два'	*йәти//йәтти* 'семь'
үч 'три'	*сәкиз//сәккиз* 'восемь'
төрт 'четыре'	*тоқуз//тоққуз* 'девять'
биш//бәш 'пять'	*он* 'десять'

В манихейско-буддийских памятниках встречаются два типа выражения чисел от десяти до двадцати. Один тип сходен с композицией чисел орхоно-енисейских памятников, например: *алты йәгирми* 'шестнадцать', и другой тип, который соответствует современной композиции *он бәш* 'пятнадцать'.

Название десятков

йәгирми//йигирми 'двадцать'	*сәкизон* 'восемьдесят'
отуз 'тридцать'	*тоқузон* 'девяносто'
қырқ 'сорок'	*йүз* 'сто'
әliг 'пятьдесят'	*мин* 'тысяча'
алтмыш 'шестьдесят'	*түмән* 'десять тысяч'
йәтмиш 'семьдесят'	или 'неограниченное множество';

Ймә қутадмыш қутлуғ топрағ қутлуғ бичин йылқа өдрүlмиш әдгү қутлуғ қолуқа тоқузынч ай төрт отузқа

пурва пулғуны йултузқа күн ай тәңритәг күсәнчиг көртlә йарук тәңри бөгү тәңрикәнимиз күl булгә тәңри улигниң — орунқа олурмыш... (ТМК-III) 'В благополучный счастливый год земли и год обезьяны, в доброе счастливое время девятого месяца, двадцать четвертого (*төрт отузқа*) дня, под эгидой звезды Пурва пһалгуны взошел на престол божественного правителя, подобный богу солнца и луны, желанный, прекрасный светлый бог, герой наш князь Кюль Бильге...;

Ол йитигlи ики йигирми кәмичи тәңрilәр ики йигирми әдгү өд (ТМК-III) 'Те, достигающие двенадцать кормчих богов... двенадцать добрых времен'.

В древнеуйгурских рукописях количественные числительные обычно сочетаются с множественным числом счетных единиц, что отсутствует в современных тюркских языках:

Мән игlәтүктә, аң башлайу маңа төрт йәкlәр йақын кәlти (СЗБ) 'Когда я заболел, прежде всего ко мне подошли четыре демона';

Өтрү ол үч тигитlәр қыа чәчәк түш йимиш идигәlи адалары улик бәгкә өтүнүп айытып қалтылар (СЗБ) 'Затем те три царевича, чтобы собирать цветы и плоды, обратились с просьбой к своему отцу, правителю и беку, и остались [в тех местах]'.

Однако можно заметить, что множественное число при количественном определении употребляется главным образом тогда, когда определяемый предмет — одушевленный или, может быть, когда он является предметом почитания, например, санскритский термин *şad-āyantana* 'шесть жилищ' в текстах дан как *алты қачығ орунлар* 'шесть переходных мест' (в градациях посвящения):

Алты қачығ орунлар болмасар, бүртмәк болмаз (УйМ-II) 'Если не будет *şad āyantana*, то не будет осязания'.

В противоположность отмеченному явлению при неодушевленном предмете количественное определение употребляется с единственным числом субстантива:

Кин кәlигмә биш чөбик йавлақ өд... (Уй-II) 'Затем наступающее злое время пяти помутнений...';

Кәlмәдүк биш чөбик йавлақ өд... (УйМ-II) 'Ненаступившее злое время пяти помутнений...';

Қамуғ биш ажун тынлығ оғланы үчүн ылвара өтүнүрмән (УйМ-II) 'Я смиренно молюсь за сынов, живущих во всех пяти мирах'.

В подтверждение высказанного наблюдения приведем пример из «Тюркского гимна»:

Түзүн булгә киширләр тириләрим тәңриниң битигин биз эшидәлим, төрт улиг тәңриләркә тапыналым, төрт улуғ эмгәкдә қуртулалым, төрт улиг тәңриләрдә тапынмағлар тәңри номын тудағмалар (ТМК-II) 'Благочестивые мудрые люди, соберемся и выслушаем писание бога, да послужим четырем великим богам (четырехипостасному богу), да избавимся от четырех великих страданий, [да будем] служителями четырем великим богам (четырехипостасному великому богу), держащимися божественного закона'.

Порядковые числительные

Порядковые числительные, кроме *икинти* 'второй'[1], образуются прибавлением аффикса *-нч* к количественному числительному с соответствующими по сингармонизму промежуточными гласными: *үчүнч* 'третий', **төртүнч* 'четвертый', *бәшинч//бишинч* 'пятый', *тоқузунч* 'девятый, *отузунч* 'тридцатый' и т. д.

Разделительные и соединительные числительные

В текстах встречаются отдельные разделительные числительные типа *бирәр* 'по одному', *үчәр* 'по три', *икирәр* 'по два', *онар* 'по десяти' и т. д.

Числительные соединительные образуются при помощи аффикса *-ағу//-әгү* из основы количественных имен: *бирәгү* 'воедино', 'вместе', *икәгү* 'вдвоем', *үчәгү* 'втроем' и т. д. Сюда же можно отнести и местоименные образования типа *қамағу* 'всего', 'совокупно', *адынағу* (*адын*+*ағу*) 'другой', 'иной'.

ГЛАГОЛ

В памятниках древнеуйгурского языка по сравнению с памятниками орхоно-енисейского письма глагол как лексическая и грамматическая категория находит еще более четкое выражение в развитии форм спряжения со свойственными им морфологическими показателями и смысловой дифференциацией. Выражение глаголом отношений действия или состояния к познаваемой действи-

[1] В словаре Махмуда Кашгарского имеется *икинч* 'второй'.

тельности становится в древнеуйгурских памятниках более подробным в обозначении времени, наклонения и глагольного вида, а также различных перифрастических возможностей.

В древнеуйгурских памятниках глагол богат и личными формами — verbum finitum и неличными формами — деепричастиями и глагольными именами, проявляющимися как субстантивные и адъективные лексико-грамматические категории, большинство которых ложится в основу образования форм verbum finitum, что вообще характерно для строя тюркских языков.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Деепричастия

Так же, как в языке орхоно-енисейских памятников и в современных тюркских языках, деепричастие в древнеуйгурских памятниках является служебной грамматической категорией. Оно может стать основой спрягаемых форм глагола, принимая соответствующие форманты спряжения, может заменять verbum finitum в системе сложного или слитного предложения, может препозитивно сопровождать verbum finitum для уточнения и расширения его значения и, наконец, препозитивно в композиции со вспомогательными глаголами может служить для образования категории вида того глагольного понятия, которое в нем заключено. Деепричастие не выступает как номинативная категория, не склоняется, не приобретает аффиксов принадлежности или других формантов, характерных для словоизменения номинативных категорий. Основная тенденция смысловой сущности деепричастия направлена на выражение предикативных признаков той грамматической категории, с которой оно сочетается путем препозитивного примыкания. И в этом отношении его смысловая тенденция адвербиальна. Эта смысловая тенденция послужила для выделения еще особой функции деепричастия, а именно: от многих глаголов деепричастные формы отщепились, приобрели самостоятельность как отдельная знаменательная часть речи — наречие, а некоторые трансформировались в служебную часть речи — послелоги в системе склонения имен. В этом случае препозиция, характерная в словосочетаниях для деепричастных форм, превратилась в постпозицию, характерную для послелогов.

Слитное деепричастие

Находясь в препозиции к ведущему глаголу в той или иной форме, слитное деепричастие семантически неотделимо от лексического содержания основного глагола, которое оно дополняет, расширяет, объясняет, уточняет в качестве обстоятельственной категории.

Слитное деепричастие образуется от основы глагола, при помощи аффиксов *-а//-э*:

Мунча сав сөзlэп ол ач парс үскинтэ суна йатты (СЗБ) 'Сказав те слова, он лег, растянувшись перед той голодной тигрицей';

Мунчулайу адыра өдүрэ сақынып... (СЗБ) 'Таким образом, рассуждая (букв. разделяя, разбирая), он думал...'

Слитное деепричастие образуется также при помощи аффиксов *-у//-ү*, *-йу//-йү*:

Эң кичики Мағастви тигин тақы тапышу тэгинмэс... (СЗБ) 'Самый младший Магастви-царевич, еще [его] не удалось найти (букв. совместно ища не достиглось)...';

Эшиту йарлықазун ичим а (СЗБ) 'О старший брат мой, пусть он будет милостив выслушать (букв. слушая пусть будет милостив)';

Азқыа өңрэ йорыйу турзунлар (СЗБ) 'Пусть они потихоньку идут вперед';

Сыңылайу ынча тип тиди (СЗБ) 'Рыдая, так приговаривала'.

Распространенная в орхоно-енисейских памятниках форма на *-ы//-и* не характерна для древнеуйгурского слитного деепричастия. Рудиментом ее является наречие *тақы*, восходящее, видимо, к глаголу *тақ-* (монг. *дақиху*) 'повторять несколько раз'. Можно к ней отнести и такие наречия, как *улаты* 'вместе', 'последовательно', *тавраты* 'быстро', вероятно, восходящие к глаголам *ула(т)-* 'связывать', 'соединять', *таврат-* 'подгонять', 'ускорять', а также *түкэти* 'совершенно', 'совсем' — от *түкэт-* 'заканчивать', 'завершать' (об адвербиализации деепричастий см. раздел «Наречие»).

Соединительные деепричастия

Главная грамматическая функция соединительного деепричастия — участие в композиции слитного и сложного предложения. Это деепричастие в структуре предложения является смысловым эквивалентом verbum finitum, который оно заменяет для выражения чередующихся или

одновременных с главным действий. В то время как основное действие в конце предложения выражается verbum finitum и является сказуемым в личной форме, звенья чередующихся или соответствующих ему действий выражаются соединительными деепричастиями и представляют собой сказуемые в неличной форме глагола:

Үгүзләр, көллэр йайылып ы ығачлар ыүғалур (СЗБ) 'Реки и озера разливаются (разлились), растения и деревья качаются';

Бу савығ эшитип кичиги иниси ынча тип тидн... (СЗБ) 'Услышав эти слова, младший его брат так стал говорить...'.

Древняя форма соединительного деепричастия *-пан//-пэн*, столь распространенная в орхоно-енисейских памятниках, встречается и в уйгурских рукописях. Эта форма сохраняется также во многих рукописях «чагатайского» периода, например в произведениях Алишера Навои наблюдается ее звонкий вариант — *-бан//-бэн*.

В древнейшем памятнике «Покаянная молитва (манихейцев)» (V в. н. э.) мы встречаем форму этого деепричастия с глухим аффиксом *-пэн:*

Икинти йэмэ йэккэ ичкэккэ «тэңри» типэн... (ПМ) 'А также, во-вторых, называя демонов и вампиров богами...';

Йэмэ йэккэ, ичкэккэ «тэңри» типэн тынлығығ, туралығығ өлүрүп йүкүнтүмиз эрсэр... (ПМ) 'А также мы, убивая живые и телесные существа, поклонялись демонам и вампирам, называя их божествами';

«Сөңүкүңтэг адрыпан үзүт нэң өлмэз», — тир (ТМК-II) 'Говорят: «Отделившись от костей существо души не умрет (не умирает)»'.

В уйгурских рукописях мы встречаем форму этого деепричастия у Махмуда Кашгарского со звонкой формой аффикса *-бан//-бэн* в его кашгарских песнях и позже в «Қысас ал-анбийа» Рабгузи (XIV в.):

Мэн гоһэр инчү тиздүм кэзибэн йабан йазы (МК) 'Я нанизал драгоценные камни и жемчуг, странствуя (гуляя) по пустыням и равнинам';

Йай барубан эркүзи, ақты ақын мүндүзи (МК) 'Летом пошли ручьи талой воды, потекли потоками ручейки'.

Приходится предположить, что столь длительное существование деепричастия с формантом *-бан//-бэн, -пан//-пэн* наряду со слитным деепричастием на *-п* обусловливалось семантическим различием между ними, как это

явствует из орхоно-енисейских памятников, где деепричастие на *-пан//-пэн* выражало предшествующее действие. В уйгурских и «чагатайских» текстах это деепричастие выражает также действие, с которым связано последующее действие как его результат и следствие. Однако нельзя в данном случае говорить о причинной связи.

Разделительное деепричастие

В древнеуйгурских текстах разделительное деепричастие употребляется как негативное понятие в противоположность соединительному деепричастию. Оно образуется из основы глагола и аффиксов *-мадын//-мэдин, -матын//-мэтин*. Усеченная форма *-маты//-мэти*, встречающаяся в орхоно-енисейских текстах, в уйгурских текстах не отмечается.

Киртү тәңриг арығ номуғ билмэтин уқматын, бурханлар арығ динтарлар, номлагар киртүкүнмэдин тэтрү йана игдэйү тәңричи мэн, номчы мэн тигмэкэ артызуп аның савын алып нэчэ йаңылу бачаг бачадымыз эрсэр... (ПМ) 'Истинных богов и чистый закон не зная, не понимая, пророков, чистых священнослужителей, когда они проповедуют закон, не признавая за истинных (букв. не веря), и, напротив, фарисейски (фальшиво) следуя за теми, кто называет себя «я — божественный, я — знаток закона», принимая их речи, сколько раз мы, ошибаясь (прегрешая), предавались постам (буьв. постом постились)';

Бирмэдин кэчүрсэр мэн ul йанынча түши билэ көни бирүрмэн (ЮД) 'Если, не отдав [долг], просрочу, то при народе (у С. Е. Малова: по обычаю народа) точно отдам с прибылью';

Указанная форма разделительного деепричастия распространена в многочисленных и разнообразных памятниках древнеуйгурской письменности и в уйгурских памятниках арабского письма.

Деепричастие цели

Этот тип деепричастия встречается очень часто в памятниках древнеуйгурского языка на протяжении многих веков и активно живет в современном уйгурском языке. Оно образуется из основы глагола с аффиксом *-ғалы//-гэли, -қалы//-кэли*.

В современном уйгурском языке, подчиняясь законам ассимиляции, аффикс имеет форму *-ғылы//-гили, -қылы//*

-kuli, в диалектах *л//l* трансформируется в *н—-ғыны//-гини*:

«Бу ирінҷ тынлығ үчүн эт-өзүг титип, мунуң исиг өзин улағалы удачы»,— тип тиди (СЗБ) «Для этого несчастного животного, отбросив [свое] тело, кто может [ради] ее жизни (букв. горячей самости) пожертвовать (букв. соединить) [собою]», — сказал [Магастви]';

Ач барс ачмақ сувсамақ эмгэкин эртингү сықылып унақ-ниа өлгэли турур (СЗБ) 'Голодная тигрица, чрезвычайно страдая (букв. будучи сдавленной, стесненной) от голода и жажды, близка вот-вот умереть'.

Глагольные имена

В ранних памятниках древнеуйгурского языка в системе глагольных имен много общего с системой таковых в языке орхоно-енисейских тюрков.

Однако грамматические особенности некоторых глагольных имен составляют специфику древнеуйгурского языка.

Глагольные имена образуют субстантивные и адъективные грамматические категории и служат основанием для образования форм спрягаемого глагола.

Они представляют собой особый грамматический разряд в системе словообразования, образуются от основы глагола, а потому семантически обладают выражением переходности или непереходности и имеют аффиксальную структуру в соответствии с определенной категорией залога. Основа глагольного имени может быть положительной или отрицательной в своем аффиксальном построении. Характеристические аффиксы словообразования глагольных имен создают семантическую специфику таковых для выражения понятия конкретного или безотносительного времени. Во всех своих синтаксических функциях они подчиняются грамматическим закономерностям, присущим строю тюркских языков. Являясь адъективными понятиями в определительных словосочетаниях, дифференцируются как причастия, но в качестве субстантивных понятий подчиняются грамматическим закономерностям, присущим вообще всей грамматической системе субстантивных имен: склоняются, принимая аффиксы падежей, аффиксы принадлежности, и выступают в системе синтаксиса как подлежащее, прямое и косвенное дополнение и как различные обстоятельственные члены.

Однако самым существенным отличием глагольных имен является их словообразовательное свойство вместе с аффиксами сказуемости в предикативной позиции становиться подлинными формами verbum finitum в отличие от всех других имен, которые образуют с аффиксами сказуемости предикативные категории, выражающие лишь видовые, родовые, типологические и качественно-количественные признаки или тождество, а также различие.

В древнеуйгурских памятниках с особой ясностью видна стабилизация спрягаемых форм глагола — этимогенезис verbum fenitum в отношении его семантической сущности обозначения времен, наклонения, модальных признаков и свойств его соотносимости с предикативными компонентами в системе предложения. Рассматриваемые тексты подтверждают также грамматически сложившуюся специфику глагольных имен, заключающуюся в том, что в падежной форме или в падежной форме с аффиксами принадлежности они уподобляются деепричастным формам и включаются в систему предложений как предикативные компоненты развитых обстоятельственных членов основного предложения.

В системе словосочетаний в основном предложении развитые члены с такими «склоняемыми» предикативными компонентами могут являться его подлежащим, дополнениями или определительными членами.

В грамматическом употреблении глагольных имен определяется в значительной степени также и типологическая классификация языка. В древнеуйгурских памятниках очень заметно убывает синтаксическая функция глагольных имен на *-дуқ//-дүк*, *-туқ//-түк* и, в противоположность их роли в орхоно-енисейских памятниках, возрастает синтаксическая функция глагольных имен на *-мыш//-миш*.

Формы и функции глагольных имен на -дуқ//-дүк, -туқ//-түк

Это глагольное имя в уйгурских памятниках выступает чаще всего в различных падежных формах и образует предикативные компоненты развитых членов предложения. Встречаются определительные компоненты, выражающие атрибутивные признаки объекта действия:

Кэлмэдүк биш чөбик йавлақ өд... (УйМ-II) 'Ненаступившее злое время пяти помрачений...';

Аидуқ исэңэзэн төкэти исlэдэмэз («н»-диалект) (ТМК-I) 'Мы целиком совершили все твои дела, о которых [нам] говорили';

«Бу барс нэгү йийүр, ашадықы ашы нэгү ол»,— тип айыты (СЗБ) 'Он сказал: «Эга тигрица чем питается, пища, которую она ест, какая она»'.

В последнем примере определение выступает с аффиксом принадлежности, относящимся к субъекту действия— *ашадық-ы*. Можно предположить, что из подобных прототипов определения возникло и развилось определение из глагольных имен на *-dık//-dik*, *-асак//-есек* в турецком языке, всегда содержащих аффикс принадлежности, выражающий субъект действия.

Можно наблюдать и полную субстантивацию глагольного имени:

Йиәтинчүтэки арханларқа әртмиш, кәлмәдүк, көзүнүр үч өтдэкиләркэ йүкүнүрмэн (ТМК) 'Я поклоняюсь находящимся в мире архонтам и пребывающим в трех временах: прошлом (*әртмиш*), будущем (букв. не пришедшем) и настоящем' (здесь интересно отметить словообразование этих понятий путем конверсии глагольных имен);

«Нэ ойан бирlэ өк қалты төl түсэп одунмыш тэг тирultүкүм бу әрүр»,— тип тиди (СЗБ) 'Он сказал: «Именно в какой-то игре я видел сон и будто проснулся — мое оживление таково было»'.

В таких субстантивированных формах глагольное имя на *-дуқ//-дүк* выступает в винительном падеже, выражая объект действия:

Бу қарғантуқын, алқантуқын, кэкрэштүкин, йонтуштуқын билмэз киши тэг сөгүшчэ, ойынча сақынур... кэнтү инчэ туймазлар (ТМК-I) 'Подобно людям, не знающим об этих проклятиях, восхвалениях, ненависти и вражде, они думают оскорбительно и фальшиво (легкомысленно?)... они сами, таким образом, не чувствуют [сущности]';

Анта өтрү узаты — узақы өзкэ эмгэнтүкин иглэтэкин («н»-диалект) *өlмэкин... қоп йирдэ ачыг эмгэк көртүкин... йимэ ирінг киши оғлы кэнтү көрмиш* (ТМК-I) 'После того презренные сыны человеческие сами увидели, что они из-за своей самости мучаются, болеют и умирают, во многих землях видят горе и страдание'.

Глагольное имя на *-дуқ//-дүк* употребляется с послелогами и выражает различные обстоятельственные категории:

Билигсиз өсүз болтуқумуз үчүн қамаг йаруқ үзүтlэрниң түзиңэ йылтызыңа... (ПМ) 'Так как мы лишились познания и понимания (букв. стали лишенными познания и мышления), [мы встали против] правильного [пути] и сущности (букв. корня) светлых душ...';

Түнэригиг йандуқ үчүн аныг қылынчлар барча қач қата булғанты... иринч болтылар ол қамуг танмышлар... әдгү қылынчлыг тәңиг билмэдүк үчүн сағрулғай өрэнгэй отлуг таму ичиндэ (ТМК-III) 'Из-за того, что распространили мрак, дурные поступки все во много раз (*қач*) помутнели (усилились)... стали несчастными все те непознавшие... Из-за того, что не познали бога, творящего добро, пусть будут заключены и пусть будут гореть в аду';

Ил Өтүкэн қуты күч бирү йарлықадуқ үчүн биз қамаған барча көң lтэки қутуг булу тэгинтүкүмиз үчүн... көңүltэ бэрү сэвиг көңlүн амранмақ билигин алқыш алқайу сэвинч өтүнү тэгинүрбиз тәңрикэним (ТМК-III) 'Ввиду того, что благодать Отюкенской страны соблаговолила дать силу и так как мы все целиком (*қамаған*) обрели душевное блаженство, мы, о мой бог, просим радости в душе, благословляя (букв. хвалебно, восторженно) чувство любви, мудрость любви'.

В косвенных падежах без послелога или с послелогом форма *-дуқ//-дүк* употребляется для передачи обстоятельства времени (см. раздел «Синтаксис»):

Овутсуз биліг сүрүп ол өlүгкэ қатылты күчэдүкинтэ өтрү өlүг йарылты (ТМК-I) 'Выполняя бесстыдное знание, она присоединилась к тому мертвецу и после того как она проявила силу, мертвец распался (раскололся)';

Хирмузта тәңридэн тамудан йохару ағдуқта ол өдүн Вадзыванта тәңри өг тәңри тәркlэйү кэlтиlэр (ТМК-I) 'Когда он поднялся вверх благодаря богу Хормузду из ада, в то время бог Вадзыванта и бог разума спешно пришли';

Қалты йаруқ Мани Бурхан кэlтүктэ динтар болты (ТМК-II) 'Когда пришел светлый божественный Мани Бурхан, он стал священнослужителем';

Мэн иглэтүктэ аң башлайу маңа төрт йэклэр кэlти (СЗБ) 'Когда я занемог, с самого начала ко мне приступили четыре демона'.

Встречаются редкие примеры употребления этого глагольного имени в предикативной позиции:

Қаңы хан өги қатун эшидип экүн (икин) кэlип оғлыңа нэчэ аитсар, нэң кlгинч бирмэдүк 'Его отец-хан и его мать-госпожа, услышав, оба пришли, и сколько бы ни спрашивали сына, никакого ответа [он] не дал'.

Глагольное имя с аффиксом -мыш//-миш

В древнеуйгурских памятниках глагольное имя с аффиксом *-мыш//-миш* получает более широкое распространение, чем глагольное имя с аффиксом *-дуқ//-дүк*, образуя параллельные по словоизменению и по грамматическим функциям формы, и в конце концов совершенно вытесняет последнее в ходе развития литературного языка и в разговорной практике (если судить по юридическим деловым документам и надписям настенной живописи уйгуров).

Имя на *-мыш//-миш* выступает в субстантивном, адъективном и предикативном значениях. В последнем значении оно образует спрягаемую форму verbum finitum (см. раздел «Личные формы глагола»):

Аз ыңару бармыш, бир өкүш мунғақ көрмиш (ТМК-I) 'Немного туда пошел, множество самок оленей увидел';

Тақығу қушларағ («н»-диалект) *ыңару өнтүрмиш мәңдин ашын биргәли, ол тағықу қуш ара эркәк тиши бар эрмиш. Ол тиши тақығулар қамағын онарлар эрмиш, имә эркәки нәң онар эрмиш. Өтрү ол амари инчә көрүп ол қуш идисиңә инчә тип айытмыш* (ТМК-I) 'Кур туда собрал, чтобы дать корм из пищи (*мәң*). Среди тех кур были самцы. Те куры-самки все по десяти были, также самцы по десятку были. Затем те и другие, так увидев, так сказали тому хозяину птиц'.

В субстантивированной форме имя на *-мыш//-миш* употребляется в основном и в других падежах:

Йүкүнүрмән Сиддхи алқыш өз йашта уламыларыг булмышларқа, йүкүнүрмән Сиддхи алқыш үзә қылқалы (*қылғалы*) *утачыларқа* (УйМ-II) 'Я преклоняюсь перед нашедшими в своей жизни других в восхвалении Сиддхи, я преклоняюсь перед могущими делать на основании благословения Сиддхи';

Оң тизин сөкүп алғу анчулайу кәлмишләрниң самады дуанлары үзә сағыну йүкүнүп анта баса дарнының сәкиз йүз қата оғықлуғ ол (УйМ-II) 'Склонившись правым коленом, должно преклониться, размышляя на основании *samadhi* и *dhuāna*, надо всем таким образом приходящим, кроме того, еще следует прочитать восемьсот раз *dhārna* (заклинательную формулу)';

Ол ач барс қачан Бодиствниң өмгәнинтиң қан ақмышын көрти өтрү ол қаныг йалқайу этин барча йип қодты (СЗБ) 'Та голодная тигрица, когда увидела, что кровь течет из горла Бодисатвы, слизывая ту кровь, съела и все его тело';

Сәкиз он сәкиз кәң үгүзтәки қум санынча алғу анчулайу кәлмишләриг айамыш ағырламыш, тапынмыш удунмыш... тапыг удуғлуғ булыт үзә тапынмыш болур (УйМ-II) 'По числу песчинок в восьмидесяти восьми реках всех таким образом пришедших [служителей Будды] следует почитать, уважать, служить [им] и следовать [за ними]; на облаке служения и подчинения следует почитание'.

Теперь рассмотрим это глагольное имя в процессе адъективации:

Аны эмти мән айайын титрү эдгүти тыңлаңлар өңрә қылмыш қазғанмыш эдгү қылынч күчинтә... (УйМ-II) 'Теперь скажу-ка я это, а вы, наоборот, хорошенько слушайте: в силу раньше сделанных и достигнутых поступков...';

Париварачаки-лар-ның қылмыш арвышларын кәсәрмән қасқуқ тоғыйурмән (УйМ-II) 'Если я пресекаю чародейства, совершаемые «Париварачаки», я забиваю кол';

Бу мәниң өтүнмиш өтүгүмин йоқсуз, қуруғ қылмаң (УйМ-II) 'Эту мою произносимую мольбу не сделай напрасной и бесплодной (букв. сухой)';

Ймә ном ичрә өгүтмиш бәгиз белгүләри эрүрләр (УйМ-II) 'А также в книге закона пребывают прославляющие светлые письмена (букв. знаки)';

Бу мунтаг отуқлуғ төрүмиш күчсирәмиш алаңурмыш ач барс ачмақ сувсамақ эмгәкин эртингү сықылып унақниа өлгәли турур (СЗБ) 'Эта таковая (*мунтаг ощуқлуг*) родившая, обессилевшая, обезумевшая голодная тигрица, будучи чрезвычайно стеснена из-за мучений голода и жажды, к тому же близка к смерти'.

В пространственных падежах глагольное имя на *-мыш//-миш* выражает обстоятельственные компоненты, которые являются предикативными компонентами развитых членов предложения (см. раздел «Синтаксис»):

Мән тирилмишкә сизләр нәгүүк анча кәд қачарсызлар? (СЗБ) 'Когда я ожил, почему вы так быстро бежите?';

Тынғалы олурмышта аң улуғы тигин ики иниләриңә ынча тип тиди... (СЗБ) 'Когда они сели, чтобы отдохнуть, старший из них царевич так сказал двум младшим...'

Превалирующей формой в древнеуйгурском языке в указанных синтаксических функциях выступает глагольное имя на *-мыш//-миш*.

Большое распространение в текстах имеют глагольные имена на *-мыш//-миш* в основном и косвенных падежах с

послелогами, а также с аффиксами включения *-ча//-чэ, -тэг* и др.:

Кичиги — (э)мтэ битиг үзик нэм боқшут (бошқут?) өргәнмиш үчүн нэтэг эрсэр тойын болуп... (ЮД) 'Благодаря тому что в малом возрасте я изучал письмо и священные книги, как если я буду духовным лицом...';

Мэн күчүм йитмишинчэ иш күч қылып тапынып, йазмышым йоқ (ЮД) 'Я по мере моих сил (насколько хватало моих сил) выполнял работы, служил [ему], и у меня пробелов (букв. ошибок, прегрешений) не было';

Бирөк ким қайу киши бу қутлуғ дарныг сөзлэйү минч оқыйу тэгинмишдэ мэн өтрү оларның оқыйу өтүнмиш өтүглэрин эшидү тэгинип олаҗқа йақын барып кэсмиш кэсүшлэрин қантурғаймэн (УйМ-II) 'Когда какой-либо человек скажет эту счастливую формулу, призывая меня [к почитанию], то я затем, выслушав молитву, которая произносится, приблизившись к ним, готов удовлетворить выдвигаемые ими (букв. желаемые) желания'.

Глагольное имя с аффиксом *-мыш//-миш* образует также предикативную форму, которая ложится в основу спрягаемой формы verbum finitum.

Ймэ қутадмыш қутлуғ топраг қутлуғ бичин йылқа өдрүмиш эдгү қутлуғ қолуқа тоқузунч ай төрт отузқа пурва пулғуни йултузқа күн ай тэңритэг күгэнчиг кэртlэ йарық тэңри Бөгү тэңрикәнимиз Күl Билгэ Тэңри uligниң орунқа олурмыш (ТМК) 'В благоприятный счастливый год земли и плеяд (некоторые ученые переводят «год обезьяны». — *В. М.*), в отличное доброе счастливое время, в счастливый день 24 числа девятого месяца, под звездою Пурва пһалгуни (Венера) воссел на княжеский престол Кюль Билгэ Тенгри, подобный божествам солнца и луны, желанный, прекрасный, светлый, божественный наш Бёгю-Тенгрихан';

Өтрү ол амари инчэ көрүп ол қуш идисиңэ ынча тип аитмыш... (ТМК-I) 'Затем те остальные, таким образом увидев, так сказали хозяину птиц...';

Аз ыңару бармыш, бир өкүш мунғақ көрмиш (ТМК-I) 'Едва (букв. немного) туда пошел, множество оленей увидел'.

Глагольное имя, образованное аффиксами -ур//-үр, -йур//-йүр

Данное глагольное имя образуется из основы глагола при помощи аффиксов *-ур//-үр* после конечного согласного основы и *-йур//-йүр* — после гласного.

Эта форма обычно имеет адъективное значение и является причастием. Встречаются в памятниках примеры и субстантивного значения этого глагольного имени. Однако чаще всего оно выступает как основа образования спрягаемых форм verbum finitum.

Отрицательная форма образуется из отрицательной основы глагола при помощи аффикса *-з*, представляющего ротацию *-р*, например: *артмаз, билинмэз.*

Встречаются и формы этого глагольного имени с аффиксами *-ар//-эр, -ир*, например: *тоғар, табар, түшэр, сэвэр, билир*;

Байақы ол барс йатур орунқа бартылар (СЗБ) '[Они] пошли на то место, где лежит вышеупомянутая тигрица';

«Бу барс нэгү йийүр, ошадықы ашы нэгү ол», — тип айытты (СЗБ) 'Эта тигрица что ест, и пища, которой она [обычно] питается, что такое?», — сказал';

Й қшуртуқын билмэз киши тэг сөгүшчэ ойунча сақынур... кэнтү инчэ түймазлар (ТМК-I) 'Подобно людям, не знающим об их вражде, и они думают оскорбительно, фальшиво... сами таким образом не чувствуют';

Бу мэниң сэвэр амрақ, эт-өзүмин тидэрмэн ыдалайурмэн... (СЗБ) 'Это мое тело, которое я люблю и которое является другом, я удалю и отброшу...';

Инчэ қалты сувы ығач қапағын йирдэ ача бирүрчэ анчулайума Хроштад тэңри Хирмузта тэңрикэ биш тэңрикэ қапағын ача бирти (ТМК-I) 'Таким образом, как вода открывает двери [жизни] дерева на земле, так же бог Хроштад открывает дверь богу Хормузде и пяти богам';

Қалты йаңы йимишлик эв барқ йаратырча, тақы қалты ыг йаңы йирдэн тимин өртүрүрчэ... анчулайума бу йир сув он қат көк тэңри йаратуқта аңар охшайур эрти (ТМК-I) 'Подобно тому, как он творит новый плодовый сад и здание дома, и также подобно тому, как продолжает последовательно [посадку] растений по новой земле..., так же когда десять раз небесное божество творило эту землю и воду, — на это было похоже';

Қалты от қуруғ отунуг күйүгүрчэ... тақы қалты балақ сув ичэ йүзэрчэ... қалты уруғ эвин йэргү йирдэ өрэрчэ... анчулайума азың эт-өз ичэ инчэ күчlүг болур (ТМК-I) 'Подобно тому, как огонь поджигает сухое топливо, подобно тому еще, как рыба плавает в воде, подобно тому, как семя и зерно всходит в благоприятной земле, таким же образом твой грех внутри тела бывает сильным'.

В указанных примерах мы видим глагольное имя с

квантитативным аффиксом *-ча//-чэ* в сопоставительных оборотах (см. раздел «Синтаксис»).

В предикативной позиции глагольное имя на *-ур//-үр* образует форму verbum finitum настояще-будущего безотносительного времени:

Сиз иниэ биличиң бу йиртинчү йир-сувдақы тынлығлар бирәк бурхан көркин көрү қуртулғу эрсәр Хуан-Ши-Пушар ол тынлығқа бурхан кәркин кәркүрүр номлайур қуртғарур (УйМ-II) 'Вы следующим образом знайте: Если живые существа земли и воды этого мира спасаются, видя красоту Будды, то «Лотос доброго закона» тем живым существам показывает красоту Будды, проповедует закон божий (*номлайур*) и спасает'.

В отрицательной форме глагольные имена получают аффикс *-маз//-мәз*:

Тоғмақ болмасар, қарымақ өлмәк болмаз (УйМ-II) 'Если не будет рождения, не будет старения и смерти';

Видйа бөгүлмәкин күсин кәдин тәңри йиринтәки тәңриләр үзә иниэ бәлгүртир, йарутыр, йашутыр... қалты күн ай тәңри йаруқын қамағ йир сув йарутыр биш түрлүг тынлығлар... (ТМК-I) 'Видайа таким образом выявляет над богами неба и земли свою догму, силу и добродетель, освещает и озаряет, подобно тому как божества Солнца и Луны своим светом освещают землю и воду и пять различных живых существ...'

Глагольное имя, образованное аффиксом -йуқ//-йүк

Глагольные имена с этим аффиксом встречаются в памятниках буддийского и манихейского содержания довольно редко. Они выступают в субстантивном и адъективном значениях и выполняют функцию verbum finitum в предикативной позиции. Между этой формой и формой глагольного имени с аффиксами *-дуқ//-дүк* по семантическим и грамматическим признакам много общего. Можно предполагать, что аффикс *-йуқ* представляет собой «йекающий» вариант аффикса *-дуқ*:

Аң мән йумшақ тилэгү оқ тәгинч болмайуққа анын ачмақ сувсамақ эмгәк үзә сықылыч йантуру йана өз энүкләсин йигәли қылынур (СЗБ) 'Из-за невозможности достать что-либо мягкое из добычи и пищи, в силу ее голода, жажды и страданий будучи вынуждена, опять собирается съесть своих тигрят';

Өвкә көңүл өритмәйүк тынлығ (УйМ-III) 'Живое существо, не возбуждающее в сердце гнева...';

Йәмә Машиха бурхан киртүнйүк бушы бирилү үзүтин тилэгили кәтилэриг кәнтүнүң өгүсиңэ әдгү өгли тип атады, ынча тип йарлық ады (ТМК-II) 'Также Машиха-бурхан назвал людей, дающих милостыню с верой (с чувством веры) и молящихся от души за их доброе сознание, добромыслящими, и, так назвав, был милостивым';

Өтүү ол өдүн илик бәг улаты ики оғланы биплә улышу сығташу ки тәрмәйүк йивикліг тисикліғин қамағ бәглэр биплә йумқы Бодиствның қалмыш сөңүклүг сәририн итидилэр йығдылар (СЗБ) 'Затем тем временем правитель-князь вместе со своими двумя сыновьями, плача и рыдая, не откладывая (*тәрмәйүк*), быстро-спешно со всеми беками вкупе сложили и собрали оставшиеся кости — священные останки Бодисатвы'.

Глагольное имя, образованное аффиксом -ғма//-гмә

Глагольное имя, образующееся при помощи аффиксов *-ғма//-гмә* после конечного гласного глагольной основы и *-ығма//-игмә*, *-уғма//-үгмә* после конечного согласного, представляет адъективное понятие, выражающее наличный стабильный признак или характеризующий данную во времени функцию. Это глагольное имя употребляется чаще всего в определительной позиции и, аналогично таковому в орхоно-енисейских памятниках, равнозначно причастию:

Үчүнч учуғма тынлығқа... Бишинч йирдәки бағрын йәрығма тынлығқа (ПМ) 'В-третьих, летающим существам... В-пятых, наземным, животом ползающим существам'.

Субстантивацию этого глагольного имени можно отметить в том же памятнике в следующем примере:

Йана игдәйү «тәңрічи мән, нәмчы мән» тигмәкә артызуп, савын алып нәчә йаңылу сачағ сачадымыз әсәр... (ПМ) 'А также ошибочно последовав за говорящими: «Я, мол, служитель бога, я, мол, носитель закона», усваивая их речи, сколько раз мы ошибочно (прегрешая) выполняли посты'.

В сутре «Золотой блеск»[1] глагольное имя с аффиксом *-ғма* неоднократно встречается в адъективном значении:

[1] Но если исходить из мистической сущности буддистского учения, лучше перевести «Золотой свет», т. е. свет ауры высшего духовного совершенства.

Кєни номча төрүчэ башлатачы имэригмэ[2] *қамағ будунын қарасын ашмыш үкlитмиш қоптын сыңар йағысыз йавлақсыз эрти* (СЗБ) 'Он являлся начальником по правильному закону и установлениям, все страдающие простые народные массы возвысил и увеличил. Со всех сторон они были без врагов и без недоброжелателей';

Кин кэlигмэ биш чөбик йавлақ өд... (УйМ-II) 'Затем наступающее злое время пяти помрачений...';

Эгсүксүз уқуғлы bulгэ bulигсиз. Сизиң қутуңузқару йарлықағма йарлықайу бирин тэңрим (ТМК-II) 'Ты совершенная, [все] понимающая, всеведущая мудрость: о, дай милостиво, боже мой, соизволение к твоей благодати [приблизиться]';

Туруңлар қамуғ бэгlэр қадашлар, тақ тэңриг өгэlим көрүгмэ күч тэңри. Сиз бизни көзэдиң көрүнүгмэ ай тэңри сиз бизни қуртғарың (ТМК-II, Гимн богу Вам) 'Встаньте все беки и родственники, прославим бога зари. Видимое солнечное божество, ты нас сохрани, зримый бог Луны, ты нас спаси' (в нашем переводе обращение к божествам — местоимение *Сиз* передано единственным числом «ты»).

Это глагольное имя встречается в тексте и в субстантивированной форме:

Төрт uluг тэңриlэрдэ танығмалар номын тудағмалар, түнэриг йэкlэркэ тапунуғмалар түмэнlиг иринчү қылығмалар түбинтэ ол оқма өlмэки бар түнэриг тушмэки бар... (ТМК-II) 'Да будем свидетелями четырехипостасному божеству, держащимися установлений божества, [ибо] поклоняющиеся демонам мрака, совершающие десять тысяч злых поступков, в основе имеют неизбежную смерть, падение в мрачный ад'.

Глагольное имя, образованное аффиксом -дачы//-дэчи, -тачы//-тэчи

В древнеуйгурских памятниках сравнительно с орхоно-енисейскими, указанное глагольное имя более ограничено в своих грамматических функциях и по своей семантике ближе всего к субстантивному понятию, выражаю-

[2] Мы считаем глагольное имя *имиригмэ* производным от основы *имэр-* 'мучиться', 'не иметь покоя' (см. «Uyğur sözlüğü», İstanbul, 1934) и рассматриваем его как определение к *камаг будунын қарасын*, почему и даем перевод, отличающийся от перевода С. Е. Малова.

В глоссарии А. Габэн *imär* значит «umgeben sein» (*çevrilmiş*), т. е. «вращаться».

щему потенцию проявления, присущего действующему лицу. Точнее назвать его nomen agentis. В орхоно-енисейских памятниках в предикативной позиции оно образует форму особого будущего времени, в древнеуйгурских текстах оно является главным образом предикативным компонентом развитого подлежащего:

Кєни номча төрүнчэ башлатачы... (СЗБ) 'Начальствующий по правильным законам и установленям...';

«Бизн (ң)та адын ким болғай мұна йарағлығ аш ичкү бэlгүрттэчи, бу иринч тынлығ үчүн эт-өзүг титип, мунуң исиг өзин улағалы удачы», — тип тиди (СЗБ) '«Кроме нас, кто здесь был бы могущим представить (*бэlгүрттэчи*) подходящую пищу и питье таковой [тигрице], кто смог бы (*удачы*) удлинить жизнь таковой, отбросив [свое] тело для этого бедствующего животного»,— сказал':

Йиртэ ағынайу ынча тип йығлады: «Ким эрти эркu быттачы, өкүк киам эт-өзин өңи сачылып йатурны, қалмыш сүңүк йир сайу...» (СЗБ) 'Катаясь по земле, так выговаривая, рыдала: «Кто бы мог быть убийцей тела моего дитятки, там и сям лежащего разбросанным по земле в останках костей...»';

Қайу орунта бу дарнығы көркитдэчи, анайу бититдэчи тутдачы оқыдчы, сарыт қылтачы тапындачы, босғундачы эшидтэчи бар эрсэр (УйМ-II) 'Если в каком-либо месте имеются готовые указать эти правила (*dhārna*), способные с пониманием переписать и придерживаться [их] и способные быть чтецами цитировать [их], быть служителями [их], изучать и слушать [их]'.

В определительной позиции это имя приобретает адъективное значение:

Ким қайу айығ қылынчығ қылтачы тыныглар өlсэр, ол тынлығлар үчүн бу дарнығы йүрүң ғаитсыға бир отуз қата сөзlэр (УйМ-II) 'Если какие-либо живые существа, склонные совершать дурные дела, умрут, то для тех живых существ двадцать один раз произносят правило (*dhārna*) для белой кости'.

В предикативной позиции вместе с вспомогательным глаголом *эр-* имя на *-дачы//-дэчи* сохраняет адъективное значение для выражения потенциальных свойств действующего субъекта:

Алқу қоп айығ түдүс кэрис қарышмақығ амыртқурдачы эрүр... Алқу буты йэк ичкэкlэриг тытдачы адынларның алқу түрlүг арвысларын кэстдэчи алқу өдсүз өlүмlэрдэ умуғ ынағ болтачы эрүр... (УйМ-II) 'Они являются способными (готовыми) устранить (букв. успокоить) различ-

ные недостатки (ущерб), злобные распри, споры, противоречия... Они готовы запретить различных идолов, демонов, вампиров, они готовы уничтожить (букв. порезать) различные виды магии других людей, они готовы стать надеждой и упованием при всех безвременных смертях'.

Глагольное имя, образованное аффиксом -ғлы//-ғlи

Аффиксальная структура *-ғлы//-ғlи*, видимо, является соединением морфологических элементов *-ғ+-лы//-ғ+-lи*. Возможно, что и аффикс глагольного имени на *-ғма//-ғмэ* также представляет соединение *-ғ+-ма//-ғ+-мэ*, что вполне вытекает из системы наличных аффиксальных данных в словообразовании лексико-грамматических единиц.

Глагольное имя на *-ғлы//-ғlи* семантически близко к имени на *-ғма//-ғмэ* с его адъективной направленностью выступать в определительной функции:

Суида бару ики ағулуғ йол башына таму қабғыңа азғуруғлы йолқа ким тизэр... (ПМ) 'Пребывая в грехе, кто вступает на начало двух вредоносных (ядовитых) путей, и на совращающий к воротам ада путь...';

Йэмэ биш тэңри йаруқын қувратығлы бриштилар... (ПМ) 'А также пери (فرشته 'ангелы'), собирающие сияние пяти богов...';

Үтүзlэриг удғуруғлы, көңүlүг ачығлы, ймэ көкүзүг йарутуғлы кэни киртү аңлағ төрүlүг үч өдки адыртлағ («н»-диалект) *өдүртlүг тириг өз оирикlи йарық тэңри йириңэ тэгүрдэчи... ношда татағлағрақ* (*татығлығрақ*) *тэңридэм билгэ билиг, ймэ эдгү өдкэ қолуқа ймэ ирүlүг эдгү күнкэ* (ТМК-I) 'Пробуждающий души, открывающий сердце и освещающий грудь (чувства), дающий правильное, истинное понимание и правила, различие и выбор в трех временах, действующую живую сущность, соприкасающий с твоей светозарной небесной землей... [дающий] более сладкое, чем бессмертие, божественное, мудрое познание и также [все] в доброе время и сроки и в благоприятный и добрый день'.

В указанном примере можно ощутить смысловую адекватность в формах на *-ғлы//-ғlи* и на *-дэчи* (*тэгүрдэчи*):

Ймэ Машиха бурхан киртүнүүк буши биригlи үзүтин тиlэгlи кишиlэриг кэнтүнүң эдгү өгlисиңэ эдгү өгlи тип атады, ыңа тиг йарлықады (ТМК-II) 'Также Машиха-бурхан назвал людей, с верою дающих милостыню, с душою молящихся за их доброе сознание, добромыслящими, и был милостив, так назвав'.

Глагольное имя, образованное аффиксом -ғу//-ғү

Это глагольное имя представляет большой интерес и в первичной форме и, еще больше, в производных от него формах, имеющих очень широкое распространение не только в древних памятниках, но также и в памятниках «чагатайского» периода. Производные формы сохранились и в современном уйгурском языке[1]. Значение этой формы главным образом субстантивное, выражающее действие или процесс, а также и отвлеченные предметные понятия, например: *тарықу* 'возделывание почвы', 'посев'; *тапынғу* 'служение', 'почитание'; *тутқу* 'ручка', 'держатель', 'руководство'; *уйқу* 'сон'— от глагола *уй-//уд-* 'смыкать', 'соединять'; *тосқу* 'препона', 'преграда'; *қутрулғу* 'спасение', 'избавление'; *озғу* 'спасение', 'избавление' и парное *озғу-қутрулғу* с тем же значением (СЗБ).

Благодаря подвижности грамматических функций имен в отношении их субстантивации и адъективации имя на *-ғу//-ғү* приобретает адъективное значение:

Қалты уз киши узланғу эд билмэсэр, өз ишин барча қодур кэнтү ймэ ишсиз, бош йорыйор (ТМК-I) 'Подобно тому, как если искусный человек не познает дело, на которое он способен (*узланғу*), он всю свою работу забросит и будет ходить (вести себя) без дела и праздно'.

В предикативной позиции глагольное имя на *-ғу//-ғү* выражает долженствование и потенциальную возможность:

Сиз инчэ биliң бу йиртинчү йир-сүвдақы тынлығлар бирөк бурхан кэркин көрү қуртулғу эрсэр Хуан Ши-Пушар ол тынлығқа бурхан кэркин кэркүтүр номлайур қуртғарур (СЗБ) 'Вы так знайте: если существа земли и воды этого мира, видя красоту Будды, могут спастись, то «цветок Лотоса»[2] тем живым существам показывает красоту Будды, посвящает в закон и избавляет [от перевоплощения]...';

озғу қутрулғу йол (СЗБ) 'путь, ведущий к избавлению и спасению'.

[1] См. В. М. Насилов, *Грамматика уйгурского языка*, М., 1940.

[2] В индийской теософии «лотос», или «чакрама», считаются органами познания в «астральном» теле живых существ.

В своем аффиксальном развитии глагольное имя на *-ғу//-гү* дало несколько форм. Из них особенно распространен адъектив с аффиксами *-ғулуқ//-гүлүк*, *-қулуқ-//-күлүк*, который по своим функциям и значению близок к причастию, выражающему долженствование, необходимость, обязанность и иногда потенциальную возможность (не следует смешивать с допустительной возможностью):

Өтүг бирим өтәгләгүлүк йыл ан өд қолу сақыш толсар түкәсәр... (СЗБ) 'По мере выполнения и окончания счета времени — лет и месяцев, положенных (долженствующих) для выполнения взыскания...';

Бу мунтағ эмгәк толғаққа тәгмиш өддә бу муңумузны эмгәкимизни ача йада оқуту сөзләгәли уғулуқ күчүмүз көзүнүмүз йоқ эрти. Қата қақы утрынғулук турушғулуқ күчүмүз болғай (СЗБ) 'В то время, когда подвергаемся этаким мучениям и пыткам, у нас не было наших сил, дающих возможность (*уғулуқ*) открыто, подробно объясняя, высказать нашу скорбь и мучения. Но все-таки пусть будет у нас сила, долженствующая уберечь и защитить [нас]';

«Қылмаң мәниң кәкүзүмин йарылғулуғ сынғулуғ»,— тип тиди (СЗБ) 'Сказал: «Не делай мою грудь изломанной и истерзанной»';

Тоғмақ тылтағынта қарымақ өлмәк болур, босут, қадғу, эмгәк, тутғақ, сықығ, таңығ, улуғ әмәкliг өгмәк бәлгүлүк болмақы болур (Уй-II) 'По причине рождения (в силу воплощения) происходит старение и смерть, и [сопутствующими] признаками выявляются скорбь, горе, трудности, разочарование, тоска, ужас и большие отягчающие мысли'.

В предикативной позиции глагольное имя на *-ғулуқ//-гүлүк* выражает долженствование или потенциальную возможность:

«Мунтада адын тақы өңи аш ичкү йоқ ким бу алаңурмыш ач барсығ тиргүргүлүк»,— тип тиди (СЗБ) '«Эту ослабевшую голодную тигрицу, чтобы можно было оживить (*тиргүргүлүк*), никакой еще другой, кроме этой, пищи и питья нет»,— сказал';

Ики суғ аңрәкlәрни эгип, икi улуғ аңәкlәрни йапсуруп анта баса бу дарныны өгүлүр сағынғулуғ ол (Уй-II) 'Согнув два указательных пальца, соединив два больших пальца, при этом еще (*баса*) эту формулу (*dhārna*) следует вспомнить, продумать';

Оң тизин сөкүп алғу анғулайу кәлмишlәрниң самади дуанлары үзә сағыну йүкүнүп анта баса дарныны сәкиз йүз қата оқығулуғ ол (Уй-II) 'Склонившись правым коленом над *samadhi* и *dhuana* (магические формулы), перед всем таким образом приходящим мысленно сосредоточившись (*сағыну*), склонившись, следует при этом еще прочитать правила (*dhārna*) восемьсот раз'.

Очень актуальной производной формой глагольного имени на *-ғу//-гү* является глагольное имя с аффиксом *-ғучы//-гүчи*, которое выступает в субстантивном и адъективном значениях. Оно оказалось очень долговечным, является живой формой имени в современном уйгурском языке и употребляется в тех же значениях, что и в древних текстах:

Боғағучы болтум эрсәр, тынлығларығ қынағучы эмгәткүчи болтум эрсәр... (Уй-II) 'Если [бы] я был душителем, мучителем и угнетателем живых существ...';

Ол сән өлүргүчи тынлығлар үчүн өкүнч көңүl өридип нәчүкин эрсәр... (СЗБ) 'Если как-либо произойдет, что ты, возвысив раскаивающееся сердце за тех живых существ, которых ты убил...'

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Личные формы глагола в древнеуйгурских памятниках представляют очень четкую систему спрягаемых форм, выражающих семантику времени, наклонения и различных проявлений модальности.

Парадигмы личных форм глагола, verbum finitum, образуют аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности, присоединяющиеся к глагольным именам и деепричастиям, или же личные формы вспомогательных глаголов *-эр* и *бол-* в сочетании с неличными формами основных глаголов. Сочетания неличных форм глагола с вспомогательными образуют в отдельных случаях особые перифрастические формы с очень дифференцированной семантикой.

Сочетания деепричастных форм с рядом глаголов движения, статики, действий руки и некоторых других в спрягаемой форме образуют категорию вида с разнообразными модальными значениями.

Спрягаемые формы глагола, образованные аффиксами сказуемости и принадлежности, являются простыми формами, а формы, представляющие собой сочетания неличных категорий глагола со спрягаемыми формами вспомогательных глаголов, есть сложные спрягаемые формы.

Повелительно-желательное наклонение

В 1-м лице единственного и множественного числа выражается мысленное или устное обращение действующего субъекта к самому себе, т. е. его волеизъявление или желание.

Во 2-м лице выражается волеизъявление, направленное непосредственно к другому субъекту, являясь приказанием, повелением, побуждением действия.

В 3-м лице выражается волеизъявление, направленное к другому субъекту через посредство кого-либо, или выражается пожелание вызвать действие другого субъекта (чаще всего отдаленного).

Форма повелительно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа образуется от основы глагола при помощи аффиксов *-айын//-эйин* после согласного в аслауте основы и *-йын//-йин* после гласного. Приведем примеры;

Мэн эмты қамағун энүп амрақ өкүкlэримин тилэйин барын йоқын билэйин... (СЗБ) 'Вот теперь я всячески возьмусь (букв. поднимусь), поищу моих любимых детей и разузнаю, есть они или нет их...';

Сизиң өдрүlмиш өкмэкиңизкэ тэңрим кирткүнмэкиңизкэ өзүм түкэlliг булайын (ТМК-III) 'Для твоего (букв. вашего) особого восхваления, для веры в тебя, божество, пусть я сам найду [в себе] полноту [силы]';

Өтрү ол оғурта «Мэн ймэ инчэ сақынч сағынтым мэн өңрэ йол тилэйин кин адынағуға йолчы, йирчи болайын»,— тип... (УйМ-II) 'Затем в то время я так размышлял: «Я сначала [пусть] возжелаю пути, а потом уже стану для других вождем и путеводителем»,— сказав...';

Аны үчүн мэн бүкүнки күнтэ бу эт-өзимин йоңлап, муңадынық улуғ иш көтүк қылайын сансарлығ талуи үгүз ичинтэ тар кэми булайын (СЗБ) 'Для этого я нынешний день это мое тело употреблю в дело и совершу-ка я ужасающее великое дело и найду-ка я узкую ладью среди моря и рек сансары (т. е. изменчивости, непостоянства)'.

2-е лицо образуется из основы глагола безаффиксально или при помощи аффикса *-ғыл//-гил*, *-қыл//-кил*, а также аффикса *-ң*, который употребляется и для образования множественного числа:

Сэн барып супратишдит (санскр. *supratiṣthita*) *тэңри урысына бу дарныны* (*dhārna*) *ыйын* (*ийлн, ивин*) *көркидип*

эшидтүргил (УйМ-II) 'Ты пойди к богу Супратыштите и его сыну, эту заклинательную формулу (правило) постепенно покажи и дай услышать (сообщи)';

Эмти бизиң исиг өзүмүзкэ эдгү көңүл турғуруп умуғынағ болғыл (УйМ, СЗБ) 'Теперь к нашему теплому телу прояви (букв. воздвигни) доброе чувство и стань надежной и верой';

Өгрүнчlүг эргил, сэн Йосыпас (ТМК-III) 'Будь радостен, ты Эзоп';

Өlүгүг өlүрмэ эдкэ таварқа ашланмағыл, айығ қылынч қылма, эдгү қылынчлығ кими көбрүк идкил, йаратқыл (СЗБ) 'Живых не убивай, материальными благами, имуществом не прельщайся, не делай злых поступков, созидай, твори корабль и мост добрых дел';

Эгсүксүз уқуғлы билгэ биlигсиз. Сизиң қутуңузқару йарлықағма йарлықайу бириң тэңрим үркэ үзүксүз өглэнмүрүң уқутру йарлықаң (ТМК-III) 'Ты (букв. вы), лишенная недостатков, всепонимающая, всеведущая мудрость. Дай милостиво соизволение [приблизиться] к твоей благодати, о бог мой, навсегда, непрерывно одари [меня] разумом, соблаговоли одарить пониманием';

Қут қолурмэн көсүш көсэйүрмэн бирөксизиң савыңыз көни киртү чин эрсэр, бу мэниң өтүнмиш өтүгүмин йоқсуз қуруғ қылмаң (УйМ; СЗБ) 'Я молю о счастье, выражаю свое желание; если твое слово правильно, верно, истинно, то произносимую мною молитву не сделай напрасной, бесплодной';

Үзүтүмүзүн арылағлы бэгим, тириг өзүмкэ өгрүнчү көртküрүгli тэңрим мэниң көңүлүмин йарутуғлы қаңым амты қорқунчығсыз тарқараң мэни сизинчсиз қылың (ТМК-III) 'Ты мой бек, очищающий душу мою, мой бог, живому моему существу оказывающий радости, отец мой, озаряющий мое сердце, теперь рассей [мою] боязнь, сделай меня свободным от сомнений';

Ынча қатғыл анаң (*аның*) *ким үркэ удуғун сағланмақан* (*сағыланмақын*) *эрэңlэр бу бир удғуруғлы динқуты тэңрикэ ким сизни үзэ бэlгүlүгү болты ймэ бу эт-өз ким сизни үзэ турур ынча көруң қолулаң толп барча тэвэн* (*тэвин*) *армаған* (*армағын*) *азғурмақан* (*азғурмақын*) *итмиш йаратмыш ол ичтин сыңар* (ТМК-III) 'Таким образом добавьте, и потому будьте постоянно (долгое время) бодрствующими, бдительными в отношении победоносного, всемогущего божества, проявление которого над вами [возникло], а также в отношении этого тела, которое пребывает над вами, таким образом наблюдайте

и заботьтесь, [ибо] он сделал, сотворил все в целмо обманно, путем соблазна, фальшиво'.

Эта форма с аффиксом *-ң* не только передает повеление или просьбу, направленную к единичному лицу, но также является вежливой почтительной формой обращения к нему. С аффиксом множественного числа *-лар//-lэр* выражает обращение к нескольким лицам:

Ол өдүн Хиродис қан ынча тип йарлықады оларқа: «Йа эмти эмрәқ оғланларым, эдгү кіа барыңлар, кэд қоңүl тэгүрүп тиlэңlэр, истэңlэр» (ПВ) 'Тем временем царь Ирод так приказал им: «Теперь, о милые сыны мои, по доброму отправляйтесь-ка и всем сердцем проникнитесь желанием (*тиlэ*) и разведывайте»';

Эlэңlэр, эдгүlэрим. Мэн тирilмишкэ сизlэр нэгүlүк анча кэд қачарсызlар? Қорқмаңлар (СЗБ) 'Приблизьтесь, о добрые мои. Почему же вы при моем возвращении к жизни так сильно разбежались? Не бойтесь'.

Форма 1-го лица множественного числа образуется прибавлением к основе аффикса *-алым//-эlим*:

Эмти йарлағқанчучы uliг тэңрим йарлақаң ол мэңигү төкэliг мүнсүз өзүңүзүн кэрэlим өкүш өдтэ бару эмгэнмиш эмгэкэмэзин унытаlым мэңигү сэвинчliг өгрүнчlүг (ТМК-I) 'Теперь, о милостивый царь небесный, будь милостив. Да увидим мы твое вечное, совершенное, безгрешное существо, да забудем страдания, которыми мы мучились в течение долгих времен';

Эт-өзүмүзні көзэдің, үзүтүмүзни бошуң, қыв қолурбыз, йаруқ тэңэиlэркэ адасузын туралым өгрүнчliгин эрэlим (ТМК-II) 'Сохрани наши тела, очисти (букв. освободи) наши души, мы просим счастья, да пребудем в безопасности для светлых божеств и да будем радостными';

Түзүн биlгэ кишilэр тирilэрим (вм. *тирilэlим*), *тэңриниң бітігин биз эшидэlим, төрт uliг тэңриlэркэ тапыналым, төрт улуғ эмгэкдэ қутулалым* (ТМК-II) 'Благочестивые, мудрые люди, давайте соберемся, давайте послушаем мы писание бога, да послужим четырехипостасному божеству, да избавимся от четырех великих страданий'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица единственного числа образуется аффиксом *-сун//-сүн*, иногда *-зун//-зүн*, во множественном числе она присоединяет аффикс *-лар//-lэр*:

Қачан қайу күн түкэl биlгэ Маитри тэңри тэңриси бурхан бу йіртинчү йир-сувта бэlгүрү йаvлықасар, ол оғурта бу адіштит үзэ тутмыш айығ қылынчымын анта ксанти өтүнүп, бу сансар эмгэкиндин озмақым болзун (УйМ-II) 'Когда в какой-либо день всемудрый Маитрейа, бог богов Будда, в этом мире и в стране будет милостив появиться, в это время, сверх этого счастья, вымаливая при этом помилование моих дурных поступков, которых я придерживаюсь, пусть будет мое избавление от страданий сансары (т. е. физического мира)';

Бөкүнүп өтрү ики ичilэриңэ: азқыа өңрэ йорыйу турзунлар... тип (СЗБ) 'Склонившись, затем двум старшим братьям сказав, чтобы они немного прошли вперед...';

Қутлуғ болсун бу битиг идиси (ТМК-I) 'Да будет счастлив обладатель этих письмен';

...Йавлақ қылынчларға йалчытып йарағсыз оруңларта тоғмышлары бар эрсэр антын озуп үстүн тэңри йіринтэ бурхан улусынта тоғмақлары болзун (УйМ-II) '...В случае участия (*йалчытып*) в злых поступках, если произошло рождение в негодных местах, то от этого избавившись, пусть произойдут рождения [в дальнейшем] в высшей небесной земле, в стране будд'.

Простые личные формы глагола

Прошедшее объективное

Генезис этой формы глагола остается до сих пор неясным в тюркском языкознании. Наиболее приемлема гипотеза о возникновении этой формы из глагольного имени, образованного от основы глагола при помощи аффикса *-т//-д* и личных аффиксов принадлежности:

1-е л.	*-т-ым* (*-им*)	*-т-ымыз* (*-имиз*)
2-е л.	*-т-ың* (*-иң*)	*-т-ыңыз* (*-иңиз*)
3-е л.	*-т-ы* (*-и*)	*-т-ы* (*-и*)+*-лар* (*-lэр*)

Формант *-т* озвончается и переходит в *-д* обычно после глухого конечного консонанта основы:

Тэңрili йэкli, йаvуқлы, қаралы ол өдүн қатылды. Хормузта тэңри оғланы биш тэңри бизниң үзүтүмүз суин йэкlүгүн сүңүшүп балығ башлығ болты (ПМ) 'Боги и демоны, свет и тьма в то время были смешаны. Сыновья бога Хормузды, пять богов, наши души, сражаясь с грехом и демоническим началом, были связаны и ранены';

Амты ичэ бэlгүртти... киши үзэ биш тэңриlэрдэ, утру биш түрlүг ыда ығачда туғды ймэ биш түрlүг ыда ығачда утру бу өгсүз өзкэ эмгэнтүкин, иглэтүкин өлмэкин

қоп йирдэ ачығ эмгэк көртүкин ймэ иринч киши оғлы кэнтү көрмиш (ТМК-I) 'Теперь он так сообщил: над людьми вслед за пятью божествами от пяти различных [родов] растений, деревьев породились и также вслед за пятью различными [родами] растений, деревьев породились в этих лишенных сознания телах... вслед за тем продолжительно и долго мучаясь, болея, умирая благодаря телесности и увидев горькие мучения во многих землях, сами несчастные сыны человеческие увидели';

Оңынта тэңри йириңэр қапағын ачты (ТМК-I) 'С правой стороны божество открыло дверь по направлению к земле';

Инчэ қалты сувы ығач қапағын йирдэ ача бирүрчэ анчалайума Хроштад тэңри Хирмузта тэңрикэ биш тэңрикэ қапағын ача бирти (ТМК-I) 'Так как его вода на земле открывает дверь дереву, так же бог Хроштад открыл свои врата богу Хормузду и пяти богам';

Йана көңlүмтэ инчэ сағынч өрди нэ үчүн қарымағ өlмэк тоғар, нэгүдэ өткүрү қарымағ өlмэк төрүйүр сағынып утғурағ тундум... (ТМК-II) 'Опять в моей душе возникла такая мысль: отчего возникает старость и смерть, почему же в итоге рождается старость и смерть, [так] размышляя, я полностью продумал...';

Бulтимиз уқдумуз өзүмүзүн үзүтүмүзүн үзэ асра йаруқда түнэригдэ (ТМК-III) 'Мы познали и поняли свое тело и душу наверху, внизу, в свете и во тьме'.

Данная форма в древнеуйгурских памятниках, так же как и в орхоно-енисейских, сохраняет семантику результативного объективного познания явления, его констатирования в качестве свершившегося или свершавшегося факта.

Прошедшее повествовательное, историческое

В древнеуйгурских рукописях эта форма служит для передачи событий и фактов, являющихся внешними для излагающего их лица, в историческом повествовательном аспекте:

Тақы анчолайу қалты урдун базған қысқач (в тексте: *хысқач*) *ким кэнтү улуқ тэмирэн* («н»-диалект; вм. *тэмирин*) *итilмиш ол...* (ТМК-I) 'А также, подобно клещам, сжимающим наковальню, которые сами сделаны из крепкого железа...';

Аз ыңару бармыш, бир өкүш мунғақ көрмиш... (ТМК-I) 'Немного туда прошел, увидел множество оленьих самок...';

Тақығу қушларағ («н»-диалект; вм. *қушларығ*) *өнтүрмиш* (*өндүрмиш*) *мэңдин ашын биргэli, ол тақығу қуш ара иркэк* (*эркэк*) *тиши бар эрмиш* (ТМК-I) 'Кур туда вывел, чтобы дать корму (букв. пищу из корма). Среди тех кур были самцы и самки';

Кэнтү тои ыңару кирэп (*кирип*) *кимгэң* (*кимгэ нэң*) *сөз бирмэтин амру, босану сақыну олурмыш* (ТТ) 'Войдя обратно в город (столицу), никому ни слова не говоря сел [на трон], полный любви, забот и размышлений (букв. любя, озаботясь и размышляя)';

Бу савқа йэмэ қамаған күlмишlэр, Иосипасаг (вм. *-ыг*) (*өгмишlэр*), *ынча тимишlэр* (ТМК-III) 'На эти слова все вместе смеялись, хвалили Эзопа и так говорили...'

Настоящее-будущее время

Эта форма глагола имеет очень широкое распространение в древнеуйгурских памятниках и передает настоящее реальное время, настоящее безотносительное (к моменту), будущее и настоящее неопределенное время, приближаясь к значению аориста в выражении ирреального действия (как возможного и предполагаемого).

По своему образованию эта форма не отличается от таковой в орхоно-енисейских памятниках и представляет спряжение с предикативными аффиксами глагольного имени на *-ур//-үр*, *-ыр//-ир*, *-ар//-эр* после конечного согласного основы глагола и *-йур//-йүр* после гласного. В отрицательной форме после аффикса *-ма//-мэ р* переходит в *з*:

1-е л.	*өртэйүр-мэн*	*өртэйүр-миз*
2-е л.	*өртэйүр-сэн*	*өртэйүр-сиз*
3-е л.	*өртэйүр*	*өртэйүр* (иногда *-лар//-lэр*)

В отрицательной форме *болмаз*, *кэlмэз*, *тутмазлар* и т. д.:

Қушуғ өlүрүр... тақы ймэ инчэ қалты оот ким ығачдан өнүр... йана ығачағ (вм. *ығачығ* в «н»-диалекте) *өртэйүр* (ТМК-I) 'Он убивает птицу и еще так же, как огонь, который возникает из дерева... так же дерево зажигает';

Тақы ймэ анчолайу қалты қозы бозағу эт-өзи тэгшilип арслан оғлы, бөри оғлы болуп туғсар ол өдун йана кэнтү сүрүг удуғ қойануғ алқанур, йоқ қылур (ТМК-I) 'И так же подобно тому, как ягненок и теленок сменяет телес-

ную сущность (перевоплощается) и при рождении (*туғсар*, букв. 'если рождается') становится львенком, волчонком, то он сам пожирает [обычно] стадо быков,зайцев и уничтожает [обычно]';

Тақы ынча қалты тоннуң бити... ким кишинәң тәрисинтә өнүп йана кишинәң қанын кәнтү сорар... киши аны көрсәр йана йарсыйур (ТМК-I) 'Так же как одежная вошь, которая возникает на коже человека и сама сосет кровь человека..., когда увидит ее человек, проникается отвращением' (*йарсы* 'питать отвращение');

Қалты уз киши узланғу эд биlмәсәр өз ишин барча қодур, кәнтү йәмә ишсиз бош йорыйур... (ТМК-I) 'Так же как искусный человек, если не познает мастерства, забросит всю свою работу и будет ходить без дела и праздным...';

Видйа бөгүlәнмәкин күсин кәдин тәңри йиринтәки тәңриlәр үзә инчә бәlгүртир, йарутыр, йашутыр, қалты күн ай тәңри йаруқын қамағ йир сув йарытыр биш түрlүг тынлығлар (ТМК-I) 'Над богами неба и земли веру, силу и славу Видйа таким образом показал, осветил и осиял, как божество солнца и луны проливает свой свет на всю сушу и воду и на пять родов живых существ';

Түмәнliг йәкләр кәlир тийүр...
Түнәриг түнчүlә басар тийүр
Тунумлуғ тәгир тийур
Түш үзә олтуруп түlтүрүр тийур
Тәнмиш үзүtlәр ташықар тийүр
Тардыч тәк эт-өзүн қодур тийүр
Тавары турғуру қалыо тийүр... (ТМК-II)
'Говорят: приходят десять тысяч демонов,
Говорят: давит мрачное молчание,
Говорят: подступает стесненье (тоска),
Говорят: на сновидения наседают и создают видения,
Говорят: выступают блуждающие души,
Говорят: подобно Тардычу, [весовщик] отбрасывают свое тело,
Говорят: все время оставляют свое имущество...'

Данный пример интересен разнообразием аффиксации, отмеченной выше;

Йүкүнүрмән Сиддһи алқыш өз йашта улатыларығ булмышларқа йүкүнүрмән Сиддһи алқыш үзә қылқалы утачыларқа (ТМК-II) 'Я преклоняюсь пред нашедшими в молении Сиддхи и в своей жизни единство, я преклоняюсь перед теми, кто может сделать сверх моления Сиддхи';

Қылынчта өткүрү ачун болур нәң Макисвари(а)да болмаз нәң пардантин болмаз, қалты пурани улаты азағ нәмлуғлар сөзlәйүрlәр (ТМК-II) 'В итоге (букв. после) дел возник мир. Ничто не существует благодаря *Maheswara* (иначе — Шива). Ничто не существует из «мировой души» (*pradhâna*), подобно тому, как говорят ошибочно, фальшиво законники «вместе с Пурана»';

Нәң ном эрмәдин йәмә эрмәз, нәң эртмиш өд эрмәз, нәң кәlмәдүк эрмәз (ТМК-II) 'Не являясь законом (*dhârna*), не есть отрицание [его], это не есть прошлое, это не есть будущее';

Сән нә үчүн тисәр йавлақ йағы сини (*сени*) *көзәтин түкүр, артатғалы сақынур сини* (*сени*) (ХММТ) 'Если ты спросишь, почему злой враг тебя поджидает, думает [чтобы] погубить тебя...';

Ймә анчалайу бу өlүм күни кимни үзә кәlсәр, қамуғағ (вм. *қамуғуғ* в «н»-диалекте) *алыңадтурур йарлықанматын өlүрүр* (ТМК-III) 'А так же как этот день смерти, на кого придет, всех уничтожит, не щадя (не милуя), убивает';

Ймә түрлүг ағы барым әlингәрү кәlсәр, эсиргәрү қызғану тутмаз кизlәмәз (ТМК-III) 'А также, если в его руки приходят различные дары и блага (имущество), то он их не держит в зависимости, ради выгоды и не утаивает';

Өlүргәli ulитсәрlәр маңрайур, үнтәйүр. Йосыпас ынча тимиш: «Коин аны үчүн үнтәмәз... нә үчүн»,— тисәр;— бирәр, бирәр адақын бап (совр. *бағлап*) *кәмишип йуңын қырарлар»* (ТМК-III) 'Если [овцу] ведут убивать, она блеет и кричит. Эзоп так говорил: «Овца из-за того не кричит. Если спросят, почему — ее ноги одну за другой связав, сваливают и стригут ее шерсть»'.

Будущее время долженствовательное

Эта форма образуется из основы глагола при помощи аффиксов *-ға//-гә*, *-қа//-кә* или чаще *-ғай//-гәй*, *-қай//-кәй*. Она выражает определенное действие в будущем времени и придает ему семантику категоричности. В других случаях она соответствует реальному настоящему времени, протекающему в определенных пределах, и, наконец, выражает долженствование в исполнении действия, часто совпадая по содержанию с формой на *-сун//-сүн* допустительно-желательного наклонения. Глагол в этой форме спрягается с аффиксами сказуемости:

1-е л.	*алға(й)-мән*	*алға(й)-миз*
2-е л.	*алға(й)-сән*	*алға(й)-сиз*
3-е л.	*алғай*	*алға(й)-лар*

В ряде случаев эту форму можно сопоставить с формой на *-ғулуқ//-гүлүк*. В условном предложении в противоположность форме на *-ур//-ур*, форма на *-ғай//-гэй* всегда выражает реальное действие, возникающее в итоге определенного условия:

Тақы өкүш түрлүг мунтағ өтүзләр отүнгэй ол өдкэ улуғ uluг мэңигү йарлықанчучы көртlэ көркин ачғай, бэлгү өтгэй. Ол өдкэ қамағ тэкluләр мэңигү өгрүнчүlүг, сэвинчluг болғайлар (ТМК-I) 'Также пусть будет произнесено множество различных таких молитв. Тогда откроет великий правитель свое вечное, милостивое, прекрасное лицо (красоту) и покажет [его]. Тогда все обиженные (может быть, слепые) станут вечно исполненными веселья (*өгрүнчүlүг*) и радостными';

Түнэригиг йаидуқ үчүн анығ қылынчлар барча қач қата булғанты. Эдгү қылынчлыг тэңриг билмэдүк үчүн сағрулғай өртэнгэй отлуғ таму ичиндэ (ТМК-III) 'Благодаря тому что распространили мрак, дурные дела все во много раз запутались (замутились). Из-за того, что не познали добродетельного бога, [пусть] будут мучиться и гореть в огненном аду';

«Күн тэңри йаруқы исиги ингэй, сэниң қанатыңын күйүргэй өртэнгэй-сэн, өлгэйсэн»,— тиди (ТМК-II) '«Свет и жар бога солнца сойдет вниз, ты спалишь свои крылья, сожжешься и умрешь»,— сказал';

Э йаруқ үзүт сиз нэчүк уғайсыз (ТМК-II) 'О вы, светлые души, вы что можете?';

Эрдэмliг эт-өзүм ычғынсармэн йинэ қайу күн болғай? (СЗБ) 'Если я отброшу мое доблестное тело, все же какое солнце будет [существовать]?';

Улуғ арвислар әligин тозта йапырқақта, кэгдэтэ, бөзтэ, банта эрсэр ймэ битип, эт-өзинтэ эрсэр, ймэ боқузында эрсэр, ймэ тутсалар оқысалар... ол тынлығларқа бир ажунта нэң ағу тэгмэкэй нэң сы бычғу тэгмэкэй, нэң исиг иг тэгмэкэй, нэң артуқ эмгэк ада кэlмэкэй, нэң от, сув адасы тэгмэкэй (УйМ-II) 'Великий Видйа-райа (волшебник) если напишет на бересте, на листве, на бумаге, на полотне, на доске, и если на теле, также на шее будут держать [написанное] и читать, до тех живых существ пусть не коснется в целом мире что-либо ядовитое, пусть не дотронется режущий нож, пусть не тронет ни-

какая горячка и да не придет какое-либо большое страдание и опасность (нужда), пусть не коснется какая-либо опасность от огня и воды...';

Ол эрнэң, көңliн йарутсар, ймэ ағы барат (*барат* — мн. ч.) *көзиңэ нэң ulэнмэгэй* (ТМК-I) 'Если они озарят то свое мужественное сердце, то и дары и имущество для их очей никакого значения иметь не будут (букв. не будут зависеть)';

Ймэ нэчэ отачы отын биrlэ кэlсэр, аны отайу умағай (ТМК-I) 'Если и несколько врачей придут с их лекарствами, травами, они не смогут его лечить';

Мэн өтрү оларның оқыйу өтүнмиш өтүзlэрин эшидү тэгинип, оларқа йақын барып, көсэмиш көсүшlэрин қантурғаймэн (УйМ-II) 'Я затем, услышав молитвы, которые они читают и произносят, приближусь, подойду близко к ним и удовлетворю выражаемые [ими] желания'.

С частицей *эрки* форма на *-ғай//-гэй* выражает вероятность, допустительную возможность:

«Булғай эрки биз йиг адруқ буйанығ»,— тип тити (СЗБ) 'Сказал: «Пожалуй, найдем мы доброе, особое счастье (благодать)»'.

Однако во многих случаях глагол в этой форме выражает желательно-долженствовательную модальность, являясь подлинным оптативом. Например, в сутре «Золотой блеск» встречаем: *иитlинмэгэй-да* 'не погибнет', *йоқатқайлар* 'пусть погубят', *болғай* 'пусть будет!', да будет!' и т. д.;

Қата тақы утрунғулуқ, турушғулуқ күчүмүз болғай (СЗБ) 'Опять-таки пусть будет у нас сила, долженствующая уберечь и защитить нас';

«Тыдық ада қылып, көзэмиш қөзүшүмин қантурмағай»,— тип... 'Сказав: «Должно быть, не удастся удовлетворить возникшего моего желания в случае преград и неудачи»...';

«Кичиги сэвэр эмрақ оғулум йалаңуз қалып кэlмэсэр, болмыш болғай утқурақ адырылғулуқ эlп ада»'— тип... (СЗБ) 'Говорила: «Если младший [из них] любимый, обожаемый мой сын только остался и не пришел (не придет), то, должно быть, произошла огромная беда, которая должна совершенно разлучить [нас]...';

Бизниң амрақ өгүкүмүз Магаствыг ычғынмыш эргэй му биз? (СЗБ) 'Разве должны мы были потерять нашего милого сыночка Магастви?';

Йэклэр тэгирмиlэйү авлап ulmulэргэй (УйМ-IV) 'Демоны, окружив [кругом], охотятся за его уводом (чтобы его увести)';

«Ол йиг болғай үчәгү биплә киа өлсәрбиз, нәң бизиңә кәргәксиз бу әт-өзүмүз тириги»,— тип (СЗБ) 'Сказали: «Должно быть, хорошо то, если мы втроем вот вместе умерли бы, совсем нам не нужно, что эти наши тела живы'.

Условное наклонение

В древнеуйгурских рукописях форма условного наклонения имеет характеристический аффикс *-сар//-сәр*, но в отличие от такой же формы в орхоно-енисейских памятниках, где она является только особым деепричастием, в уйгурском языке форма на *-сар//-сәр* спрягается с аффиксами сказуемости и представляет собой verbum finitum (в тюркских языках других групп в качестве формантов спряжения условной формы стабилизировались аффиксы принадлежности).

Форма условного наклонения выражает настояще-будущее время и по закону «последовательности времен» (consecutio temporum) в соответствии с verbum finitum в главном предложении приобретает семантику настоящего или будущего времени, причем от этого соответствия зависит его определенность или неопределенность, реальность или ирреальность действия:

«Тиргүдсәр тәңри тиргүдүр, өлүрсәр тәңри өлүрүр»,— тиддимиз әрсәр (ПМ) 'Если бы мы сказали: «Если бог оживит, то оживит; если бог погубит, то погубит (умертвит)»';

Нәчәкә тәги биш тәңри күчин йимәсәр нәң әт-өз сәвигин овутсуз исиг сүрү умаз (ТМК-I) 'В какой-то степени если не усвоят (букв. не съедят) силу пяти богов, то не смогут с телесной любовью касаться бесстыдных дел';

Сизик аитсар, инчә кигинч биргил (ТМК-I) 'Если выскажет сомнение, ответь таким образом';

Ол өдүн қалты тәңри күчи аш ичкү болсар күчлүг, бәдүк болур (ТМК-I) 'Подобно тому, как в то время божественная сила становится пищей и питьем, то [люди] становятся сильными и великими';

Тразуқ ағсар, қылынчы айығ болур (ТМК-I) 'Если чашка весов поднимется, [видимо], поступки его являются дурными';

Киши хуанши-ым пусарқа тапынмағ удунмағ тәгүргәли әмгәк әмгәнсәр ол түлүки нәң йоғсуз болмаз (УйМ-II) 'Если человек принимает на себя труд, чтобы воспринять служение и следование *куанши пусар* (мистический лотос — чакрама), его стремление (мечта) не бывает напрасным';

Күн тәңри әмти сүн өнәти тиңүркийә тоғмыш өзүмүз әмти сүн йылымыз йитди әрдәмлиг әт-өзүм ычғынармән йинә қайу күн болғай (УйМ-II) 'Солнечное божество как раз поднялось, наше существо, родившееся на краткое время, сейчас лишь достигло наших лет, если я отброшу мое доблестное тело, опять-таки какое солнце должно остаться';

Билигсиз биліг өчсәр тавранмақ өчәр; тавранмақ өчсәр біліг көңүл өчәр (УйМ-II) 'Если загаснет невежественное знание, загаснет поспешность (стремление); если загаснет поспешность, загаснет знание и чувство';

Кимләр бирөк тутсалар бу ном эрдиниг мунчалайу... өз әт-өзиниң қуврағының ишілмәкләри тарықар кәргәкләмиш тоны ашы өдүн өдүн әгсүмәз (СЗБ) 'Если кто-либо придерживается таким образом закона-сокровища, то содеянное совокупностью самого его существа будет развиваться, и необходимая ему одежда и пища все время не будет убывать';

Нәчә бар әрсәр у тарығ артамадын үз пүшәр (СЗБ) 'Все, что есть, не погубив, — тот посев, он целиком (мастерски) созреет';

Бирок бизни өлүрсәрсән... нәң сәниң балықтақы иг тоға киткүси йоқ (СЗБ) 'Если ты нас убьешь... в твоем городе возникнет болезнь и никак конца ее (букв. ухода ее) не будет (букв. нет)'.

Встречается также форма 2-го лица без аффикса сказуемости:

Сән нә үчүн тисәр, йавлақ йағы сини көзәтип турур, артағалы сақынур сини (СЗБ) 'Если ты спросишь, почему, [то] злой враг подстерегает тебя, думает тебя уничтожить'.

Сложные спрягаемые формы глагола

Присущая тюркским языкам закономерность возникновения личных форм глагола из предикативной функции глагольно-именных или деепричастных форм легла в основу образования сложных спрягаемых форм, расширяющих систему фиксации познаваемой действительности путем развития семантических категорий времени и наклонения.

В древнеуйгурских памятниках это выражается в

структуре именного спряжения с вспомогательным глаголом *эр-* 'быть'.

Различные спрягаемые формы глагола *эр-* с глагольно-именными формами смыслового глагола создают многочисленные семантические варианты выражения времени и наклонения.

Прошедшее несовершенное время (имперфект)

В уйгурских памятниках наблюдаются две формы прошедшего несовершенного времени. Одна представляет форму обычного изъявительного наклонения, когда констатируется факт длительности, многократности, незаконченности действия или его неопределенности во времени, другая форма представляет передачу действия в том же его развитии, но в историческом аспекте или повествовательной речи:

Көрүр эрмишмэн утқурақ бу эмгэккэ тоскуқа йана түсэдим (СЗБ) 'Я явственно видела и опять погрузилась в это страдание и затруднение';

Ол өдүн қатунуң бир тапығчы қызы таштын турур эркэн киичэ эрсэр йолқы кишитин: тигиниг тилэп, тақы булмаз эрмиш тип сав эшитти (СЗБ) 'В то время девушка-служанка госпожи, оказывается, стояла снаружи и от прохожих людей слышала разговор (*сав*), что царевича искали, но все еще не нашли'.

Однако чаще в текстах употребляется обычная форма имперфекта, представляющая композицию глагольного имени на *-ур//-үр* с формой *эрти* вспомогательного глагола:

Эт-өзләри алақуруп күчи көзүни үзүлүп унақиа өлгәли йатур эрти (СЗБ) 'Тело ее, [тигрицы], ослабло, силы надорвались, и вот она лежала, готовая умереть';

Көк тәңридэ қоды йир тәңри ханыңа тэги қутлар вахшықлар (вақшық) барча кәңүлтэ бэрү өгирэ-сэвинү бу қутлуғ күнүг кэсүшлүг тэгинүр эртимиз (ТМК-III) 'От голубого неба вниз вплоть до божественного владыки земли благодать и духовная сила со всею полнотою сердца ликовали и радовались, мы достигали, исполненные желания, этого счастливого дня';

Йэмэ нэң ол айығ қылынчнуң эмтықы тэк йавлақ түшин утлығын билмэз эртим (СЗБ) 'А также я совершенно не знал о злом возмездии и воздаянии за те дурные дела, подобные теперешним';

Ол қудуқ ичинтэ бир қорқунчығ улуғ йаруқ от йалын бирлэ өнүп көк қалыққа тэки турур эрди (ПВ) 'Внутри того колодца возник страшный, великий, яркий огонь с пламенем и стоял он до самого голубого неба';

Өтүг бирим өтэгләгүлүк йыл ай өд қолу сақыш толсар түкэсэр, мунта эт-өз қодуп киши ажунынта тоғар эртимиз (СЗБ) 'Если бы исполнилось и закончилось число лет и месяцев, в которые мы должны были бы выполнить наказание и воздаяние, мы здесь отбросили бы существо (свое тело) и родились бы в человеческом воплощении (букв. мире)'.

В данном примере можно наблюдать смысловое изменение имперфекта для выражения ирреального (сослагательного) действия.

Преждепрошедшее время

Форма преждепрошедшего времени образуется из глагольного имени на *-мыш//-миш* и вспомогательного глагола *эрди*:

Охшайурсэн сэн йалңуқ оғлы ол инэккэ, ким ырақтын үнтэди өз бозағусыңа, ким азып бармыш эрди (ХММТ) 'Ты похож, о сын человеческий, на ту корову, которая издали зовет своего теленка, который заблудился и ушел [далеко]';

Өз йүклэрин ачтылар, эртүдин ачуғын өтүндилэр, ким кэлүрмиш эрдилэр (ПВ) 'Они открыли свои вьюки, усердно просили [о принятии] своих даров, которые они [перед этим] принесли';

Ол ач барс йэмэ энүклэп, йити күн эртмиш эрти (СЗБ) 'Прошло уже семь дней, как окотилась та голодная тигрица';

Көркlэ көвсэк тоқылық инимиз эртиң көвэз-а! Өгкэ қаңқа сэвитмиш эртиң қадаш-а! (СЗБ) 'О [какой] красивый, стройный (видимо: горделивый), изящный наш младший брат был и [какой] горделивый, о родной, ты был любимцем матери и отца!'

К сожалению, в многочисленных манихейско-буддийских текстах количество примеров с этой формой ограничено. Однако ее вполне можно считать идентичной таковой в орхоно-енисейских памятниках.

Наряду с формой на *-мыш//-миш* в сочетании с глаголом *эрди* необходимо отметить форму на *-мыш//-миш* в композиции с *эрур*, выражающую действие, результат которого является наличным:

Ilки тылтағ сөғүт өнмиш эрүр, анчолайу ймэ қарымақ иглэмэкниң тылтақы үчүнч тоғмақ — титир (УйМ-II) 'Первая причина [в том, что] произросла ива, и, таким образом, причиной старости и болезней, как говорят, является третье рождение (перевоплощение)'.

Среди других сложных форм спряжения имеются сочетания глагольных имен с более редкими формами глагола *эр-*, например, в текстах встречается форма глагольного имени *эркэн*:

Анчақынча анасы қатун балықта идиз қалықта йатып удыйур эркэн эртингү йаєыз түл түшэди: эмики төбүрэ бычылур... үч көгүрчкэн адайы лачынқа қаєытур эркэн... мунчулайу түшэйү йатар эркэн... (СЗБ) 'Между тем их госпожа-мать в городе лежала в верхнем чертоге и спала и видела чрезвычайно дурной сон: груди ее были совершенно вырезаны... три голубиных птенца столкнулись с соколом... спала она с таким вот сновидением';

Ынчып иглэйү бирlэ өг, сав, сөз, қодуп тутар қапар эркэн (СЗБ) 'И вместе с тем, как заболел, так, потеряв сознание и дар речи, [только] брал и хватал (жестикулировал)';

Ол өдүн қатунуң бир тапығчы қызы таштын турур эркэн (СЗБ) 'В то время девушка-служанка [этой] госпожи стояла снаружи'.

Смысловой оттенок, придаваемый формантом *эркэн*, указывает не только на имперфективность действия, но одновременно выражает модальность выделения действия среди прочих действий:

Йир тэңри йоқ эркэн оңрэ нэ бар эрмиш типэн билтимиз (ПМ) 'Мы знали и говорили [о том], что существовало раньше, когда не было земли и неба';

Йэмэ алқанур эркэн қөңүлүмүзни сақынчымызны тэңрикэрү тутмадымыз эрсэр (ПМ) 'А также не поддерживали в отношении божества наши сердца, созданные для хвалы, и наши помышления'.

Формант *-қан//-кэн* встречается и при других глагольных формах:

Аның арасында бу сав тақы кэчмэзкэн бир буйрук тэркин тавраты кэлип... (СЗБ) 'Когда среди них эти слова еще не успели миновать (т. е. имели действие), спешно-спешно пришел приказной...';

Өртlүг йирlэрдэ тақы ақтынмызқан амтьы өкүнүрмэн, билинүрмэн (Уй-II) 'До тех пор, пока в охваченных огнем (*өртlүг*) землях еще не погибло [все], я покаюсь, я признаюсь'.

Другим вариантом прежде прошедшего времени с формой вспомогательного глагола *эрти*[1] является (редкое в текстах) его сочетание с формой прошедшего объективного времени:

Биз қамағун йылқыларның өңрэ йалаңуқ ашунлардақы айығ қылынч(лар) күчинтэ бу оғурта йылқы ашунынта тордумуз эрти (СЗБ) 'Мы все прежде животного воплощения, в силу злых дел в мире человеческом, в этот период в мире животных родились';

Үстүрти қоды инмэсэр... өкүш тэлим тынлығлар бултьы эрти (ТТ-III) 'Если бы [будучи] наверху не снизошел вниз, то множество живых существ нашел бы'.

Форму будущего долженствовательного в сочетании с формой вспомогательного глагола *эрти* обычно можно встретить в сложном условном предложении. Поскольку *эрти* вообще служит для выражения имперфективности действия в сложных формах спряжения, вместе с формой на *-ғай//-гэй эрти* передает модальность неосуществленности, нереальности, сослагательности действия. Так, в памятнике «История царевичей Калйапамкара и Папамкара» встречаем формы:

Ағылығ, қуру болғанын ағы барым алқынсар йоқадсар йазуқа түшэ тэгинмэгэй эртимиз 'Мы не впали бы в грех в том случае, если бы казна опустела, богатство и имущество истощилось и исчезло бы';

Улуғ күчlүг қутлуғ Бодисатвалар эрмэсэр, бу йиркэ нэң тэгмэкэй эрти 'Если бы не было великого, сильного, благословенного Бодисатвы, он вовсе не коснулся бы этой земли';

Нэ ал алтақ қылсар мэн тикилэйү тириг өз болғай эртим эрки (СЗБ) 'Что бы мне похитрее сделать, чтобы вновь я остался бы живым'.

Примечание. В сочетании с *эрти* форма *эрки* является модальной частицей вероятности и сослагательности действия.

Битигиг түкэl бүтүн бититкүкэ көзүш өриткэli усарсэн... бу эмгэкиңдин озғалы қутрулғалы уғай эрдиң (СЗБ) 'Если ты сможешь пробудить (поднять) желание целиком переписать книгу, то ты смог бы избавиться и освободиться от твоего страдания'.

В сутре «Золотой блеск» и некоторых других текстах встречаются сложные формы желательного наклонения с формантом *эрти*, которые образуют как бы форму предположительного желания:

[1] Эта форма, однако, очень распространена во многих тюркских языках.

Сынтыда өңрэ өлмэкиг булайын, нэ күнки ам, көрмэйин эрти, муны тэг улуғ ачығ эмгэкиг (СЗБ) 'Я теперь желала бы найти раньше смерть на кладбище... Пусть бы я не испытала великого горького страдания, подобного этому';

«Тэк бизиңэ нэчүкин эрсэр, амрақлартын адырғулуқ эмгэк болмазун эрти»,— тип қорқармэн (СЗБ) 'Только лишь я боюсь, как бы не было нам страдания от разлуки с любимыми'.

Примеры с обеими указанными формами:

Йир йарылзун эрти, йиркэ кирэйин эрти (УйМ-I) 'Хоть бы и земля разверзлась бы, я [все равно] вошел бы в страну';

Үзүтлүг эдгү қылынчын түкэтзүн эртиг (ТМК-III) 'Ты должен был завершить добрыми для души поступками';

Өкүш өгрүнч мэнгиг сизни биплэ көрзүн эрти (ТМК-III) 'Он должен пережить с вами множество радостей';

Форма вспомогательного глагола *эрти* встречается с модальной частицей вероятности *эрки*, которая предикативным членам предложений придает значение неопределенности, непонятности или ирреальности:

Ким эрти эрки өлүртэчи өкүк-киам, чақ сини (СЗБ) 'Кто бы [это] был убийцей, мой сыночек (слово *өкүк* с уменьшительно-ограничительной частицей *киа//кна*), именно (прямо) тебя';

Ким эрти эрки бычтачы өкүк-киам, эт-өзин оңы сачылып йатурны қалмыш сүңүк йир сайу (СЗБ) 'Кто бы [это] был живорезом (палачом) тела моего сыночка; впереди разбросались, лежат по земле оставшиеся кости';

Частица *эрки* употребляется и с другими формами глаголов:

Ынчып йана адынағуға асығ тосу қылғалы булгэ булигиг йаруқ көзүмүз йоқ болур эрки (СЗБ) 'Таким образом, еще для других чтобы сделать пользу (*асығтосу*), видимо (*эрки*), у нас нет светлого зрения, обладающего высшей мудростью';

Ынча тип тиди: «Нэгү эрки амты тылтақы йағыз йир мунчулайу тэбрэйүр, үгүзлэр көллэр йайылып ы ығачлар арғалур» (СЗБ) 'Таким образом восклицала: «Что же за причина теперь, что бурая земля так содрогается, реки и озера разливаются, растения и деревья качаются»';

Қатун уқа йырлықады му эрки (СЗБ) 'Госпожа, может быть, соизволила бы понять' (у С. Е. Малова «выслушать»);

Букүнки күнтэ эмрақ өкүк-киа мин ймэ йиттүрдим, ығындым эрки му мэн (СЗБ) 'Нынешний день, пожалуй, [он] тоже потерял любимого сыночка, лишился ведь, пожалуй, его';

Анант тойун йана инчэ тип өтүк өтүнти: «Тэңрим эрсэр үч йавлақ йолқа қайу тынлығ түшэр эрки» (ТМК-III) 'Монах Ананда, опять таким образом говоря, произносил молитву: «О бог мой, если это [так] есть, то на три дурных пути какие [именно] живые существа попадут»';

Анын сизинтим инимкэ: эт-өзин титти эрки му (СЗБ) 'Поэтому я впал в подозрение относительно младшего брата: он, пожалуй, пожертвовал (отбросил) свое тело';

«Ол оқ түкэл булгэ тэңри Бурхан Адаваки йэкиг итүп йигэдип йавлақ көңүлин йавалтуруғлы уғай эрки»,— тип (ТТ-X) '«Тот вот совершенно мудрый, божественный Будда преследовал и победил демона Адаваки и, видимо, смог смягчить его дурное сердце»,— сказал'.

Полагаем, что модальное слово (частица) *эрки* восходит к отглагольному имени *эриг* 'суть', 'сущность', 'бытие' (как таковое), которое встречается в текстах с аффиксом принадлежности в форме *эриги* в том же значении. Отсюда возможно провести аналогию с глагольным именем *эркэн* 'сущий', которое в качестве модального слова превратилось в модальный формант неопределенности и вероятности, так же и *эрги* 'суть (чего-либо) его', 'по сути' обособилось и конверсировалось в модальный формант *эрги//эрки* 'по сути', 'по видимости', 'вероятно', 'наверно':

Ким эрти эрки өлүртэчи? 'Кто же был убийцей (по сути)?'

Однако можно привести и другую гипотезу, которую мы излагали в наших лекциях, прочитанных в МГУ. Можно полагать, согласно традиции, установившейся в эпосе тюркского фольклора, что *эрки* есть видоизменение модального форманта *эркэн*, который выступает для выражения неопределенности действия, недостоверности события, например, в языке сказок, легенд, анекдотов (*бар эркэн, йоқ эркэн* — в их зачине и последующих глагольных формах в предикативной позиции). А так как в диалектах тюркских языков встречаются редуцированные формы типа *бар мики, йоқ мики* вместо *бар му(ми) экэн (икэн), йоқ му(ми) экэн(икэн)* или *кэлгэн мики* — в вопросе вместо *кэлгэн му икэн* и *кэлгэн (и)ки* вместо *кэлгэн икэн* — в ответе, то можно предположить такую редукцию форманта *эркэн* в частицу *эрки* и в древнеуйгурском языке.

Сложные формы с формантом *эрсэр*

Для формы на *сэр* в составе глагольных форм характерна невыявленность семантики условного наклонения. Например, в памятнике «Покаянная молитва манихейцев» («Chuastuanift») сложная конструкция, состоящая из спрягаемой формы прошедшего объективного времени и сопровождающего форманта *эрсэр*, ни в коем случае не является условной и служит для передачи неопределенно-прошедшего времени, для характеристики действия, свершающегося вообще вне фактических пределов и сроков, имперфективно:

Алтынч ймэ тэңрим, суида бару сақынчын сөзин қылынчын он түрлүг суи йазуқ қылтымыз эрсэр, нэчэ икид игдэдимиз эрсэр, ймэ нэчэ йгдэйү антықдымыз эрсэр, нэчэ икид киши тануқы болтумуз эрсэр ймэ йазуқсуз кишиг нэчэ қувладымыз эрсэр ймэ сав элтип, сав кэлүрүп кишиг нэчэ кэкшүрү сөзлэдимиз эрсэр, көңүлин билиғиң артатдымыз эрсэр, нэчэ йилви йилвидимиз эрсэр, ймэ нэчэ үкүш тынлығыг туралығыг өлүрдимиз эрсэр, нэчэ тэвлэдимиз күрлэдимиз эрсэр (ПМ) 'В-шестых, а также, боже мой, ходя в грехах, мы сотворили помышлением, словом и делом десять различных грехов, проступков. Сколько мы лживо и фальшиво поступали и также сколько раз лживо клялись; и так много раз мы были свидетелями [на стороне] фальшивых людей, а также сколько раз мы преследовали невинных (безгрешных) людей и также сколько раз словесно опорочивали людей, пуская в ход слова [враждебные], и доводили до гибели и сердцем и сознанием; сколько раз мы занимались колдовством; и сколько раз мы убивали живых, одухотворенных существ, сколько раз обманывали и прельщали';

Ынча кэргэк эрти үстүнки көкн пэк қатыг болты эрсэр, элити кэлмиш азуқы алқанмады эрсэр... йир сувда узун йашадыг эрсэр, өкүш өгрүнчү мэңиг сизни бирлэ көрзүн эртиг (ТМК-III) 'Так было необходимо, когда его верхнее небо стало твердым (но можно: когда его верховное божество стало жестоким), когда принесенная ему пища перестала быть съедобной... когда ты долго жил на земле, он, должно быть, увидел вместе с тобою множество радостей';

Бөгагучы болтум эрсэр тынлығларыг қынагучы эмгэткүчи болтум эрсэр (УйМ-II) 'Я был душитель, я был мучитель и угнетатель живых существ'.

Однако склонность сложной формы глагола с аффиксом *-сар//-сэр* к передаче условной модальности все же обнаруживается, когда эта форма является предикативным компонентом подчиненного предложения:

Тиргүрсэр тэңри тиргүрүр, өлүрсэр тэңри өлүрүр тид (д)и-миз эрсэр (ПМ) 'Если бы мы сказали: «Если [кого] оживит, бог оживит, если [кого] умертвит, бог умертвит»';

Азу ймэ сү сүлэп йарық кэдип, йағы санчып ыты қылычын сычып йа қуруп оқ атып адынағунуң исиг өзлэриптэ адыртым эрсэр, иринч ырлыг йазуқсуз кишилэрниң оғлын қызын булғадым эрсэр амрақынта адыртым эрсэр, түзүн йаваш эдгү көңүллүг тынлығларыг күң қул қылып учуз йиник тутуп эмгэдип иринтүрдүм эрсэр азу илиг төрүг булғадым эрсэр; ил булғағына қатылып ыдуқ қутлуг тынлығларға тэрс йаңлуқ сақынч сақынтым эрсэр; улусуг балықыг ики йартым қылтым эрсэр, балығтын балыққа улустын улусқа, илтин илкэ тиңчи пахуаичи болуп йорытым эрсэр; бу мунчулайу өкүш түрлүг инчсирэтмэк тсуи (кит.) *иринчү айыг қалынчлар қылтым қувратдым эрсэр, амты алқуны барча өкүнүрмэн билинүрмэн* (Уй-II; ТМК-III) 'Или также, если, водя войско, надев оружие, пронзая врага, острым мечом разрубая, натягивая лук, осыпая стрелами, и других [людей] разлучал с их жизнью, если сыновей и дочерей несчастных, невинных людей приводил в смятение, отлучал от любви, если кротких и добрых сердцем живых существ, превращая в рабынь и рабов, препятствуя простому и легкому, заставлял страдать и делал несчастными; или (*азу*) страну и законы приводил в смятение, и, присоединившись к смятению страны (воспользовавшись смятением страны), священным, благословенным живым существам внушал тяжкие греховные мысли; если страну и города делил надвое, если от города к городу, от страны к стране, от народа к народу ходил я в качестве разведчика и вредителя, если эти подобные многочисленные разнообразные беспокойства, грехи, преступления, дурные поступки совершал и накоплял, то теперь во всем этом полностью я раскаиваюсь и признаюсь (исповедуюсь)'.

Однако без ущерба для смысла в приведенном выше примере можно передавать содержание системы сказуемых, выраженных формами *-дым эрсэр*, как совокупность действий (ср. перевод примера из «Покаянной молитвы манихейцев»).

Сочетание глагольного имени с аффиксом *-мыш//-миш* в сопровождении форманта *эрсэр* передает условную форму преждепрошедшего времени:

Азу олартын адын қайу азунларта (*ажун*) *тоғмыш эрсэр ймэ олар инчип бу дарнының күчи көзүни үзэ ол йавыз йоллартын озмағы қутрулмағы болур* (Уй-II) 'Или если из них [кто-либо] в другом каком-либо мире (воплощении) родился, то они также на основании силы и могущества этой формулы (*dhārna*) могут избавиться и освободиться от тех дурных путей';

Қанйу киши кэнтү эт-өзин үзэ эркliг болуп ul хан төрусин тутмыш эрсэр, ul хан төруси эриги барығы биш түрlүк савдан үтрү бэлгүlүк болур (ТМК-III) 'Если какой-либо человек стал владыкой над своим телом и стал держать закон верховного хана (т. е. бога), то закон верховного хана, его сущность и его направление обозначатся в пяти различных словах'.

Встречаются сложные формы, состоящие из глагольного имени с аффиксами *-ур//-үр*, *-ыр//-ир*, *-ар//-эр* и форманта *эрсэр:*

Қамуғ биш ажуң (*азуң*) *тынлығ оғланы үчүн ылвара өтүнүрмэн, Тсуида йазуқда бош болалым. Ксанти болзун. Ксанти қалып қылынчым арымады алқынмадын қалыр эрсэр, адыштыт үзэ тута тэгүнүрмэн* (Уй-II) 'Я смиренно молюсь за живых сынов всех пяти миров. Да освободимся от грехов и заблуждений. Да будет исповедание. Если я исповедуюсь, [а] мои поступки не очистятся и, не ослабевая, останутся, то я буду придерживаться [смиренно] в ожидании благодати' (форма *қалыр эрсэр* равнозначна *қалсар*).

НАРЕЧИЕ

В текстах памятников наблюдается широкая адвербиализация именных и глагольных форм, которые стабилизируются в качестве неизменяемых слов, и их форманты словоизменения или словообразования теряют свою аффиксальную продуктивность. Таким образом, наречие получает свою особую лексическую монолитность и в словосочетаниях выступает в качестве обстоятельственного члена.

В наречиях отыменного словообразования выступают падежные формы, в отглагольном словообразовании — чаще всего деепричастные. В падежных формах наречий много морфологических элементов, сохранившихся от предшествующих фаз развития тюркских языков.

Адвербиализованные формы слов с аффиксом инструментального падежа в языке памятников сосуществуют с его живыми формами склонения слов.

Примерами неизменяемых форм являются: *төзүн* 'совершенно', 'вполне' (<*төзү*), *тэркин* 'быстро', 'скоро' (<*тэрк*), *эдгүн* 'хорошо' (<*эдгү*), *қамағун* 'сообща', 'совместно', 'вкупе' (<*қамуғ*), *нэчүкин* 'как', 'каким образом' (<*нэчүк*), *анын* 'в силу этого' (<*ол//ал-ан*), *эртүдин* (исход. пад.), *ачуғын* (исход. пад., <*ачуғ*) 'ясно и открыто', *түбүн* 'вниз' (*төбэн* 'низ', *түп* 'корень', 'основа').

Среди других падежных форм можно встретить адвербиализованные формы типа древнего локативного падежа на *-ра//-рэ*: *өңрэ* 'прежде', 'раньше', *ичрэ* 'внутри', *үзэ* (*үзрэ*) 'наверху' (является также послелогом) и формы древнего директивного падежа, одноэлементного и двухэлементного (т. е. дательного *-ға-//-гэ*, *-а//-э+-ру//-рү*): *бэрү* 'сюда', *өрү* 'вверх', *оңару* 'направо', *иңэрү* 'наружу', *ыңару* 'туда', *биргэрү* 'вместе', *йоққару* 'вверх', *түрқару* 'везде', *арқуру-түрқуру* 'и в бок и прямо'.

Адвербиальные понятия образуют и указательные местоимения в локативно-аблативном падеже: *анта* 'там', 'при этом' или двухэлементное наслоение: *антада* 'тогда', 'затем'.

При помощи квантитативного падежного аффикса *-ча//-чэ*: *инчэ* (*ынча*) 'так', 'таким образом', *анчада* 'потом', 'спустя', *анунча* 'тем временем', *анчақынча* 'в это самое время'.

От именных и глагольных основ при помощи аффикса *-ты//-ти* образуются наречия, выражающие качественный признак: *эдгүти* (*түкэти*) 'совершенно', 'отлично', *эмти* 'теперь', *қатығты* 'крепко', 'твердо', 'сильно'.

От деепричастных форм возникли следующие типы наречий: *узаты* 'долго', *түкэти* 'окончательно', 'совершенно', *арыты* 'совсем', 'окончательно', *тақы* 'еще', 'опять', *улаты* 'вместе', 'вкупе', *тавраты* 'быстро', *йана* 'опять', *тэкрэ-тэгирэ* 'вокруг', *титрү-титирү* 'внимательно', 'почтительно' (устремленно), *өтрү* (*өтүрү*) 'затем', *ийин* (*ивин*) 'вследствие', 'по причине', *ыйын* 'постепенно', *ынчып* 'так', 'таким образом'.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги, хотя и представляют собой служебную часть речи и в этой своей функции являются лексикализованной категорией, однако, как нам показывают тексты древнеуйгурских памятников, они грамматически тесно

связаны с именными и глагольными основами, к которым они восходят. Тенденция к управлению зависящих от послелогов слов в системе словосочетаний еще не обозначилась здесь столь рельефно, как это характерно для современных тюркских языков, где послелоги почти всегда неотделимы от аффиксальных средств в склонении имен. Поэтому среди многих послелогов мы находим слова, идентичные с наречиями, от которых они отличаются, однако, тем, что в своей постпозиции к склоняемым формам имен приобретают присущее им свойство управления таковыми в словосочетаниях. Омонимичные же с ними наречия грамматически являются только обстоятельственными словами.

Многие послелоги настолько близки к своему генетическому основанию, что в словосочетаниях с именами образуют так называемое изафетное сочетание, в котором определение и определяемое выступают как смысловое единство в обозначении пространственных, временны́х или релятивных отношений.

Такие имена-послелоги носят в грамматической литературе название служебных имен.

В манихейских и буддийских текстах в указанном изафетном сочетании морфологические средства связи определения и определяемого не имеют стабилизировавшихся форм, как это имеет место в большинстве современных тюркских живых языков.

Послелог *биплэ* 'вместе', 'с' употребляется с именными формами и с деепричастиями:

Бир оғурта ол улик қан үч оғланы биплэ таштын тағта арықта улинчүкэ барты (СЗБ) 'Однажды тот великий правитель вместе со своими тремя сыновьями отправился для развлечения в окрестности (*таштын*) по горам, по рекам';

Ймэ нэчэ отачы отын биплэ кэлсэр, аны отайу умағай (ТМК-I) 'Если бы даже пришло несколько врачей с их лекарствами (травами, зельями), они не смогли бы лечить';

Нэ удуну биплэ өк анта қорқынчлықын пушушлуқын ынча тип тиди (СЗБ) 'И вот, вместе с пробуждением, притом со страхом и беспокойством, так сказала';

Ынчып иглэйү биплэ өг сав сөз қодуп тутар қапар эркэн өлүп барты (СЗБ) 'Таким образом заболев, лишился сознания и дара речи, цепляясь и жестикулируя, стал умирать';

Өглэйү биплэ өк өтрү улиглэрин өрүк өтүрүп улыйу сығытайу, ынча тип тақсурдылар (СЗБ) 'Придя в сознание, затем [тут же] подняв руки кверху, плача и рыдая, таким образом декламировали';

Анта ймэ анчолайу кэлмишлэр биплэ тушушмағы болур (УйМ-I) 'При этом также вместе с приходом [их] бывает взаимная встреча (духовное общение)';

Йир сувда узун йашадығ эрсэр өкүш өгрүнчү мэңиг сизни биплэ көрзүн эрти (ТМК-III) 'Если на земле долго жил, то должен был бы увидеть вместе с вами множество радостей';

Бу йаруқ күн эки йигирми эдгү өдин биплэ (ТМК-II) 'Это светлый день с его двенадцатью добрыми часами (букв. временем)';

Йэмэ бар антағ өд эрги (эриги?) кишиниң қарарығ өг сынынтан йэклэр өнүп йаңы киши биплэ сүңүшүплэр (ТМК-II) 'И еще имеется такая временная сущность: из сути темного сознания человека возникают демоны и с новым человеком сражаются'.

Примечания. 1. Мы склонны читать не *эрги*, а *эриги* (*эриг* 'суть', 'бытие'). Тем более, что в следующих ниже текстах ясно читается *эриги+барығы*. 2. Видимо, послелог *биплэ* в то время не был приименным, каковым он является в современных тюркских языках, и, будучи нейтральным к части речи, за которой он следовал, выражал совместность явлений в пространстве и времени.

Довольно близок по значению к *биплэ* послелог *улаты* 'вместе', 'совместно':

Өтрү ол өдүн улиг бэг улаты ики оғланы биплэ... (СЗБ) 'Затем в то время правитель-князь вместе со своими двумя сыновьями...';

Кин бир тушта қыз ашы тылтақынта уд, қоин... өдирэк тағықу та улаты үкүш тэлим өзлүглэриг өлүрүп, улуғ аш ичкү қылты (СЗБ) 'Затем один раз (букв. в одно из событий) по случаю пира [своей] дочери вместе с быками, овцами... утками и курами убил великое множество живности и устроил великое угощение'.

Послелог *үзэ* употребляется обычно с основным падежом в значении «на», «на основании», «при посредстве»:

Ким мэн ол өдтэ йалаңуқларның йиртинчүлүг эт көз үзэ айығ, қылынч қылмышығ көрүр биlир эртим эрсэр (СЗБ) 'Кто я, чтобы был способен в то время видеть и познавать, при посредстве телесного зрения человеческого воплощения, что делал дурные дела';

Мағарада улик қан эртингү улуғ бай барымлығ тсаңлары ағылықлары тарығ эд тавар үзэ толу алп... (СЗБ)

'Магаради, правитель-хан, великий богач по своим хранилищам добра, по своей казне драгоценностей (*ағылық*), по посевам и имущественным богатствам полный богатырь';

Ксанти қылып қылынчым арылғды алқынмадын қалыр эрсэр, адиштит үзэ тута тэгүнүрмэн (Уй-II) 'Если я совершу покаяние и мои поступки [плохие] не очистятся и останутся, не ослабев, то я буду стараться придерживаться [смиренно] на основании ожидаемой благодати'.

Широкое употребление в текстах имеет послелог *үчүн* 'для', 'ради', 'из-за', 'за', выражая цель или причину:

Қамуғ биш ажун тынлығ оғланы үчүн ылвара өтүнүрмэн, тсуида йазуқда бош болалым (УйМ-II) 'Я молюсь смиренно за сынов, живущих во всех пяти мирах (т. е. градациях воплощения), да освободимся мы от грехов и заблуждений';

Болмақта өткүрү төрүйүр... болмақ үчүн тоғмақ билгүрэр... тутйағ үчүн болмағ тоғар... (УйМ-II) 'Вследствие бытия оно возникает, из-за бытия появляется рождение... из-за обладания рождается бытие';

Аны үчүн қамағ йалаңуқлар айайу, ағырлайу тутмыш кэргэк (УйМ-III) 'Поэтому все люди должны придерживаться уважения, почитания';

Эдгү қылынчлығ тэңриг (тэңриг) билмэдүк үчүн сағрулғай өртэнгэй отлуғ таму ичиндэ (ТМК-III) 'Вследствие того, что не познали добродетельное божество, должны томиться и гореть в пламенном аду'.

В качестве послелогов употребляются наречия *өткүрү* и *өтрү* в значении «впоследствии», «затем», «через», «при посредстве» обычно с аблативом управляемого компонента:

Киши үзэ биш тэңриләрдэ өтрү биш түрлүг ыда ығачда туғды, йэмэ биш түрлүг ыда ығачда өтрү бу өгсүз эт-өздэ туғдылар, анта өтрү узаты узақы өзкэ эмгэнтүкин иглэтэкин (иглэтүкин) өлмэкин... көп йирдэ ачығ эмгэк көртүкин... йэмэ иринч киши оғлы үзэнтү көрмиш (ТМК-I) 'Сверх людей вследствие пяти божеств породились существа в растениях и деревьях пяти родов, благодаря (или — за, вслед) пяти родам растений и деревьев, в этих лишенных сознания телах породились вслед за этим несчастные сыны человеческие, сами долго-долго видели страдания, болезни, смерть и также повсюду испытания горьких трудностей';

Оңалы көңүлгэрип утғурақ уқар, тутйақта өткүрү қылынч болур (УйМ-II) 'Правильно осознав, полностью понимают — вслед за овладением бывает поступок';

Болмақта өткүрү төрүйүр... болмақ үчүн тоғмақ бэлгүрүр (Уй-II) 'Благодаря бытию возникает... из-за бытия возникает рождение'.

Иногда в качестве послелога встречается *адын* 'другой', 'иной' в значении «кроме» с аблативом управляемого слова:

«Мунтада адын тақы өңи аш ичкү йоқ ким бу алаңурмыш ач барсығ тиргүргүлүк»,— тип тиди (СЗБ) 'Кроме этого, еще иной пищи и питья нет, чтобы эту ослабевшую тигрицу поддержать к жизни»,— сказал'.

В качестве послелога употребляется с исходным падежом управляемого компонента слово *сыңар* 'сторона', 'бок', иногда — 'половина':

Йэмэ қалты күн батсықтын сыңар йэл йилтирсэр, ол булғамақығ йаиқанмақығ күн тоғсуқдан сыңар элитир, йантурур (ТМК-III) 'И подобно тому как если ветер подует с запада, то погонит он обратно в сторону востока те помутнения [тучи] и те волнения [вод]';

Ол ичтин сыңар өкүш эрүрлэр, күчлүглэр, көңүллэр билиглэр сықынчлар ким чоқрайурлар қамшайурлар (ТМК-III) '[Добрая] половина того внутреннего [содержания] — множество сущностей, сил, чувств, знаний и мыслей, которые кипят и стремятся'.

В качестве послелогов иногда встречаются деепричастные формы некоторых глаголов, например: *сайу* 'по', 'по мере того' (*са-* 'считать'):

Аи тэңри күнин сайу тэңрикэ, номқа, арығ динтарларқа суйумузны йазуқумузны бошуйу өтүнмэк кэргэк эрти (ПМ) 'При каждом [приходящем] дне бога луны нужно было молиться богу, священному закону и чистым служителям об искуплении наших грехов и наших проступков';

Өңи өңи йадылып орун орун сайу тилэгэли, истэгэли бардылар (СЗБ) 'Разбредшись туда и сюда, они отправились по разным местам спрашивать и искать'.

Послелоги-имена, детализирующие пространственные или временные отношения в изафетной конструкции современных тюркских языков, в текстах памятников выступают в более свободной композиции с именами в словосочетаниях.

ара 'между':

Өтрү эркliг хан йана йумышчы йэклэриг ыдыч бағ тутуқ қайусы тынлығlар арасынта исдэткэли ытды (СЗБ)

'Затем Великий правитель опять послал слуг демонов, послал искать среди живых существ, [каковы они] по родам и племени';

Ынчып оларның арасынта ағлады (СЗБ) 'Таким образом, среди них он плакал';

Йэмэ қанйу киши ки бу ики йигирми иlэнмэкиг кэнтү көңүlин ара тиксэр тарысарлар бэlгүсi эриги барығы йэмэ улуғлар боғшут (ТМК-III) 'И если каждый человек, который эти двенадцать господств в своем сердце посадит и посеет, то его признак, суть и развитие [есть] также наставничество великих'.

асра 'вниз':

Маитри бурханлығ күн тэңри асрасынта ағналым (ТМК) 'Да склонимся мы ниц перед божеством солнца, Буддой Маитрейа'.

ич 'среди', 'внутри':

Өтрү өрү туруп ол арық ичинтэ тақы ичкэрү киртиlэр (СЗБ) 'Затем они (княжичи) встали и опять вошли в среду того арыка';

Ан битиг ичинтэ сэниң өз йаш саны сақышы тақы түкэмэйүк эрмиш тэг (СЗБ) 'В книге судеб [сказано]: видимо, еще не кончилось число и счет возраста твоей жизни';

ичрэ 'внутри', 'в':

Тақы қалты балақ (балық) сув ичрэ йүзэрчэ... анчулайума азың эт-өз ичрэ күчlүг болур (ТМК) 'И еще, подобно тому, как рыба в воде плавает... также [вот] и твой грех в теле столь сильным становится'.

үск 'перед', 'у', 'около':

Мғастви тигин кэнтү өзи йандуру, йана ол арыққа кирип ач барс үскинтэ тигип... (СЗБ) 'И сам царевич Магастви, вернувшись, опять вошел в бассейн того арыка, и достиг прямо той голодной тигрицы...';

Қачан барс үскинтэ тэгдүктэ, өтрү ол өдүн бу ағыр улуғ йағыз йир алты түрlүгин тэбрэти қабшаты (СЗБ) 'Когда он достиг непосредственно до тигрицы, затем в то время тяжелая, великая бурая земля шесть раз поразному заколебалась и пришла в движение'.

СВЕДЕНИЯ ПО СИНТАКСИСУ

Несмотря на лексические и грамматические особенности и различия манихейских и буддийских текстов, их объединяют структурные закономерности, характерные для типологии синтаксиса тюркских языков. Это делает

целесообразным соблюсти параллелизм и последовательность в описании синтаксических структур, независимо от их принадлежности к определенным текстам, выделяя при этом особенности синтаксиса, обнаруживающие отличительные структурные свойства словосочетания или предложения в отдельном конкретном тексте.

Предложения по своей структуре разделяются на именные и глагольные, в зависимости от того, чем выражено сказуемое (предикативный член) — именной или глагольной категорией.

Именное сказуемое может быть выражено субстантивными, адъективными, иногда адвербиальными компонентами, передающими главным образом типологию, видовые и родовые свойства предметов и явлений, качество, меру, пространственные и некоторые другие отношения. Глагольное сказуемое бывает выражено глагольными компонентами или глагольно-именными, исторически образовавшими спрягаемые формы verbum finitum, передающие действие или состояние явления во времени и в модальных отношениях. В именных предложениях время и наклонение всегда выражаются только вспомогательным глаголом *эр-* 'быть' в его различных спрягаемых формах.

Словосочетания, наблюдаемые в текстах, являются сочиненными словосочетаниями или подчиненными. Отношения между словами осуществляются тремя грамматическими связями: примыканием, управлением и согласованием. Грамматически однородные компоненты словосочетания аффиксально оформляются только в последнем компоненте. Грамматически зависимый компонент занимает позицию впереди грамматически ведущего компонента. Примыкающий компонент аффиксально не оформляется. В языке текстов достаточно выражены изафетные сочетания релятивной и посессивной связи компонентов. При посессивной связи компонент, выражающий обладателя, занимает препозицию перед компонентом, выражающим предмет обладания, и обычно оформляется притяжательным падежом, а предмет обладания принимает аффикс принадлежности. При релятивной связи определяющий компонент, занимая препозицию к определяемому компоненту, аффиксально не оформляется, а определяемый компонент принимает аффикс принадлежности.

В предикативных словосочетаниях компоненты согласуются в лице, иногда — в числе. Предикативный компо-

нент в зависимости от грамматического лица субъекта принимает соответствующий личный аффикс сказуемости или принадлежности. В тех предикативных словосочетаниях, где вносится зависимое предикативное словосочетание, образуется член предложения, в котором предикативный член выражается деепричастиями или глагольными именами, грамматически связанными с основным предикативным членом. Однако наряду с выражением указанной связи зависимых предложений имеются случаи ее выражения и при помощи аналитических средств сочинения и подчинения, каковыми являются союзы и частицы.

КОМПОЗИЦИЯ ЧЛЕНОВ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ ПРИ ПОМОЩИ ПРИМЫКАНИЯ

При помощи примыкания сочетаются определительные и обстоятельственные компоненты.

Определительными компонентами могут быть адъективные, субстантивные и местоименные понятия. Субстантивные понятия адъективируются и, становясь в словосочетании примыкающими компонентами, теряют грамматические свойства субстантива (кроме выражения принадлежности). Обстоятельственными компонентами бывают наречия, имена, которые в этом случае адвербиализуются, и деепричастия:

Ол буйан йэкниң күчинтэ сэн өлүрмишчэ тынлығларығ... (СЗБ) 'В силу того благодатного духа...;

Көрүгмэ күн тэңри сиз бизни көзэдиң; көрүнүгмэ ай тэңри сиз бизни қуртғарың (ТМК-II) 'Видящий бог солнца (солнечное божество), вы нас соблюдите; зримый бог луны (лунное божество), вы нас спасите';

Таң тэңри кэлти, таң тэңри өзи кэлти (ТМК-II) 'Пришло рассветное божество (бог утренней зари), рассветное божество само пришло';

Тэңри йаруқ күчlүг билгэкэ йалвараrбыз, өтүнүрбиз күн ай тэңрикэ; йашын тэңри ном қуты Мар Мани фэриштиlэркэ, қут қолур тэңримэ (ТМК-II) 'Мы молимся смиренно божественному светлому [все]сильному мудрецу, мы молимся солнечному и лунному божеству, нашему светоносному божеству, владыке закона, возносящему благодатную молитву к ангелам, Мар Мани'.

Обстоятельственные компоненты примыкания обнаруживают большое разнообразие форм:

Сав кэлүрүп кишиг нэчэ кэкшүрү сөзlэдимиз эрсэр (ПМ) 'Приводя [лживые] слова, сколько раз говорили, опорочивая людей';

Аны нэгүlүк мунча кэч кэlүртүңүз? (СЗБ) 'Почему так поздно вы привели его?';

Иlики атлығ ном эрдиниг төзү-түкэl бититкүкэ көсүш (көзүш) өритип қут қолты (СЗБ) '[Он] попросил благодати, возвысивши желание (проникшись желанием) переписать (букв. к переписыванию) целиком и полностью сокровище-книгу (сокровище закона?), по названию царь [-книгу]'.

КОМПОЗИЦИЯ ЧЛЕНОВ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ ПРИ ПОМОЩИ УПРАВЛЕНИЯ

При помощи управления сочетаются члены дополнения. Компонентами дополнения могут быть субстантивные или субстантивированные понятия, а также местоимения:

Ол эрнэң(ниң) көңlин йарутсар ймэ ағы барат (мн. ч. с рудиментарным аффиксом *-т* от *бар*) *көзиңэ нэң иlинмэгэй* (ТМК-I) 'Если они просветят (осветят) то мужественное сердце (сознание), то и дары и имущество не будут совсем для их глаза иметь вожделения (не будут казаться драгоценностью)' (*көңlин* — вин. пад., *көзиңэ-көзин-кэ* — дат. пад.);

Ймэ нэчэ отачы отын биlэ кэlсэр аны атайу умагай (ТМК-I) 'Если даже и несколько врачей с их зельями (травами) придут, они не смогут его вылечить' (*отын биrlэ* — имя с послелогом);

Бирі бэдүк бэркэ үзэ мини түз төбүрэ уру, ики иlигимин қадару... (СЗБ) 'Один из них бил меня как ни попало (букв. прямо и вниз) большой плетью, выворачивая обе мои руки...' (*бэдүк бэркэ үзэ* 'посредством большой плети'—имя в основном падеже с послелогом);

Ол тақығу қуш ара иркэк тиши бар эрмиш (ТМК-I) 'Среди тех кур (букв. 'кур-птиц'— субстантивное определение) имелись самцы и самки';

Бу қарғантуқын, алқантуқын, кэкрэштүкин йөнтүштүкин биlмэз киши тэг сөгүшчэ ойунча сақынур (ТМК-I) 'Подобно людям, не знающим об этих их проклятьях, пожираниях (друг друга), ненависти и борьбе, они мыслят оскорбительно, по-пустому' (*қарғантуқын... йөнтүштүкин*—глагольные имена, оформленные вин. падежом).

ИЗАФЕТНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Посессивный изафет

Тэңриниң битигин биз эшидәлим (ТМК-II) 'Да послушаем мы писанйе бога';

Эркlик қанның бу йарлықын эшидип... (СЗБ) 'Услышав этот приказ великого правителя...';

Оларның ташмышын көрүп, ол Кү-тау атлығ бэг өтрү оларны оқыйу, ынча тип тити... (СЗБ) 'Увидя их бегство, тот бек по имени Кю-тау, тогда их подзывая, так сказал...';

Үчүнчи аң кичиги оғлының, аты Мағастви эрти (СЗБ) 'Имя третьего, самого младшего, из его сыновей было Магастви';

Өз эт-өзиниң қуврағының ишlәмәкlәри тарықар кэргәкlәмиш тоны ашы өдүн өдүн эгсүмэз (Уй-III) 'Деятельность его собственного существа и его общины будет развиваться, и необходимая одежда и пища все время не будет убавляться';

Эмти бизниң исиг өзүмүзкэ эдгү көңүl турғуруп умуғ ынағ болғыл (Уй-III) 'Теперь нашему живому (букв. теплому) существу всели (букв. воздвигни) бодрое чувство и стань надеждой и верой'.

Релятивный изафет

Қамуғ биш ажун тынлығ өғланы үчүн ылвара өтүнүрмэн (Уй-II) 'Я смиренно молюсь за всех сыновей, жителей пяти миров';

Охшайурсэн сэн йалңук оғлы ол иңэккэ, ким ырақтын үнтэди өз бозағусыңа (ТМК-I) 'Ты похож, о сын человеческий, на ту корову, которая издали подает голос (зовет) своему теленку';

Нэ тағлары ығач қайа қум бары қоп басар (ТМК-III) 'Сколько ни есть гор, деревьев, скал (камней), песка — все подавляет'.

СОГЛАСОВАНИЕ

Как указано выше, согласование грамматически объединяет подлежащее и предикативный компонент в предложении, что аффиксально обозначается личными аффиксами сказуемости или принадлежности в предикативном компоненте в соответствии с категорией лица подлежащего. Довольно часто оформляется согласование и в числе:

Өкүш эрүлэр, күчlүгlэр, кэңүllэр буluгlэр саңынчлар, ким чоңғайуғлар, қамшайурлар... (ТМК-III) 'Множество сущностей, сил, чувств, знаний и мыслей, которые кипят и стремятся...';

Ынча тич тиди: «Эlэңlэр эдгүlэрим» (СЗБ) 'Так сказал: «Приблизьтесь, добрые мои»';

Мэн амты сизlэркэ тирilмиш тылтағымын сөзlэйин (СЗБ) 'Я теперь расскажу-ка вам о причине моего оживания';

Э йаруқ үзүт, сиз нэчүк уғайсыз, э йаруқ үзүт арығ бушығ бирэлим... (ТМК-II) 'О светлые души, вы что (как) можете? О светлые души, давайте дадим чистую милостыню...'

Форма согласования проявляется и в композиции посессивного изафета. Когда субъект обладания выражен местоимениями 1-го или 2-го лица, то и объект обладания приобретает аффикс принадлежности соответствующего лица. Когда субъект обладания выражен местоимением 3-го лица или любым субстантивным или субстантивированным понятием, объект обладания приобретает аффикс принадлежности 3-го лица. В силу этого конструкция посессивного изафета получает более универсальное значение в языке памятников. (Однако в текстах встречаются примеры, когда при местоименном компоненте 1-го и 2-го лица субъекта определяемый компонент не оформляется аффиксом принадлежности.)

Сизнэң (сизниң) күчэңэзкэ (күчиңизкэ) эсэнин кэltэмэз (кэltiмиз) алдуқ исэңэзэн (ишiңизiн) түкэти иslэдэмэз (ишlэдимиз) (ТМК-I) 'Мы безопасно пришли к твоей (букв. вашей) силе, целиком совершили твои (ваши) дела, о которых ты нам говорил' (здесь содержится обращение к богу — *тэңри*).

О СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Помимо кратких сведений, которые были даны нами выше о композиции словосочетаний, являющихся структурными компонентами предложений, следует проследить:

1) композицию однородных членов предложения;

2) композицию падежных форм членов предложения в их синтаксических взаимоотношениях;

3) грамматическую и лексическую специфику отдельных компонентов, оформленных в определенном падеже или падеже с послелогом;

4) композицию с различными деепричастиями и падежными формами глагольных имен с основным предикативным компонентом, выраженным личной формой глагола.

Однородные именные члены являются сочиненными компонентами, грамматически равнозначными по отношению к тому ведущему компоненту, с которым имеется одна из форм синтаксической связи, оформляемая аффиксально только в последнем из однородных членов. Однако в некоторых текстах аффиксально оформляется каждый однородный член.

Однородные глагольные члены также являются грамматически равнозначными сочиненными компонентами. Все они бывают выражены деепричастными формами, примыкающими к ведущему компоненту. В отдельных случаях однородные глагольные члены чередуются и в спрягаемых формах, что является, видимо, стилистическим приемом.

Останавливая внимание на композиции предложения со сложными структурами отдельных компонентов, мы повторим наши наблюдения, произведенные над орхоно-енисейскими текстами[1], и добавим сведения, полученные в итоге анализа древнеуйгурских памятников буддийского и манихейского содержания.

В то время как в орхоно-енисейских памятниках все средства синтаксической связи синтетические, в древнеуйгурских памятниках проявляют себя также и отдельные аналитические средства в виде союзов, местоимений и частиц.

Однако приходится думать, что такие аналитические средства отражены в текстах под влиянием ка́лек с санскрита, китайского и тибетского языков в процессе перевода. Тем не менее их наличие в структуре предложений имеет большое грамматическое значение и дополняет синтаксические средства связи, органически присущие строю тюркских языков. Наиболее наглядно сказанное можно подтвердить анализом подчинительной связи в сложном предложении. Аналитические средства, с одной стороны, усиливают смысловое содержание, и, с другой стороны, восполняют формальные звенья данной синтетической связи, выраженные синтетическими средствами. Хотя при более углубленном изучении можно

[1] См. В. М. Насилов, *Язык орхоно-енисейских памятников*, М., 1960.

заметить, что в синтаксических взаимоотношениях подчиненного и главного компонентов сложного предложения все же доминирующими остаются синтетические аффиксальные средства падежного словоизменения и неотделимые от него послелоги или словообразовательные аффиксы в предикативном члене подчиненного компонента. В подчиненных же обстоятельственных компонентах их предикативные члены, выраженные глагольными именами в синтаксической системе сложного предложения, по своим функциям и семантически эквивалентны деепричастным формам глагола.

Вследствие этого, несмотря на морфологическое сходство между склоняемыми субстантивными категориями и склоняемыми глагольными именами, грамматическая сущность глагольных имен в качестве предикативного члена подчиненного обстоятельственного компонента представляет собой как бы «склоняемое» деепричастие, где падежный формант и послелог равнозначны подчинительным союзам в языках индоевропейской группы. Весь комплекс словосочетаний в таком подчиненном компоненте сложного предложения — это развитой член, зависящий синтаксически от какого-либо члена главного предложения.

В определительном развитом члене, предикативный компонент которого выражен глагольным именем, таковое адъективируется и по закону определительных словосочетаний примыкает к определяемому компоненту, что делает излишним употребление относительного местоимения в качестве связующего элемента. Определяемое представляет в таких случаях субъект или прямой или косвенный объект основного предложения, а примыкающий к нему определительный развитой член может иметь собственный субъект действия. Однако в текстах встречаются конструкции, которые получили широкое развитие в современном турецком языке, когда предикативный компонент определительного развитого члена приобретает аффикс принадлежности, относящийся к субъекту действия. Другой доминирующей конструкцией развитого определения является выражение объекта, на который направлено действие субъекта. В этом случае и в основном предложении и в развитом определительном члене субъект действия единый.

Сказанное о развитом определении относится и к другим атрибутивным конструкциям, а именно: к развитому прямому и косвенному дополнению, которое является

управляемым компонентом одного из членов основного предложения, главным образом его предикативного члена. Субъектно-объектные отношения между компонентами развитого дополнения и основного предложения примерно идентичны таковым в определительном развитом члене. Однако в предикативном компоненте развитого дополнения чаще употребляется аффикс принадлежности для обозначения субъекта действия.

Аналитические средства в виде союзов и относительных местоимений, которые в современных тюркских языках отражают ираноязычные или европейские синтаксические конструкции и создают наряду с исконно тюркскими параллельные аналитические конструкции сложного предложения, в языке древнеуйгурских текстов, как мы уже отметили выше, не создают перестройки исконно тюркских конструкций.

Таким образом, и в языке буддийско-манихейских текстов можно видеть целостную монолитную систему синтаксического строя, подчиненного историческим закономерностям его развития. В строе простого предложения обычно соположение однородных членов предложения в порядке их семантической значимости относительно логически и грамматически ведущего члена.

Однородные предикативные члены слитного предложения, выраженные деепричастиями соответствующих форм, согласно их семантической значимости по отношению к основному сказуемому, со всеми своими зависящими членами предшествуют сказуемому, выраженному личной формой глагола. Такой структурный тип сохраняется и для сложносочиненного предложения, где сополагаются отдельные простые предложения, в которых их предикативные компоненты оформляются или деепричастиями или личными формами глагола, но при непременном оформлении личной формой глагола в сказуемом последнего члена предложения. Нарушения такого правила возможны при особых стилистических тенденциях говорящего лица.

В развитом подчиненном члене, выражающем временну́ю, причинную, целевую, уподобительную связь или образ действия в отношении ведущего предикативного члена всего сложного предложения, предикативные члены подчиненного комплекса в соответствующей аффиксальной форме эквивалентны деепричастиям, и морфологические показатели склонения или словообразования являются лишь средствами координации действий со ска-

зуемым ведущего предложения. В тех случаях, когда предикативные члены подчиненного предложения выражены деепричастиями, они также находятся в соответствующей смысловой и грамматической зависимости от сказуемого ведущего предложения, представленного verbum finitum.

В орхоно-енисейских памятниках это относилось и к структуре условного предложения. В древнеуйгурских, манихейских и буддийских текстах формы условного наклонения уже не являются деепричастными формами (или, как можно полагать, глагольным именем с древним падежным формантом *-р*), они представляют собой подлинные verbum finitum условной формы, спрягающиеся с аффиксами сказуемости. Поэтому во взаимоотношениях подчиненного и основного предложения между их предикативными компонентами устанавливается подлинная последовательность времен, где основная смысловая сущность устанавливается между условным аористом и индикативным аористом и в плане реальности или ирреальности осуществления действия модулируется имперфектной формой *эрти* глагола *эр-* 'быть'. Условный аорист *эрсэ* в композиции с глагольными именами смыслового глагола дает дифференциацию временны́х и модальных отношений.

Типологичный общетюркский структурный прием — употребление прямой речи для выражения цели действия, намерения, желания и даже скрытых мыслей говорящего лица. Прямая речь оформляется глаголом *ти-* 'сказать' в его деепричастных и спрягаемых формах.

Приведем примеры из текстов:

Структура простого предложения

Хирмузта тәңри йарлықанчучы көңүллүг эрти (ТМК-I) 'Бог Хормузда (Индра — бог богов) был любвеобильный сердцем'.

Структура предложения с однородными членами

Ол өдкэ улуғ иliг мэңигү йарлықанчучы көртlэ көркин ачғай бэlгүртгэй (ТМК-I) 'Да откроет и да покажет тогда (Маны Бурхан) великий правитель свое вечное, милостивое, прекрасное лицо';

Олар инчип бу дарның кучи көзүни үзэ ол йаєыз йолартын озмағы қутрулмағы болур (Уй-II) 'Но они при

помощи силы этой заклинательной формулы (*dhārna*) могут освободиться и избавиться от тех дурных путей'.

Структура слитного предложения

Ксанти қылып қылынчым арымады, алқынмадын қалыр эрсэр... (УйМ-II) 'Я покаюсь, и если мои [злые] поступки не очистятся, не ослабеют и останутся...' (при подлежащем *қылынчым* предикативные компоненты выражены деепричастиями в отрицательной форме *арымады* и *алқынмадын* и verbum finitum *қалыр эрсэр*);

«Тэтрү сачлығ қуртға йэк кэлипэн(ин) тэнмиш үзүтлэриг тутупан(ын) түнэриг тамуқа тартар»,—тийүр (ТМК-II) 'Говорят: «Приходит взъерошенная старая демоница, схватывает порочные души и тащит их в мрачный ад»';

Ол Күй-тау атлығ бэг башын ыначлары, эвинтэки улуғ кичиги барча бир ажунта өзлүг өлүргү сав биртэм, қодуп, бир йинтэм бу ном эрдиниг бошқундылар тутдылар битидилэр, бититдилэр (*оқудылар оқутдылар*) (СЗБ) 'Во главе тот бек по имени Кю-тау, его доверенные, все от мала до велика находящиеся дома, окончательно отбросив слово «умерщвление живых существ во всей вселенной» (во всех воплощениях?), всецело изучали, придерживались, переписывали, поручали переписывать, читали и поручали читать эту сокровище-книгу' (комплекс однородных сказуемых выражен спрягаемыми формами глагола).

Структура сочиненного предложения

Түзүн билгэ кишилэр тирилэрим, тэңриниң битигин биз ишидэлим, төрт улиг тэңрилэркэ тапыналым, төрт улуғ эмгэктэ, қуртулалым... (ТМК-II) 'Мы, благочестивые мудрые люди, да соберемся, давайте послушаем писание бога, да послужим четырем богам-владыкам, да избавимся от четырех великих страданий...';

Шакилэрниң эржиси түкэл билгэ тэңри тэңриси Бурхан кэк қалығта учуп бардуқта үч миң улуғ миң йиртинчү йир сув тэбрэйүр осуғлуғ көзүнти... күсүшлүг өңлүг йиртинчүдэки сансыз үкүш тэңрилэр тэңри бурхан басасынта бардылар... кинари гантрвита улаты тэңрилэр ырын ойунын ырлайу бүдийү айаларын, қавшуруп ырақтын тэңри бурханығ өгэ йыза турдылар (ТТ) 'Когда святой отшельник (брахми: *арси*) Шакайи (санскр. *Sakaya* — генеалогическое имя Будды), всемудрый бог богов Будда, отлетел в голубые небеса, возникло сотрясающее колебание трех

тысяч [раз] великих тысяч миров вселенной, и последовали за божественным Буддой бесчисленные божества, пребывающие в мире желаний и цветовых сфер, и музыканты (санскр. *ḳimnara*), и духи воздуха (санскр. *gandharva*), и прочие божества, песнями, танцами (играми) воспевая, танцуя и аплодируя, стали восхвалять и прославлять божественного Будду'.

ТИПЫ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С предикативным компонентом в форме глагольных имен

В анализе свойств глагольных имен была отмечена их способность субстантивироваться и адъективироваться и в зависимости от этого нести функции определения, дополнения или обстоятельства. Обладая свойствами глагольности, они, в свою очередь, могут образовать предикативное словосочетание с соответствующими грамматическими соотношениями составляющих его компонентов, образуя развитой член предложения. Этот развитой член предложения в соответствующих его грамматических функциях в системе сложного предложения представляет собой синтаксически определенный подчиненный компонент, т. е. развитое определение, дополнение, обстоятельство и развитое подлежащее.

Определительные компоненты

Аидуқ исэңэзэн (*ишиңизин*) *түкэти ислэдэмэз* (*ишлэдимиз*) (ТМК-I) 'Мы полностью совершили все ваши дела, о которых вы [нам] говорили';

«Бу барс нэгү йийүр, ашадықы ашы нэгү ол»,— тип айыты (СЗБ) 'Он сказал: «Эта тигрица что ест; пища, которой она питается, что такое она?»';

Йэмэ күнкэ асадуғумуз (*ашадуғумуз*) *бис* (*биш*) *тэңри йаруқы кэнтү өзүмүз, үзүтүмүз тудунчсуз овутсуз соқ йэк сэвикинчэ йорыдуқ үчүн...* (ПМ) 'А также свет пяти богов, которым мы питаемся (живем), сами мы и наши души из-за движения (стремления) по [пути] любви к безудержным (необузданным) бесстыдным жадным демонам...'

Следует обратить внимание, что в противоположность определительным сочетаниям с глагольным именем на *-дуқ/-дүк* в орхоно-енисейских и в древнеуйгурских памятниках в глагольном имени проступает аффиксация категории принадлежности, выражающая субъект дейст-

вия в определительном компоненте: *ашадықы ашы* 'ее пища, которой она питается'; *күнкэ ашадуғумуз биш тэңри йаруқы* 'свет пяти богов, которым мы питаемся каждый день';

(Необходимо заметить, что такая форма предикативного компонента развитого определения широко распространена в турецком языке, о чем уже говорилось выше.)

Ол өдүн икинти буйруқ өтру Бодисатв тигин эт-өзин бэшы бирип нэтэг қылмыш ишіэрин ыйын кэзикчэ тозу түгэти өтүнти (СЗБ) 'Затем тогда второй приказной почтительно доложил (*өтүнти*) все и полностью по порядку о делах, которые таким образом совершил (*қылмыш*) царевич Бодисатва, отдавая в жертву свое тело';

Оғлының өлмиш йирин кэргкэп тэркин тавраты йүгрүк атларын кошуғлуқ қанлыта олуруп... (СЗБ) 'Желая видеть (*көргсэп*) то место, на котором умер их сын, они спешно уселись в колесницу, запряженную быстрыми конями';

Мэн амты сизіэркэ тирилмиш тылтақымны сөзіэйин (СЗБ) 'Теперь я вам объясню (букв. скажу-ка) причину, благодаря которой я ожил';

Түзүн оғлум амты савығ сөзүг киң алқығ сөзіэгүлүк өд қолу эрмэз (ТТ) 'О мой верный сын, теперь не время [еще], в которое следует высказать суждение (слово) широко и окончательно';

Чақ амты маңа оғрайу эт-өзүмин исиг өзүмин титкүлүк ыдалағулуқ өд қолу соқа кэлти (СЗБ) 'Как раз теперь пробило время и срок, в который мне специально (*оғрайу*) следует сбросить свое тело, свою жизнь и развеять ее';

Бу бизиң эмгэкимиздэ умуғ ынағ болтачы тэңри Бурханта адын ким эрсэр йоқ (ТТ) 'Кроме божественного Будды, который является в этом нашем страдании надеждой и упованием, никого нет (*ким эрсэр* 'кто-либо', т. е. кого-либо).

Компоненты развитого дополнения и обстоятельства

Йүкүнүрмэн Сиддхи (*Siddhi*) *алқыш үзэ йашта улатыларығ булмышларқа* (Уй-II) 'Я преклоняюсь перед теми, кто нашел в своей жизни других с восхвалением Сиддхи (т. е. хвалящих Сиддхи)';

Ил Өтүкэн қуты күч бирү йарлықадуқ үчүн биз қамаған барча кэңүлтэки қутуғ булу тэгинтүкүмүз үчүн... көнүлтэ бэрү сэвиг көңүлүн амранмақ билигин алқыш алқайу сэвинч өтүнү тэгинүрбиз тэңрикэним (ТМК-III) 'Благодаря то у, что владыка (благодать) Отюкенской страны соизволил дать силу, и благодаря тому, что все мы обрели сердечную благодать, мы, о боже наш, от сердца восхваляя чувство любви и мудрость любви, просим мы радости';

Ишигимиз Ыдуқ қут күн тэңричэ бата йарлықадуқ үчүн қамағ йоқ чығай қапқара будун-буқун босушлуғ қадғулуғ болтумуз эрти (ТМК-III) 'Благодаря тому, что наш правитель Ыдук Кут («священная благодать»), подобно божеству солнца, соизволил закатиться, мы, весь неимущий, нищий простой народ (*будун-буқун*), стали опечаленными и горестными';

Қалты йаруқ тэңри Мани Бурхан кэлтүктэ диңтар болты (ТМК-III) 'Как только пришел светлый божественный Мани Бурхан, он стал священнослужителем';

Мэн иглэдүкдэ аң башлайу маңа төрт йэкіэр йақын кэлти (СЗБ) 'Когда я заболел, прежде всего ко мне подошли четыре демона';

Мэн ол бэгниң өзиңэ тэгдүкдэ, қойунынтын бир кэгдэ битиг үндүрүп, маңа оқыды (СЗБ) 'Когда я подошел к тому самому беку, он извлек из-за пазухи грамоту и прочитал мне';

Йақын тэгдүкдэ исиг өзіэриңэ умуғ ынағ булмыш тэг болуп тэңри бурхан адақынта бағырын суна йатып инчэ тип тидиlэр... (ТТ) 'Когда они приблизились, они легли, простираясь чревом к ногам божественного Будды, как будто нашли для своей жизни надежду и прибежище, и так сказали...'

Употребление обстоятельственных развитых компонентов с глагольным именем на *-дуқ//-дүк* в местно-исходном падеже, видимо, передает чередование действий в отношении действия, выраженного основным сказуемым. Это можно видеть в компонентах, где присутствуют аналитические средства в виде временных союзов:

Қачан барс үскинтэ тэгдүктэ, өтрү ол өдүн боз ағыр улуғ йағыз йир алты түрlүгин тэбрэти, қобсаты (СЗБ) 'Когда он подошел вплотную к тигрице, затем (*өтрү*) в то время эта тяжелая великая бурая земля шесть раз по-разному заколебалась (заколыхалась)';

Қачан йиркэ тэгдүктэ Бодисатв йана ынча тип сақынты (СЗБ) 'Когда Бодисатва достиг того места, он таким образом подумал'.

Это подтверждается и аналитическими структурами:

Ол ач барс қачан Бодиствның өмгэнинтин қан ақмыш ын көрти, өтрү ол қанығ йалқайу этин барча йип қодты (СЗБ) 'Когда та голодная тигрица увидела, что потекла кровь из горла Бодисатвы, она тогда, слизывая эту кровь, окончательно съела его тело'.

Следует отметить в подчиненном обстоятельственном предложении компонент развитого прямого дополнения (*...ақмышын көрти*).

Глагольное имя на *-мыш//-миш* в направительном падеже сказуемого обстоятельственного компонента обычно передает одновременность действий:

Мэн тирилмишкэ сизләр нэгүлүк анча кэд қачарсызлар (СЗБ) 'В то время как я ожил, что же вы так быстро убегаете'.

И, наоборот, для передачи чередующихся событий употребляется местно-исходный падеж компонента без послелога и с послелогом:

Аш қылу түкэтмиштэ кин он күн эртмэз кнэ, өтрү ол бэг бэлиңдэк ағыр иглэди 'И даже не прошло и десяти дней, как он кончил совершать пир, тот бек затем страшно тяжело заболел';

Бу хуа аңару ilтип Мамика қызқа биргil, бирмиштэ кин йэнэ инчэ тип тигil: «Мэниң көңүлүм йүрэким синтэдэ (двойной аффикс) *өңи китип қарғуси йоқ»* (ТТ) 'Отнеси этот цветок (кит. *хуа*) и отдай его девушке Мамике, после того как отдашь, скажи таким образом: «Мое чувство и мое сердце уйти прочь от тебя бессильны» (букв. не имеют желания уйти)';

Қачан мэн қылыч учында тэгмиштэ исиг өзүмкэ сизикliг эрдим: нэң бу Мамика умуғ ынағ болғалы умады (ТТ) 'Когда я коснулся острия (кончика) меча, я усомнился в отношении моей жизни: никак эта Мамика не могла быть ни надеждой, ни верой'.

Интересен также пример аналитических соотношений между предикативными компонентами:

Ынчып бизиң йылқы ашунынтақы озғулуқ қотрулғулуқ өдүмүз күнүмүз тақы түкэмэскнэ... Күтау атлығ бэг бизни өлүртди (СЗБ) 'Так вот, не успел еще кончиться наш срок, наш день, в который мы должны освободиться и избавиться от воплощения в образе животных, как... бек по имени Кю-тау приказал нас умертвить'.

Встречаются развитые обстоятельственные члены с глагольным именем на *-ур//-ур*:

Бүтүн эт өзинтэ анта өтрү (в тексте пропуск) *түртүнүп көзүнүрдэ өлүм мадар* (санскр. *makara*) *осуғлуғ ағзын ачып йиl тэг таврақ йүгүрүп өз прыаныңа* (санскр. *рагуапа*) *кирди* (ТТ) 'Во всей своей телесности, после того как, натеревшись мазью, стал видимым, он со свойственностью (*осуғлуқ*) чудовищу смерти раскрыл свой рот и, как ветер, быстро понесся (побежал) и вошел в свою келью'.

Условное предложение

Условное предложение в языке исследуемых памятников представляет грамматически определенно оформленную структуру сложноподчиненного предложения, выражающего условно-следственную связь двух или нескольких явлений.

В то время как в памятниках орхоно-енисейского письма форма условного наклонения в предикативном компоненте подчиненного предложения остается морфологически нейтральной в отношении подлежащего этого предложения и не согласуется с ним в лице и не принимает аффиксов лица, уподобляясь деепричастным формам глагола, наоборот, в буддийских и манихейских памятниках уйгуров она представляет собой verbum finitum.

Следовательно, эту форму надлежит рассматривать как сказуемое в личной форме, характерной для условного подчиненного предложения.

При этом необходимо констатировать, что древняя, нейтральная в отношении категории лица, форма на *-сар// -сэр* прошла стадию грамматического развития в фиксации субъекта действия синтетическим путем при помощи его аффиксального обозначения формантами соответствующего лица. Это, с одной стороны, выявлялось необходимостью грамматически уточнить условно-следственную связь между явлениями и, с другой стороны, зафиксировать определенную семантическую модификацию в качестве предпосылки и условия в самой форме глагола *-сар//-сэр*, каковой она не обладала в предшествующей стадии развития. И даже в некоторых исследуемых здесь памятниках можно наблюдать семантику этой формы, соответствующую прежним фазам ее развития, а именно: выражение желательной возможности выполнения действия, неопределенности в свершении действия, а также и условной предпосылки к свершению связанных между собой действий.

Условно-следственная связь в уйгурских памятниках выражается в соответствующей последовательности вре-

мен и модальной координации возможности или невозможности свершения действия. В такой координации выявляется реальность или ирреальность в выполнении условия. Последовательность времен и модальная координация получают грамматическое оформление в предикативных компонентах подчиненного и основного предложений. При этом предикативный компонент основного предложения в зависимости от его формы verbum finitum определяет семантику временны́х и модальных взаимоотношений действий в обоих компонентах сложного предложения, независимо от того что предикативный компонент условного предложения иногда сохраняет свою форму при разных содержаниях условно-следственной связи.

Потенциальная условно-следственная связь предложений

Под потенциальной условно-следственной связью имеется в виду такое соотношение действий, когда действие или совокупность действий воспринимается как неопределенная, точно неосознанная предпосылка к итогу, интегрирующему выводу, вытекающему следствию, выражаемому в предикативном компоненте основного предложения. Большое количество примеров такой связи дает «Покаянная молитва»:

Суида бару, тәңрим, бу биш түрлүг тынлығыг туралығыг улуғқа кичигкәтәки нәчә қорқытдымыз үркитдимиз эрсәр, нәчә уртумуз йонтумуз эрсәр, нәчә ачытдымыз ағрытдымыз эрсәр, нәчә өлүрдүмүз, мунча тынлығқа туралығқа өз өтәгчи болтумуз, тәңрим, амты йазықта бошуну өтүнүрбиз: Манстар ғырз-а! (ПМ) 'Ходя в грехе, о боже мой, этих живых телесных существ пяти родов, от мала до велика, сколько же [раз] мы, видимо, устрашали, пугали, сколько же [раз, видимо,] били и угрожали, сколько же [раз, видимо,] огорчали и причиняли боль, сколько же убивали, перед столькими живыми телесными существами мы сами согрешили, о боже мой, теперь, освобождаясь от грехов, мы умоляем: Прости наши прегрешения'.

Остальной текст «Покаянной молитвы» построен из аналогичных грамматических конструкций. Следует обратить внимание на формант *эрсәр* после глаголов в форме прошедшего объективного времени. Он является выражением условия в этом точном значении, но указывает на неопределенный учет свершавшихся фактов, послуживших основанием к определенному следствию. Аналогичен и следующий пример:

Азу ймә сү сүләп йарық кәдип, йағы санчып ити қылычын сычып йа қуруп оқ атыҗ адынағунуң илиг өзләринтә адыртым эрсәр, иринч ырлығ йазуқсуз кишиләрниң оғлын қызын булғадым эрсәр амрақынта адыртым эрсәр, түзүн йаваш әдгү көңүллүг тынлығла ығ күң қул қылып учуз йиник тутуп эмгәдип иринтүрдүм эрсәр... балығтын балық-қа, улустын улуска, иитин иікә тиңчи пахуаичи болуп йорытым эрсәр; бу мунчулайу өкүш түрлүг инчсирәтмәк тсуш (кит.) *иринчү айығ қылынчлар қылтым, қуватдым эрсәр, амты алқуны барча өкүнүрмән, биинүрмән* (Уй-II) 'Или также, водя войско, надев оружие, пронзая врага, острым мечом рассекая, натягивая тетиву (лук), осыпая стрелами, я разлучал других [людей] с их жизнью (букв. от их теплого тела), приводил в смятение сынов и дочерей несчастных безгрешных людей, отлучал от любви, верных, кротких и добрых сердцем живых существ превращал в рабынь и рабов, препятствуя простому и легкому, заставлял страдать и делал несчастными... От города к городу, от страны к стране, от народа к народу ходил я в качестве разведчика и вредителя. Таковые многочисленные разнообразные беспокойства, грехи, преступления, дурные поступки я совершал, накоплял,— теперь я во всем этом полностью раскаиваюсь и признаюсь'.

Из примера ясно видно, что условные предложения выражают предпосылки для основного действия («я раскаиваюсь и признаюсь»), а не условия для его выполнения. В том же тексте, в начале «Покаянной молитвы» интересно проследить, как при помощи той же формы выражено условие:

«Тиргүдсәр тәңри тиргүдүр, өлүрсәр тәңри өлүрүр»,— тиддимиз эрсәр (ПМ) 'Если бы мы сказали: «Если бог [кого] оживит, он оживит; если бог [кого] умертвит, он умертвит»'.

В данном примере в семантике условной формы имеется рудиментарное содержание волюнтативности, т. е. выражение желания, тенденции к чему-либо. Следовательно, такую фразу (и многие другие фразы других текстов) можно перевести и так: «Если бог [кого] захочет оживить, он оживит; если бог [кого] захочет умертвить, он умертвит»;

Өрү турғыл, амты көңүндәки нә бусушуң сақынчың эрсәр, мини көрмиш сәвинчкә ырақ тарқарғыл (ТТ) 'Встань, если могут быть в твоем сердце какая-либо пе-

чаль иль думы, рассей их далеко ради радости, что увидел меня'.

Как показывают наблюдения над текстами, условная форма *эрсэр* глагола *эр-* 'быть' не полностью соответствует русскому «если есть», «если будет», но семантически ближе к предположительному значению «если, может быть, есть», «если, может быть, будет»;

Бу буйан эдгү қылыны күчинтэ йалаңуқ ажунында тоғмаң оғрында йавлақ қылынчларға йалчытып йарағсыз орунларда тоғмышлары бар эрсэр, антын озуп үстүн тэңри йиричтэ бурханлар улусында тоғмаңлары болзун (Уй-II) 'В силу этих благодатных добрых дел в условиях рождения в человеческом мире, если будут иметься родившиеся участники в злых делах и в негодных местах, то да избавятся они от этого и да будет их рождение на высшей божественной земле в стране Будд';

Азу олардын адын қайу ажунларта тоғмыш эрсэр, ймэ олар ы чып бу дарының күчи көзүни үзэ ол йағыз йоллаётын озмағы, қутрулмағы болур (Уй-II) 'Или если также они родились в какой-либо иной жизни, чем те, они также на основании силы и мощи того правила (*dhārna*) могут освободиться и избавиться от тех дурных путей'.

Условно-следственная связь, выражающая последовательность модально-временны́х отношений, определяется главным образом предикативным компонентом основного предложения, его семантикой, в соответствии с которой находится семантика условного предикативного компонента. Определенность следствия связана с определенностью условия, неопределенность — с неопределенностью условия.

Кәнти (санскр.) *қылыч қылынғым арымады, алқынмадын қалыр эрсэр, адиштит үзэ тута тэгинүрмэн... Качан қайу күн түкәл болгэ Маитри* (санскр.) *тэңри тэңриси бурхан бу йиртинчү йир-сувта бәлгүрүр йылыңасар, ол оғурта бу адиштит* (санскр.) *үзэ тутмыш айығ қылынчымын анта кәнти өтүнүп бу сансар* (санскр.) *эмгәкиндин озмақым болзун* (Уй-II) 'Когда я исповедуюсь, если мой поступки не очистятся, не ослабеют [от злого] и останутся [прежними], то я буду приближаться [к этому], поддерживаясь высшей милостью (благодатью). Когда в какой-либо день всемудрый Маитра (бог любви), бог богов Будда, если соизволит появиться в этом мире и стране, то в это время при помощи этой благодати (*адиштит*) мои дурные поступки, которыми я обладаю,

я при этом исповедую и пусть произойдет мое освобождение от страданий физического мира' (здесь выражена реально и определенно условно-следственная связь);

Ким қайу айығ қылынчығ қылтачы тынлығлар өлсэр, ол тынлығлар үчүн бу дарныны йүрүң ғаитсыға бир отуз қата сөзләр (Уй-II) 'Если некоторые живые существа, способные совершать дурные поступки, умрут, то для тех живых существ двадцать один раз говорят эту заклинательную формулу к белой кости' (в данном примере выражена условно-следственная связь в обобщенном безотносительном к моменту значении, что зависит от координации предикативных форм *өлэр — сөзләр* неопределенного настояще-будущего времени, близкого по значению к аористу);

Париварачакиларның қылмыш арвышларын кәсәрмән, қасқуқ тоғыйурмэн (Уй-II) 'Если я пресекаю чародейские действия, совершенные Париварачаки, я вбиваю кол'.

Соотношением форм аориста передают безотносительную обобщенную условно-следственную связь:

Ол қайу қайу ажунларта тоғсар, анта анта ймэ Цинхуаның өзәнинтич өк бөгүн кәлигин тоғмағы болур (УйМ) 'Если он рождается в каком-либо мире (т. е. градации воплощения), то при этом его рождение происходит только лишь через волшебный приход (*кәлигин* — инстр. пад.) из сердцевины лотоса';

Нәгәдэ анитыятлығ (санскр. *anitiat*) *үрлүкүз йат йатланғучы кәлип иниг өзүмин қунғалы уғрасар, ол оғурта йәмэ бу маңа умуғ ынаг болғалы умаз* (ТТ) 'Равным образом, если чужак — посторонний, дух непостоянства приходит и намеревается похитить мою жизнь, в то время также она (т. е. Мамика) не может быть мне ни надеждой, ни прибежищем';

Кимләр бирөк тутсарлар бу ном-эрдәниг мунчулайу өз эт-өзиниң қуврағының итилмәкләри тарықар, кәргәкләмиш тоны ашы өдүн өдүн эгсүмәз 'Если кто-либо придерживается этого закона-сокровища таким образом, то будут развиваться совершенства его тела, его всех свойств (совокупности), и необходимая ему одежда и пища не будет в недостатке'.

Выражение конкретной, определенной условно-следственной связи оформляется соотношением предикативных форм на *-сар/|-сәр... -ғай/|-гәй*:

Маңа ймэ тапығ удуғ қылсарлар, үзүкүз бу ном эрдәниг эшидсәрләр, бу мунтаг буйан тусун булғайлар (УйМ — Молитва магов) 'Если мне оказывают служение

и почитание (букв. подчинение) и непрерывно слушают эту сокровище-книгу, то [непременно] найдут они такую благодать и пользу'.

Попутно можно указать на другую форму предикативных соотношений условно-следственной связи (которая, кстати сказать, употребляется и в современных тюркских языках), когда вместо формы на *-сар//-сэр* употребляется локатив глагольного имени на *-мышта//-миштэ*:

Бирөк ким қайу киши бу қутлуғ дарныг сөзlэйу мини оқыйу тэгинмишдэ (вм. *тэгинсэр*), *мэн өтрү оларның оқыйу өтүнмиш өтүгlэри эшидү тэгинип, оларқа йақын барып көсэмиш көрүшlэрин қантурғаймэн* (УйМ — Молитва магов) 'Если какой-либо человек «возьмется» произносить эту счастливую заклинательную формулу (*dhārna*), призывая меня, то я тогда «вплотную» (*тэгинип*) услышу их зов и произносимую молитву и, идя близко к ним, удовлетворю «выдвигаемое» желание'.

По существу это сложное предложение содержит в себе развитой обстоятельственный член с предикативным компонентом *тэгинмишдэ*, но союз-частица *бирөк* 'если', являясь аналитическим компонентом условной подчинительной связи, показывает, насколько она уже осознана, стабилизировалась и дифференцировалась в литературном языке древних уйгуров в сравнении с единообразием ее смысла в орхоно-енисейских памятниках.

Тэңри оғлы эрсэр, змурун күжи алғай; ulик қан эрсэр, алтун алғай; бирүк (*бирөк*) *отачы эмчи эрсэр, от йэм алғай* (ПВ) 'Если он сын божий, то возьмет смирну и благовония; если он правитель-хан, то возьмет золото; если же он лекарь и врач, то возьмет травы и зелья';

Бирөк эшидмэдин ол йолча барсарсэн, улуғ ойқа, түшгэйсэн (ТМК-I) 'Если ты не послушаешь и пойдешь тем путем, упадешь [непременно] в большую яму';

Улуғ Арвислар ulигин тозта, йапырқақта, кэгдэтэ, бөзтэ, банта эрсэр ймэ битип, эт-өзинтэ эрсэр ймэ бокузынта эрсэр, ймэ тутсарлар оқысарлар, ол тынлығларқа бин ажунта нэң ағу тэгмэкэй, нэң бы бычғу тэгмэкэй, нэң артуқ эмгэк ада кэlмэкэй, нэң от-сув адасы тэгмэкэй (УйМ-II) 'Если великий чародей напишет рукой (*Арвислар* — формула почтения), будь то (*эрсэр*) на бересте, на листах, на бумаге, на полотне, на доске, будь то на теле и на их шее, если будут носить и читать [написанное], то тех живых существ в каком бы то ни было мире ядовитое (никакой яд) не коснется, никакое острое

оружие пусть не коснется, никакая горячка не тронет, никакое после страдание и беда не придут, пусть не тронет никакая опасность от огня и воды'.

Предположительная условно-следственная связь

Уже было отмечено, что содержание условно-следственной связи определяется предикативным компонентом основного предложения, и его форма verbum finitum находится в смысловом соответствии с условной формой предикативного компонента придаточного предложения, которая формально остается стабильной во всех случаях связи. Поэтому для выражения предположительной (или сослагательной) связи вся структура сложноподчиненного предложения определяется имперфектностью формы verbum finitum в основном предикативном компоненте.

Как известно, свойства имперфектности передаются сложными формами глагола с вспомогательным глаголом *эрти*. Здесь следует остановиться на некоторых особенностях исторического процесса в развитии условно-следственной связи. В то время как в грамматической системе ее выражения в орхоно-енисейских памятниках предикативный компонент условного предложения формально безразличен к форме предикативного компонента основного предложения и является условным деепричастием с формантами *-сар//-сэр*, в грамматической системе древнеуйгурских памятников этот предикативный компонент уже представляет личную форму глагола и осознан как verbum finitum, который в модально-временно́й последовательности корреспондирует с verbum finitum основного предикативного компонента в отношении смыслового содержания. В дальнейшем своем развитии, как мы видим это, например, в современном уйгурском языке), условно-следственная связь настолько осознана в ее смысловых вариациях, что предикативный компонент условного предложения получает формальное соответствие даже в идентичности структуры verbum finitum основного предикативного компонента, т. е. условно-следственная связь становится подлинной и в формальном отношении. Проиллюстрируем это схемами предикативных компонентов в их соответствии в придаточном и главном предложениях в современном уйгурском языке:

в придаточном условном предложении — *-са*, в главном — *-ар//-эр*;

в придаточном условном — *-са эди*, в главном — *-атти//-этти*, т. е. *-ар эди//-эр эди*;

в придаточном условном — *-ган//-гэн болса эди*, в главном — *-ган//-гэн болатти* (*болар эди*).

В манихейских и буддийских памятниках условно-следственная предположительная связь выражена главным образом смысловыми соотношениями предикативных компонентов:

Өтүг бирим өтэглэгүлүк йыл аи өд қолу сақыш толсар, түкэсэр, мунта эт-өз, қодуп киши ашунынта тоғар эртимиз (СЗБ) 'Раз исполнился [бы] и закончился [бы] счет времени лет и месяцев, в которые мы были должны выполнить взыскание [за грехи], мы при этом отбросили бы свое тело [животное] и родились бы в человеческом воплощении'.

Еще более четко предположительная связь бывает выражена при употреблении формы будущего долженствовательно-предположительного:

Ilики атлығ ном битигиг түкэл бүтүн бититкүкэ көзүш өриткэли усарсэн, бу эмгэкиңдин озғалы қутрулғалы уғай эрдиң (СЗБ) 'Если бы ты смог возбудить [в себе] желание целиком и полностью переписать закон-книгу, царственную по названию, то ты [определенно] смог бы освободиться и избавиться от твоего страдания';

Ағылық қуруғ болғанын ағы барым алқынсар йоқадсар, йазуқа түшэ тэгинмэгэй эртимиз 'Если бы казна опустела и сокровища и имущество кончились бы и исчезли, мы не впали бы в грехи';

Улуғ күчлүг қутлуғ Бодиствлар эрмэсэр, бу йиркэ нэң тэгмэгэй эрти 'Если бы не было великого сильного священного Будды, то он никогда не коснулся бы этой земли'.

Модальная сущность предположения (сослагательности) еще более усиливается употреблением модальной частицы *эрки*:

Нэ ал алтақ қылғармэн, тикилэйү тириг өз болғай эртим эрки (СЗБ) 'Какой бы хитрый обман мне совершить, чтобы снова я стал бы живым'.

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ

Прямая речь, представляющая буквальное высказывание говорящего лица или невысказанные им, но сформулированные мысли, имеет часто служебное значение

в композиции синтаксических конструкций, чтобы выражать цель действия, желание, намерение, побуждение, совет к свершению определенного действия.

Иногда она служит для оценки, характеристики какого-либо явления, о котором идет речь. В служебной функции прямая речь, таким образом, является грамматико-стилистическим средством, эквивалентным косвенной речи и подчиненным предложениям цели языков индоевропейской системы. Прямая речь присоединяется в таких случаях к основному предложению при помощи деепричастных форм глагола *ти-* 'сказать' — *тип*, *тийин*:

Сэн үч йолы ынча тип аиғыл (ТМК-I) 'Ты так произнеси три правила';

Түмэнлиг йэклэр кэлир тийүр 'Говорят, что приходят десять тысяч демонов...';

Түш үзэ олтуруп түлтүрүр тийүр 'Говорят, что садятся на тело (*түш*, отсюда русское «туша») и создают сновидения';

Оңрэ ашунтақы эдгү қылынчыңның түшин утлысын ойу сақыну йантуд сэвиг тапуғ удуғ қылғуқа өтүг өтүнүп, тынлығларқа эдгүлүг бу нэм эрдиниг киңүрү йадғулуқ улуғ буйан алғулуқ эрдиниг кэрэглик өтүг өтүнүп тип йарлықады (УйМ) 'Он так соизволил сказать, что ты, вспоминая и обдумывая пользу и награду за твои добрые дела в предшествующем воплощении и произнося молитву о совершении ответной любви, служения и почитания, ты выражал и чрезвычайно необходимое моление, приобретающее великую благодать по распространению благотворной этой книги-сокровища для живых существ';

Йэмэ Маших бурхан киртүнйүк бушы бириглі үзүтин тилэгли кишилэриг кэнтүнүң эдгү өглисиңэ эдгү өгли тип атады, ынча тип йарлықады (ТМК-III) 'А также божественный Мшиха (Мессия) так соизволил сказать — он назвал тех людей, которые с верою подают милостыню и молятся душою за их доброе сознание «добромыслящими» (благомыслящими)';

Өзлүгүг өлүрмэ эдкэ таварқа ашланмағыл айығ қылынч қылма эдгү қылынчлығ кими кэбүк иткил йаратқыл— тип мунчулайу тутузуп өтрү мини бошайу ытды (СЗБ) 'Так [он] посоветовал, сказав [мне], чтобы я не убивал живых существ, не увлекался добром и имуществом, не совершал злых дел и созидал бы и творил корабль и мост добрых дел,— и отпустил меня'.

Конечно, любое предложение с прямой речью можно

переводить буквально, однако, учитывая ее применение в качестве композиционного средства для выражения цели, желания, совета и т. д., можно сказать, что в текстах памятников ее стилистическая и грамматическая направленность все же эквивалентна косвенной речи индоевропейских языков.

В текстах древнеуйгурских памятников повествовательного характера образцы прямой речи для монолога и диалога очень распространены и выражают многочисленные смысловые модуляции.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

КБ — «Кутадгу билиг».
С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951.

ПВ — «Поклонение волхвов».
С. Е. Малов, *Памятники дровнетюркской письменности*, М.—Л., 1951.

ПМ — «Покаянная молитва манихейцев».
С. Е. Малов. *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951.
[В. В. Радлов] W. Radloff, *Chuastuanift. Das Bussgebet der Manichäer*, SPb., 1910.
W. Bang, *Manichaeische Hymnen*,—«Muséon», vol. XXXVIII, Louvain, 1925.
A. v. Le Coq, *Chuastuanift, ein Sündenbekenntniss der manichäischen Auditores. Gefunden in Turfan.*— APAW, Berlin, 1910 (1911).
Ed. Chavannes et P. Pelliot, *Un traité manichéen retrouvé en Chine*,— JA, Paris, 1913.

СЗБ — Сутра «Золотой блеск».
В. В. Радлов и С. Е. Малов, *Suvarṇaprabhāsa* (*Сутра «Золотого блеска»*),—«Bibliotheca Buddhica», XVII, вып. 1—2, СПб., 1913; вып. 3—4, Пг., 1914; вып. 5—6, Пг., 1915; вып. 7—8, Пг., 1917.
[В. В. Радлов] W. Radloff, *Suvarṇaprabhāsa*,—«Bibliotheca Buddhica». XXVII, вып. 1—3, Л., 1930.
[В. В. Радлов] W. Radloff, *Kuan-şi-im-Pusar*,—«Bibliotheca Buddhica», XIV, SPb., 1911.
С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951.

ТМК — A. v. Le Coq, *Türkische Manichaica aus Chotscho*,— APAW, Berlin, Bd I, 1912; Bd II, 1919; Bd III, 1922.

ТП — P. Pelliot, *La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyaṇamkara et Pāpaṃkara. Toung Pao*, XV, Leide, 1914.
P. Pelliot, *Die chinesische Pfahlinschrift*,— APAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1915, N 3.
F. W. K. Müller, *Die uigurische Inschrift aus dem Pfahl*, Berlin, 1915.

ТТ — W. Bang und A. v. Gabain, *Türkische Turfan-Textet*— SPAW, phil-hist. Klasse, Berlin, Bd I—II, 1929; Bd III—IV, 1930; Bd V, 1931.

A. v. Gabain, *Türkische Turfan-Texte*,—ADAW, Berlin, Bd VIII, 1955; Bd IX, 1958; Bd X, 1959.
Уй — F. W. K. Müller, *Zauberritual aus den Turfanfunden*,— SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1928.
УйМ — F. W. K. Müller, *Uigurica*,— APAW, Berlin, Bd I, 1908; Bd II, 1911; Bd III, 1922; Bd IV, 1931.
ХМИТ — A. v. Le Coq, *Ein christliches und ein manichäisches Manuskriptfragment in türkischer Sprache aus Turfan*,— SPAW, Berlin, 1928.
ЮД — «Юридические документы уйгуров».
[В. В. Радлов] W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, Л., 1928.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Les antiquites bouddhiques de Bamiyan. Expedition française en Afganistan», ed. J. van Oest, 1928.
Bailey H.. *Turks in Khotanese texts*,—BSOS, 1939.
Bailey H., *Turks in Khotanese texts*,—«Journal of the Royal Asiatic society», 1939.
Bailey H., *A Khotanese text concerning the Turks in Kantsou*,—«Asia Major», vol. I, 1949.
Breitschneider E., *Mediaeval researches from Asiatic sources*, vol. 2, London, 1888.
Chavannes E. et Pelliot P., *Un traité manichéen retrouvé en Chine*,—«Journal Asiatique», 1913, Janv.—Febr. et Mars — Avr.
Csongor B., *Chinese in the Uighur script of the T'ang-period*,—«Acta orientalia», Budapest, 1952, II.
«Ergebnisse der KGL preussischen Turfan-Expeditionen», Berlin, 1925.
Franke O., *Geschichte des chinesischen Reiches*, Bd I—V, Berlin—Leipzig, 1930—1952.
Gabain A. v., *Alttürkische Grammatik*, Leipzig, 1950.
Gabain A. v., *Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüe-n-tsangs*,—SPAW, Bd I, Berlin, 1935.
Grousset R., *Histoire de l'Extrême-Orient*, vol. 2, Paris, 1929.
Grousset R., *Sur les traces du Boudha*, Paris, 1929.
Haloun G. and Hennig W., *The compendium of the doctrines and styles of the teaching of Mani the Budda of light*,—«Asia Major», vol. III, pt. 2.
Hamilton J. R., *Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois*, Presses universitaires de France, Paris, 1955.
Henning W. B., *Argi and the Tokharians*,—BSOS, vol. IX, 1939—1943.
Hiang-Tа, *Mélanges sinologiques. Centre d'études sinologiques de Pekin*, 1951.
Minorsky V., *Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs*,—BSOS, 1948, XII.
«Philologiae Turcicae fundamenta», vol. I, Wiesbaden, 1959.
Rémusat A., *Histoire de la ville de Khotan*, Paris, 1820.
Stein M. A., *Ancient Khotan*, vol. I—II, Oxford, 1907.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Сведения по фонетике и графике 7
Лексический состав 12
Имена 31
Субстантивная и адъективная категории 32
Местоимение 41
Имя числительное 45
Глагол 47
Наречие 88
Послелоги 89
Сведения по синтаксису 94
Условные сокращения 119
Библиография 121

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	5 св.	*хуш (қуш)*	*хуш(қуш)* 'птица'
13	11 св.	*нэң* 'отрицание'	*нэң* (отрицание)
23	13 сн.	*кичинч*	*кигинч*
33	12 св.	*танлығыг*	*тынлыгыг*
38	10 св.	*Сизиңэри*	*Сизиңэрү*
39	14 сн.	*қаланч*	*қылынч*
43	9 сн.	*йийүг*	*йийүр*
44	5 сн.	*булайын*	*болайын*
58	13 св.	*көсмиш*	*көсэмиш*
83	20 св.	Калйапамкара	Калйанамкара
86	6 сн.	Он, должно быть,	Ты, должно быть,
89	8 св.	*ачуғын* (исход. пад.	ачуғын (инстр. пад.

Зак. 1335